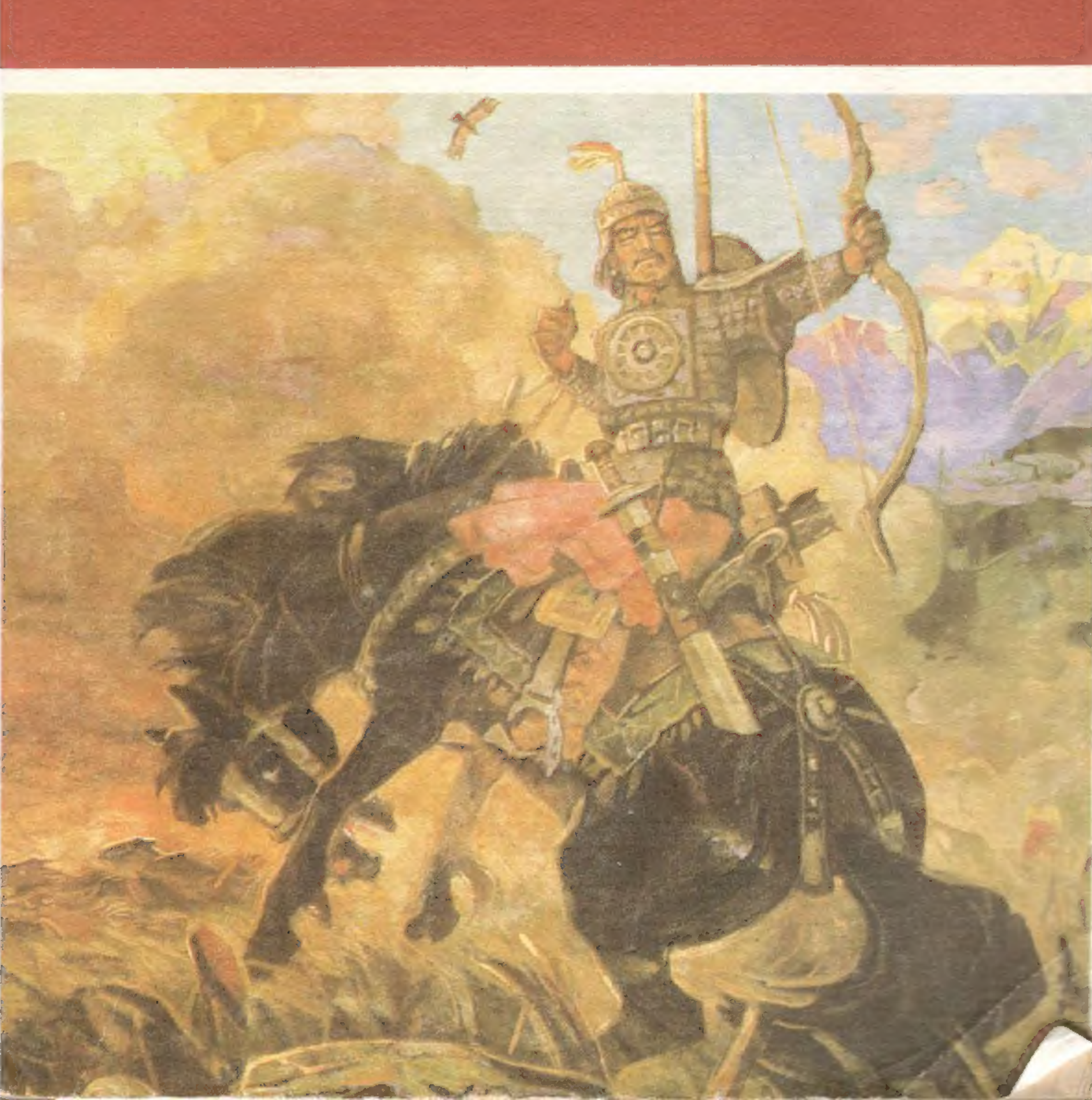
Е. И. КЫЧАНОВ

ПОВЕСТВОВАНИЕ ОБ ОЙРАТСКОМ Галдане Бошокту-хане

Е. И. КЫЧАНОВ

ПОВЕСТВОВАНИЕ ОБ ОЙРАТСКОМ Галдане Бошокту-хане

2-е издание, исправленное и дополненное

Элиста
Калмыцкое книжное издательство
1999

ББК 63.3(0)51
К 978

На обложке: "Баатр". Художник Г. Рокчинский.

Кычанов Е. И.
К 978 Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане.— 2-е изд., испр. и доп. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999.— 208 с.

ISBN 5-7539-0405-X

В центре книги — фигура Галдана (1644—1697) — крупного ойратского политического деятеля второй половины XVII века, хана Джунгарии. Описывая события, связанные с его деятельностью, автор дает широкую картину политических и социально-экономических условий жизни ойратов той эпохи. Ярко и достоверно изображены раздиравшие ойратское и монгольское общества междоусобицы и постоянная борьба за власть, что вело к ослаблению и ойратов и монголов перед лицом угрозы, исходившей от цинского Китая, и в итоге во многом определило дальнейшие исторические судьбы монгольских народов. В полном соответствии с историческими фактами описываются ойрато-китайские отношения, дается их верная интерпретация и оценка.

Книга представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

К $\frac{0503020200-015}{М 126(03)-99}$ Без объявл.

ББК 63.3(0)51

ISBN 5-7539-0405-X

К калмыцкому читателю!

Калмыцкое книжное издательство обратилось ко мне с предложением переиздать мою книгу "Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане". Считаю, что мне оказана большая честь, поскольку я получил возможность обратиться непосредственно к калмыцкому читателю. Любой автор знает, что суд того читателя, к которому обращена книга, самый строгий, но и самый справедливый. Эта книга была написана мною двадцать лет назад по поручению Сибирского отделения издательства "Наука" для редколлегии научно-популярной литературы, трудам и авторам которой большое внимание уделял покойный академик А. П. Окладников.

В основу книги положены первоисточники, на китайском языке использованные в оригинале, прочие в переводах. Все основные факты из жизни Галдана и события исторической значимости той эпохи доведены до читателя в той мере и последовательности, в какой это было известно науке на момент написания книги. В научно-популярной книге определенная роль отведена и художественному вымыслу. Я стремился к тому, чтобы те эпизоды, которые имели место, но о которых мы не знаем в деталях, выглядели как можно более правдоподобно и убедительно, они описаны с использованием реалий жизни той эпохи, которые были мне известны или казались достоверными. Вообще в художественном воплощении исторических событий детали — костюма, жилища, быта, питания, и диалоги представляют наибольшую трудность. Здесь могут быть и ошибки, которые обнаружат знатоки ойратско-калмыцкой старины. Мне приходится расчитывать на их снисхождение, а о поправках, достойных внимания, может быть написано в рецензиях или даже в примечаниях, сделанных от Калмыцкого книжного издательства.

Как научный работник, более сорока лет своей жизни посвятивший изучению прошлого Китая и сопредельных с ним районов Центральной Азии, я могу ответственно заявить, что ойратам принадлежала видная роль в исторических событиях в регионе с момента гибели монгольской

династии Юань (1368 г.) и до середины XVIII в. История ойратов оказалась тесно связанной с историей монголов, Тибета, киргизов, казахов, Восточного Туркестана. Заполучив Халху, цинское правительство готовилось к уничтожению Джунгарского ханства. Китайские и маньчжурские историки создали большую литературу об ойратах и их взаимоотношениях с Китаем. Значительная часть ее до сих пор не введена в научный оборот. Я полагал бы, что Республика Калмыкия должна подготовить нескольких китаеведов, специалистов, одновременно с китайским, владеющих и староойратским, монгольским и, желательно, тибетским языками. Такие специалисты смогли бы освоить китайские источники и в полном объеме восстановить историю ойратского народа. Опыт работы киргизских, казахских, турецких китаеведов, немногих китаеведов МНР, не говоря уже о монголах-китаеведах из Автономного района Внутренняя Монголия (КНР), показывает, что такие специалисты, хорошо владеющие родным языком, лучше и точнее ориентируются в сложностях китайских текстов, описывающих их предков, чем китаеведы иные, лишенные чувства родного языка. Кстати, именно Внутренняя Монголия могла бы стать лучшим местом для подготовки калмыков-китаеведов.

Предлагаемая читателю книга — научно-популярное изложение биографии Галдана. Читателю, который хотел бы ознакомиться с историей ойратского народа и строго научным изложением сведений о событиях, связанных с жизнью и деятельностью Галдана, автор рекомендует обратиться к книгам И. Я. Златкина ''История Джунгарского ханства'' (М., 1964) и Ш. Б. Чимитдорджиева ''Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII—XVIII вв)'' (Улан-Удэ, 1974). Наши оценки тех или иных поступков Галдана, политической обстановки того времени не всегда совпадают с позициями вышеуказанных авторов, что, естественно, нашло свое отражение в книге. Для ознакомления с взаимоотношениями цинского Китая и монгольских народов в XVII веке весьма полезны будут книги И. С. Ермаченко ''Политика маньчжурской династии Цин в Южной и Северной Монголии в XVII в.'' (М., 1974) и

коллективная монография ''Внешняя политика государства Цин в XVII веке'' (М., 1977).

Все основные сведения о Галдане как в нашей книге, так и в работах И. Я. Златкина и Ш. Б. Чимитдорджиева почерпнуты из одного источника — ''Цинь чжэн пиндин Шамо фанлюе'' — ''Стратегия и тактика возглавленного лично императором похода для покорения Шамо''. Шамо — китайское наименование Гоби и всех сопредельных областей Центральной Азии, лежащих за пределами Китая к северу от Великой китайской стены. Многие из составителей упомянутого источника были непосредственными участниками описываемых событий. Автор настоящего очерка о Галдане пользовался китайским текстом источника в первом его издании 1708 года. Этот документальный отчет о войнах Кан-си с Галданом и подчинении Халхи Цин был одновременно написан и на маньчжурском языке. Экземпляр маньчжурского текста имеется в собрании маньчжурских рукописей и старопечатных книг Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Текст был переведен и на монгольский язык. Монгольским переводом его, хранящимся в Улан-Баторе, пользовался при написании своей книги Ш. Б. Чимитдорджиев.

История войн Кан-си с Галданом, несомненно, представляла большой интерес для России. Поэтому неудивительно, что через 40 лет после появления ''Цинь чжэн пиндин Шамо фанлюе'' этот источник был переведен на русский язык Илларионом Рассохиным под названием ''История о завоевании китайским ханом Канхием калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии, состоящая в пяти частях. Переведено с маньчжурского языка на российский прапорщиком Ларионом Рассохиным. 1750 год.'' Перевод этот (именно им пользовался при написании своей книги И. Я. Златкин) не был издан и хранится в рукописи в архиве Санкт-Петербургского филиала РАН. Несколько позднее на основании этих материалов источника другим русским китаеведом и маньчжуроведом Ал. Леонтьевым была опубликована книга ''Уведомление о бывшей с 1677 до 1689 года войне у китайцев с зенгорцами'' (Сиб., 1777).

Любознательный читатель, обратившись к указанным

нами источникам и литературе, может расширить и углубить знание интересующих его проблем. В биографии Галдана еще так много темных мест, что деятельность этого человека, оказавшаяся столь существенной для судеб народов Центральной Азии, мы уверены в этом, еще не раз будет привлекать внимание и к ней будут обращаться как отечественные, так и зарубежные авторы.

В заключение хочется сказать, что после написания книги я не следил за публикациями, посвященными Галдану Бошокту-хану. Таковые, возможно, были, в частности в Японии. Читатель должен знать, что эти публикации в книге не отражены.

В первой декаде октября 1997 г. я посетил Элисту и должен сказать, что эта поездка произвела на меня большое впечатление. Радует возрождение традиционной культуры калмыцкого народа, любовь к этой культуре. Запомнились встречи с научной общественностью и молодежью Калмыкии. В ней, молодежи, будущее калмыцкого народа и хочется, чтобы молодежь знала свое прошлое и гордилась бы своими предками, такими, как Галдан Бошокту-хан. В его образе мне хотелось воплотить лучшие черты ойратского народа.

С добрыми пожеланиями калмыкам и всему народу Калмыкии

Автор

21 ноября 1997 г.
г. Санкт-Петербург.

Вступление

*Спаси нас, идущих навстречу
буре беспощадной судьбы!*

Джанджа-хутухта Ралбайдордж

Многие из нас еще со школьной скамьи слышали о Джунгарских воротах — горном проходе на восточных границах нашей страны. Но не все знают, что лежащая за Джунгарскими воротами страна Джунгария, ныне северная половина образованной в 1884 году китайской провинции Синьцзян (Новая граница), представляла собой когда-то самостоятельное и могущественное государство народа ойратов, или джунгар, частью которых исторически являются калмыки. Это была богатая и прекрасная страна. Вот как поэтически описывает ее ойратское предание: ''Возвышается пятидесятиглавый сокровенный Хангай, выросший сразу без скатов-увалов. Поднимаются нагроможденные Алтайские горы, выросшие все вместе без проходов-перевалов. Возвышаются семьдесят глухих белых утесов, темнеют пятьдесят непроходимых черных зарослей-кустарников. Радостные леса-чащи услаждают глаз. Белеют пятьдесят возвышенностей со снеговыми хребтами, возвышаются восемьдесят утесов с ледяными обухами. Вот радостная, прекрасная отчизна!.. Белеют кругами десять тысяч прозрачных озер... текут, крутясь, сто больших рек... сливаются, кипя и пенясь, сотни тысяч пробившихся ключей. Цветы всех красок распускаются и колышутся, текут, струясь, источники, целебные от всех болезней. Вот каковы благословенные воды: преисполнены они восьми разных вкусов. ...Степные полынь и ковыль повырастали вместе, и в тучной прекрасной траве совсем не было, говорят, промежутка-пространства. Ревут, ища пищи, силой страшной обладающие дикие

звери, шумят и поют звонкоголосые птицы... семидесяти мастей антилопы идут, пасясь, друг за другом. Вот всерадостная, прекрасная отчизна, вот как говорят о ней! Наполняя северные отроги Алтая и Хангая, вырос... табун пестрых и вороных с гнедыми коней..., восемь раз теряли им счет. Красные и желтые верблюды выросли, наполнив Гоби на северных склонах белого Хангая... они... состадники девяносто девяти пепельно-черных лысых верблюдов-жеребцов, озаренных силой взбесившихся слонов. Верблюды и верблюдицы ходят отдельным табуном в сотни тысяч. Трехгодовалые верблюды и верблюдицы выделяются табунами в пять-данять десять тысяч, однолетки и двухлетки ревут табунком в сотни тысяч, на местах с диким чесноком они кормятся и жиреют... А если сказать о красных коровах... счет которым пять раз теряли... выросли они, совсем заполнив ширину равнины степи и речные ущелья. А белые, как раковины, овцы выросли, наполнив и заняв подъемы тридцати Алтайских перевалов... без числа лет прошло, как потеряли им счет. Вот скот, невозможно сказать, как его много! Вот как говорят о белых овцах, о конях, коровах, о верблюдах, о скоте четырех мастей!''[1]

В середине XVIII века эта страна была уничтожена цинским Китаем, население ее большей частью истреблено.

Есть у ойратов легенда об Ябугун-Мэргэне*. В легенде говорится: ''Завелась как-то в Пекине огромная птица, которая затмевала собою луну и солнце. Маньчжурский хан от гадателей узнал, что истребить эту птицу не сможет никто, кроме ойратского богатыря Ябугун-Мэргэна. Пригласили Ябугун-Мэргэна. Он прибыл в. Пекин, пробыл там семь дней и убил птицу.

---

1. Авторские сноски даны в конце книги по главам. — **Примеч. ред.**

* Й о в һ н-М е р г е н (*калм.*). — **Примеч. ред.**

Однако китайцы испугались, что такой богатырь сможет подчинить их, и решили отравить его. Подложили Ябугун-Мэргэну в пищу яду, и Ябугун-Мэргэн умер''[2]. Много ойратских богатырей погибло в битвах с цинским Китаем. Это их гибель отразилась в легенде об Ябугун-Мэргэне. О Галдане Бошокту-хане, одном из основоположников Джунгарского государства, наш рассказ.

Глава первая

Ах, как красиво рождаются
листья!
Словно кулачки новорожденного,
Еще сжатые, еще замкнутые,
Но уже в небо нацелены:
Все мое! Все мое!

Овсей Дриз

Как и всякий ойрат, будущий Галдан Бошокту-хан родился в юрте-гэре. Подошел уже тот срок, когда ханша Юм-Агас не могла больше поднять дверной занавески, трудно ей стало даже слово вымолвить. И пока мать лежала на войлоке, в муках ожидая разрешения от бремени, у юрты была собрана большая толпа монахов-гэлюнов, которые громкими голосами читали молитвы, чтобы отогнать от роженицы злых духов. Хунтайчжи, отец будущего младенца, стоя поодаль, тоже несколько раз щелкнул в воздухе кнутом, громко крикнув: ''Гар, гар!'' — ''Прочь, прочь!''.

В юрте толпились повивальные бабки и мужчины, которые, по обычаю ойратов, принимали и обмывали младенца.

Ребенок заявил о своем появлении на свет громким криком, сразу дав понять, что родился на свет мужчина и будущий повелитель ойратов. Новорожденного завернули в белые ягнячьи шкурки. Гэлюн сообразно с днем рождения младенца по гадательной книге определил его имя. Прочитав молитву, гелюн взял чашку воды, налил туда немного молока и положил кусочки благовоний. На чашку он возложил священную тибетскую книгу и стал читать заклинания. При этом он несколько раз подул на воду. Омочив затем в освященной воде средний палец своей левой руки, он провел им по ротику ребенка — раз, другой, третий. Налив немного воды, гэлюн смочил ею личико и головку ребенка. Выпало новорожденному войти в этот мир в этом перерождении

под именем Галдана, быть так названному в честь крупнейшего из монастырей в далекой святой стране Тибет. На Галдана надели талисман ''бу'' — маленький мешочек с текстом дхарани — святым заклинанием.

Галдан, получив имя, благополучно сосал материнскую грудь, а вокруг в честь его рождения третий день продолжался пир:

Диких степных кобылиц
Молока потоки лились,
Разливались озера арзы,
Радующей взоры арзы!

В ставке Батура-хунтайчжи собралось столько гостей, что, казалось, вырос густой камыш.

Чтобы был Галдан здоровым, крепким телом воином, омыли младенца в соленой воде и потом еще повторили эти омовения дважды. Галдан был шестым сыном Батура-хунтайчжи и последним из четырех наиболее известных: Цэцэна — старшего сына, Батора — третьего сына и Сэнгэ — пятого сына. Цэцэн и Батор родились от одной жены Батура-хунтайчжи, Сэнгэ и Галдан — от другой. Всего Батур-хунтайчжи имел девять жен и, по одной версии, двенадцать, а по другой, десять сыновей и две дочери. Новорожденный приходился дядей по матери хану приволжских калмыков Аюки[1]. Историк ойрат и калмыков Габан Шараб позднее так определил его родословную: ''У Онгцо был сын Абида Булин-тайчжи, его сын Хара-Хула, из десяти сыновей которого старший Батур-хунтайчжи. У него было десять сыновей, из которых Сэнгэ и Бошокту-хан. У Сэнгэ был сын Зорикту-хунтайчжи, его сын Галдан-Цэрэн. Род Бошокту-хана пресекся''[2]. Хотя современный японский биограф Галдана Ханэда Акира полагает, что дата рождения Галдана не дискуссионна, и называет 1645 год[3], однако без знания точного месяца рождения Галдана трудно определить достоверно год. Сам Ханэда Акира говорит о ''первом годе девиза царствования Шунь-чжи'' и указывает 1645 год. По китайским же

справочникам первый год девиза царствования Шуньчжи падает на 1644 год. Эту же дату дают и близкие по времени другие китайские источники, в частности ''Цинь чжэн пиндин Шамо фанлюе'' — сборник документов о войнах Китая с Галданом. Китайцы к 1679 году не имели достаточно подробных сведений о Галдане, поэтому, когда в 8-м месяце (2 сентября—5 октября) этого года в цинские пределы прибыл посол Галдана Сайсанман в сопровождении 30 человек, местные власти тайно допросили ойратов и узнали о возрасте и характере Галдана. Было выяснено, что ''Галдан родился в году под циклическим знаком Шэнь (1644 год), возраст его на данный момент 36 лет, человек он злой и пристрастен к вину и женщинам''[4]. Исходя из сказанного, мы полагаем, что за дату рождения Галдана следует принять 1644 год.

Когда Галдану исполнилось четыре года, гэлюн с молитвою обрезал у него на голове пучок волос и отдал его матери. Мать положила срезанные с головы сына волосы в ладанку, чтобы до конца дней своих носить их, по ойратскому обычаю, на груди. Галдан рос крепким и смышленным мальчиком, которого явно ожидало великое будущее. Как это говорится по-ойратски: ''На макушке у него выявился Ваджрадара, на темени Цзонкава, на челе Махакала, на горле Хоншим-бодисатва, на обоих плечах проявилась двадцать одна Дара-Эке. В руках у него проявилась сила гаруда и тигра, в костях рук воплотилась сила тридцати трех драконов, в лопатках проявилсь мощь царственной гаруды. В нежном младенчестве рос он, забавлялся, в малых годах рос он, капризничая, лучший из витязей! Наладил он себе камышовый лук, сделал ковыльные стрелы и стал бегать да подстреливать поверху летающих сорок да ворон, понизу бегающих мышей-мышек''. И все подданные Батура-хунтайчжи, черные и желтые*, миряне и духовные, глядя на Галдана, радовались.

---

* Имеется в виду: черные — хар (*калм.*) — миряне; желтые — шар (*калм.*) — духовенство.— **Примеч. ред.**

Глава вторая

Матерью его был нарост на дереве,
а отцом — птица урун.

Древняя ойратская пословица

Галдан Бошокту-хан (1644—1697) был ойратом из славного племени чорос, которое вело свой род от тэнгрин-окод, небесных дев, дочерей неба. Давным-давно это было. В землях ойратов ''была одна высокая гора, над которой от времени до времени сгущались облака и закрывали ее от взоров людей. На вершине этой горы было небольшое озерко с прозрачной чистой водой, берега его были покрыты кругом густым кустарником. В то давнишнее время один молодой охотник случайно зашел на вершину этой горы. Проходя мимо озерка, он услыхал веселый смех и плескание воды, это его сильно удивило — кто мог быть среди этого озерка? Движимый любопытством, он тихонько пробрался сквозь чащу кустарника и увидал в озерке купающихся тэнгрин-окод, небесных дев. Они беспрестанно то спускались, то поднимались в облака. Эти-то неземные девы и возбудили страсть юноши, ему захотелось во чтобы то ни стало обладать одной из них. С этой целью он отправился второй раз на охоту, взял с собой накидной ремень... и, спрятавшись в чаще на берегу озерка, стал поджидать появления небесных дев. В скором времени над озерком повисли облака и стали спускаться девы. Увлекшись игрой и ничего не подозревая, они очень близко подплывали к берегу. Воспользовавшись одним из таких моментов, юноша изловчился, бросил ремень и накинул петлю на одну из дев, остальные все немедленно исчезли в облаках. Пойманную деву он привлек к себе и стал расточать свои страстные ласки, после чего он ее отпустил и она опять исчезла в облаках. Но ласки

земного юноши не прошли бесследно. Дева стала чувствовать, что она должна стать матерью. Чтобы скрыть свой позор, она опять спустилась на берег того же озерка и там, родив сына, сделала люльку, положила в нее своего сына и затем подвесила ее на деревцо. Для того, чтобы дитя не плакало, она посадила няней маленькую желтенькую птичку, которую тангуты называют элет, и она забавляла ребенка своим чириканьем. Для того, чтобы дитя не умерло с голоду, мать из крупного нароста на дереве сделала закрытую с носком чашку, цорбогор-аяго, надоила в нее из своих грудей молока, а носок чашки вставила в рот ребенка. От имени этой чашки — цорбогор-аяго и получил свое название Цорос (Чорос) княжеский дом.

А произошло это так. В то давнее время у обитавших в тех окрестностях жителей не было нойонов — князей. Время же требовало, чтобы им из своей среды выбрать старшего, который бы управлял всеми, но они не знали, кого и как выбрать в нойоны. Тогда было решено пойти за советом к мудрецу, жившему недалеко, и тот посоветовал пойти и поискать нойона около озерка на горе. Действительно, когда пришли на берег озерка, то в чаще услыхали плач сына небесной девы и чириканье птички, люльку с ребенком отвязали и принесли домой, птичка же тогда улетела. Этого-то ребенка местные жители воспитали и сделали своим нойоном, который и стал родоначальником джунгарского княжеского дома Чорос''[1]. Птичка элет дала имя народу *элеты*, ойраты, а по названию чашки, сделанной небесной девой из крупного древесного нароста, потомки девы, будущие правители ойратов, стали называться *чоросами*. ''Матерью его был крупный нарост на дереве, а отцом — птица урун. Из облаков, из тумана он явился, происходящий от облачного божества Хурмустын, потомок небожителей!''

Древнемонгольское божество Хурмустын обоснованно связывают с древнеиранским богом Ормуздом. У

обитателей лесов, древних ойратов-охотников, очевидно, тотемом было дерево. Подтверждение этому находим и в других ойратских и монгольских легендах. ''Вот по какому случаю джунгарские и дэрбэтские нойоны ведут свой род от тэнгрия. Жили в древности Аминай и Омно. У первого было девять сыновей, у второго — четыре сына. Из числа их один охотник нашел под деревом мальчика, которого взял и, дав имя Цорос (потому что форма дерева, под которым лежал мальчик, походила на форму цорго, трубы, употребляемой при перегоне водки), кормил его соком этого дерева. Поэтому говорят, что мальчик произошел от дерева с наростом и птицы-совы. Впоследствии этот мальчик сделался властителем детей Аминая и Омоно, потомство которых образовало улусы Джунгарский и Дэрбэтский. Так как ребенок находился под корнем дерева, то говорят еще, что он произошел от тэнгрия, почему и называют его тэнгэрин зе — внук тэнгрия''[2]. Помимо легенды о происхождении монголов от волка и лани существует легенда о происхождении всего монгольского народа и от дерева: ''Отец монголов родился от дерева, а собака его воспитала''[3]. Согласно некоторым преданиям, с деревом было связано и появление на свет Чингис-хана: ''Чингис-хан был сыном неба, явившимся на землю ребенком при основании одного дерева. Женщина, собиравшая аргал, услышала детский плач, нашла его и воспитала''[4].

Монголы пришли на территорию современной Монголии из лесных районов Приамурья, и наличие у них таких легенд неудивительно. Западные монголы, или ойраты, и в XII—XIII веках относились к лесным племенам, составляя самостоятельную группу монголоязычных племен. Древнемонгольское предание относило обособление ойратов еще к легендарной эпохе. После того как скончался один из мифических предков монгольских народов Дува-Сохор, четыре его сына, не признав власти своего дяди Доб-Мэргэна, ''отделились

от него и откочевали. Они основали четыре рода, которые стали предками дурбэнов''. Жили ойраты в верховьях реки Кэм (Енисея). ''Юртом и местопребыванием этих ойратских племен было Восьмиречье... Из этого места вытекают реки, потом все вместе соединяются и становятся рекой, которую называют Кэм... Эти племена еще издревле были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, у каждой в отдельности было определенное название. ...Несмотря на то, что их язык монгольский, он все же имеет небольшую разницу от языка древних монгольских племен... Ойраты всегда имели государя и вождя. Хотя во времена Чингис-хана они оказали некоторое сопротивление монголам, однако скоро прекрасно смирились и покорились''[5]. Ойраты и их предводитель Худуха-беки во время борьбы Чингиса за господство в монгольских степях сначала приняли сторону Чжамухи, а затем найманов. Потом, покинув Чжамуху, ойраты вернулись в свои леса, а когда Чингис окончательно утвердился в Монголии и в 1207 году его сын Чжочи был отправлен для покорения лесных народов, ойратский Худуха-беки добровольно подчинился Чингису и имел при его дворе репутацию ''знатока лесных народов''[6].

Вскоре после изгнания монголов из Китая, приведшего к краху династии Юань (1368), ойраты на короткое время отняли власть у монголов. Этот факт как бы ''вторичного'' лишения власти уже в родных монгольских степях монгольское предание связывает с красивой легендой о гибели хана из-за женщины. ''В год собаки (1394) на престол воссел Эльбэк-хан. Однажды на облаве он увидел на снегу кровь убитого зайца, спросил: ''Есть ли такая женщина, белизна которой была бы как снег, а ланиты, как эта кровь?'' Ойратский Хутхай-Тафу отвечал на это: ''Как же, есть такая!'' — ''Кто такая? Нельзя ли видеть ее?'' — ''Если вы действительно желаете видеть ее, так я скажу: это твоя невестка, Ульдзэту-Гуа, жена твоего сына Хугуруаг-

Дугурэнг-хунтайдзы''. Прельстясь красотою своей невестки, Эльбэк-хан сказал Хутхай-Тафу: ''О показывающий то, чего не видел, соединяющий то, что далеко, удовлетворяющий жажде желаний, ты, мой Тафу, ступай!'' Он передал Бэгэдзи слова хана следующим образом: ''Он меня послал, желая взглянуть на вашу красоту''. Бэгэдзи разгневалась и отвечала: ''Можно ли земле соединиться с небом, можно ли хану взять свою невестку? Пусть увидит его сын, Дугурэнг-Тэмур, что хан, его отец, уподобился черной собаке''. Не внимая словам невестки, хан убил своего сына и взял ее себе.

После этого Тафу пришел просить хана о награждении его титулом даруги: но так как хана не было, то и сидел он перед домом. В это время Хунг-Бэгэдзи послала к нему посла и просила его зайти к ней и вместе с дарами подождать у нее хана. Тафу явился. Бэгэдзи поднесла чашу с вином со следующими словами: ''Ты мою неважную особу сделал важной, мое малое тело сделал великим, имя Бэгэдзи сделал тайху, императрицей''. Потом взяла объемистую кожаную посуду, разделенную на две половины, в одну налила воды, а в другую крепкого вина. Сама пила воду, а крепким вином поила Тафу до упаду. Потом в спальной юрте постлала ковры, положила подушки, завесила занавесками и на этой кровати уложила Тафу. Растрепав волосы свои и расцарапав лицо свое, послала за ханом. Прежде чем приехал хан, Тафу успел убежать. Хан погнался за ним в погоню и в этой схватке лишился мизинца. Убивши Тафу, хан приказал суннитскому Джамин-Тайфу вырезать ремень из спины убитого и послал своей жене. Смешав кровь хана с жиром Тафу, она облизывала, приговаривая: ''Кровь хана, убившего своего сына, жир Тафу, бывшего причиною смерти моего господина, достались мне в подарок, вот успех-мщение женщины! Умирать мне все равно''. Хотя хан узнал о негодовании Бэгэдзи, но, сознавая свою вину, ничего не говорил об этом. Сыновьям Тафу, Банула-Джинсангу и Угучи-Хашигу было

поручено ханом начальство над 40 тыс. ойратов. Они в год змеи, на шестом году ханствования Эльбэк-хана (1399) убили его, взяли 40 тыс. ойратов и, отделившись, сделались непримиримыми врагами. Таким образом власть от монголов перешла к ойратам''[7].

Незадолго до того, как ойраты отняли власть у Эльбэк-хана — потомка Чингис-хана, правнука последнего юаньского императора Тогон-Тэмура, они уже в 1390 году упоминаются мусульманскими авторами под своим тюркским наименованием *калмаки* (русское — калмыки)[8]. В русских летописях слово калмык встречается по крайней мере с XVI века. ''Для обозначения западных монголов в русской и иностранной литературе,— писал известный монголовед В. Л. Котвич,— употребляются чаще всего три термина: *ойраты* из монгольских источников, *калмыки* из мусульманских, которым следуют и старые русские источники, в том числе архивные документы, и *элюты* из китайских''[9]. Точное значение слова ойрат неизвестно. Те ойраты, которые в XVII веке переселились на Волгу и стали собственно калмыками в нашем современном понимании, еще в первой половине XVIII века считали слово *калмык* для себя чуждым, о чем свидетельствует много работавший с ними русский переводчик и дипломат Василий Бакунин: ''Примечания достойно,— пишет он,— что хошуты и зенгорцы сами себя и торгоутов калмыками и доныне не называют, а называют, как и выше означено, ойрот. Торгоуты же как себя, так и хошутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку; а думают, что их так назвали россияне, но в самом деле видно, что сие слово калмык произошло из языка татарского, ибо татары называют их калмак, что значит отсталых или остальцев''[10]. Высказывалось и другое мнение, что слово *калмык* произошло от монгольского глагола ''хальх'' — ''переливаться через край'', ''разливаться'' и означает людей, ''разлившихся по всей территории''[11].

События конца XIV века, о которых упоминалось выше, традиционно стали считаться причиной вражды между западными монголоязычными племенами, ойратами, и восточными монголоязычными племенами, именуемыми собственно монголами. В 1425 году на великий престол воссел Адай-хаган. Из-за старой вражды Адай-хаган собрал своих монголов и выступил в поход на ойратов. В поединке сразились два богатыря — монгольский Шигушитэй-багатур и ойратский Гуйлинчи-багатур. Шигушитэй считался лихим рубакой (''Когда я рублю, то не имеет значения, надет ли шлем или нет!''), а Гуйлинчи — метким и сильным (''Когда я стреляю, то не имеет значения, надет ли панцирь или нет!''). Монгольский богатырь одел панцирь на тройной подкладке и прикрыл печень железной ''лопаткой'' — кюрче, ойратский — шлем на подкладке. В бою Шигушитэй с криком: ''Пусть он узнает мой острый меч!'' — разрубил голову Гуйлинчи. Монголы разбили ойратов, а их хана Тогона сделали пастухом овец. Тогон воспринял поражение как веление Неба. Он стал по любому случаю совершать ему поклонения, и Небо услышало его, наслав беды на монголов:

Дети монголов, захлебываясь слезами,
заплакали,
Табуны их стали собираться с ржанием,
Собаки их стали лаять с воем.

Мать Тогона, которую Адай-хаган взял себе в жены, уговорила хагана отпустить сына домой к ойратам. Тогон, возвратившись, собрал ойратские войска, напал на монголов и убил Адай-хагана. В дальнейшем Тогон (1418—1440) и Эсэн (1440—1455) добились заметных успехов в борьбе с восточными монголами. В итоге ''была захвачена ойратами единая держава монголов'', и Эсэну на короткое время удалось объединить под своей властью Монголию. От Шигушитэя Эсэн потребовал меч, которым тот зарубил Гуйлинчи, а самого

Шигушитэя вместе с другими десятью воинами ойраты убили, как и многих знатных монголов. На языке тех лет повеление убить мужчину отдавалось словами: ''Причеши ему позвоночник!'', а женщину — ''Причеши ей волосы!''.

Самого Тогона сгубила гордыня. Он поехал поклониться белым юртам Чингиса, его праху. ''Прибыв, он сказал: ''Возьму ханский престол!'' Он так разошелся, что ударил по маленькой палатке владыки и громко кричал. Затем повернулся, чтобы выйти, и из носа и рта у Тогона-тайши потекла кровь. Он схватился за гриву своего коня и сказал: ''Что же это такое?'' Когда посмотрели, то оказалось, что стрела с орлиными перьями, вонзенная в отверстие колчана владыки, шевелится и по ней бежит кровь. Все видели это''. Тогон, возможно, пал от чьей-то (монгольской или даже китайской) руки в 1440 году во время подготовки похода на Китай.

Эсэн-хан воевал с чжурчженями в Маньчжурии и совершал походы на Китай. По преданию, во время одного из походов человек Эсэна увидел сон о том, как ойраты взяли в плен китайского императора. ''Да будет хаган захвачен'',— сказал Эсэн. Действительно, в 1449 году Эсэну удалось взять в плен Ин-цзуна, императора династии Мин. Китайцы отказались от плененного сына Неба и посадили на престол другого представителя династии.

Результатом побед Эсена было лишение им власти последнего чингисида в Монголии Дайди-хана. Однако и сам Эсэн властвовал недолго. Разгромленный своими взбунтовавшимися сподвижниками, он пешком ушел в степь, но позже его поймали и убили. Единой Монголии снова как не бывало. И владения монголов, и владения ойратов, Восточная и Западная Монголия, распались на целый ряд мелких ханств и княжеств. Чоросы со времени падения династии Юань держали власть в Западной Монголии в своих руках. Возможно, именно

в это время и оформилась рассказанная нами легенда о небесном, божественном, происхождении рода Чорос.

Собственно, после этих событий Монголия уже не знала больше единства. Тоска по единству, сильной ханской власти, распространяющейся на всю страну,— один из любопытных и приметных мотивов средневекового монгольского фольклора. Жили две змеи. У одной была тысяча голов, а у другой было тысячу хвостов. Что было лучше? Иметь тысячу мудрых голов или тысячу никчемных хвостов? Случилось так, что оказались змеи перед катящейся на них повозкой, которая вот-вот должна была их раздавить. Тысяча голов тысячеглавой змеи, объятые страхом, ринулись в разные стороны. Змея заметалась перед повозкой и была раздавлена ее колесами. А тысячехвостая змея сумела отползти в сторону, так как тысяча ее хвостов покорно последовали за ее единственной головой:

Если два солнца восходят,
Священные воды иссякают,
Если два хана властвуют,
Весь народ погибает.

Монгольский народ не погиб, но сколько раз в течение веков распри ханов и джинонгов, нойонов, тайчжи и зайсанов бросали многие монгольские племена под колеса истории. К тому моменту, когда Галдан станет ханом Джунгарии, эти распри достигнут апогея. Последствия их будут печальны как для монголов, так и для ойратов.

Глава третья

Взошло солнце веселья.

''Лунный свет''

После смерти хана Эсэна — со второй половины XV и до XVII века — в источниках мало сведений об ойратах. В это время ойраты заселяли территорию, ''ограниченную на западе линией озеро Зайсан — город Карашар, на востоке — западными склонами Хангайских гор, на юге их кочевья не доходили до Турфана, Баркуля и Хами''. Северные ойратские ''рубежи не заходили за линию южных границ владений казахов, киргизов и других народностей, кочевавших в верховьях Иртыша и Енисея''[1]. Последовательность расселения ойратских племен с востока на запад была такова: хойты, торгоуты, чоросы, дэрбэты, хошоуты[2].

В конце XV века ойраты попали под власть монголов. Правительница монголов ''Мандухай Сайн-хатун, желая отомстить за прежнее, отправилась в военный поход на ойратов. Она отправила вперед пешее войско на быках, а через трое суток, взяв конное войско...

Прекрасная Мандухай-хатун
Прикрепила свой красивый колчан,
Собрала свой разбросанный народ,
Сайн Дайан-хагана возвела на
трон...

и отправилась в поход. Алайдунгу, одному из своих кэшиктэнов, она велела разведать путь, и когда она напала на четыре тумэна ойратов,

Напала на них в Таш-Бурту,
Построив ряды в Тэгэдэнэ,
сражалась,

в неукрепленном Таш захватила добычу и уничтожила их. Так народом шести монгольских тумэнов была

покорена держава ойратов"[3]. Ойраты зависели от монголов в правление мужа Мандухай Сайн-хатун Даян-хана. Какая-то часть их участвовала в походе Даян-хана на Барун-тумэтов, составляя вспомогательную часть войска.

В XVI веке восточные монголы совершают ряд успешных походов на ойратов (1562, 1574 гг.), а через несколько лет их разгромил правитель Хами Абатай и определил ойратам в ханы своего сына. Ойраты терпят поражения от Турфана и соседних казахов. Однако в 1578 году Байбагас-хану с 50-тысячной армией удалось на Иртыше у переправы Мани разгромить 80-тысячную армию халха-монголов. В самом конце XVI века ойраты добили остатки войск разгромленного русскими отрядами хана Кучума. Гибель Сибирского татарского ханства позволила ойратам продвинуть свои кочевья на север до верховий рек Ишима и Оми. С этого времени началось укрепление ойратского Джунгарского ханства и одновременно расселение ойратов и освоение ими новых территорий. Этот процесс совпал с последним "всплеском" образования государств у народов Восточной и Центральной Азии, который пришелся на конец XVI — начало XVII века. Основные этапы этого многовекового процесса таковы: II век до нашей эры — образование государства гуннов; IV век нашей эры — переход к государственности сяньби; IV—VIII века — создание государств тюрок, бохайцев, корейцев, Наньчжао, Тибета, Японии, уйгуров; IX век — киргизов; X век — киданей и тангутов; XII век — чжурчженей; XIII век — монголов и, наконец, в XVI—XVII века — маньчжур, ойратов, казахов и узбеков.

1635 год считается окончательным годом формирования Джунгарского ханства. Этому предшествовало несколько десятилетий соперничества хошоутов — Байбагас-хана, Гуши-хана и чоросов — Хара-Хулы, деда Галдана, и Батура-хунтайчжи, его отца. В 1608—1609 годах ойраты победили алтын-ханов —

правителей Монгольского ханства, занимавшего территорию между озерами Хубсугул и Убса.

В первой трети XVII века из-за внутренних неурядиц, а также в результате общего усиления ойратских племен началось их расселение на запад в сторону ногайской степи и на юго-восток в район Кукунора. Часть ойратов, торгоутов и дэрбэтов во главе с Хо-Урлюком ушла на Волгу (1628—1630), образовав ту группу ойратских племен, которая положила начало волжским калмыкам. Любопытны первые впечатления ойратов о русском населении Поволжья: ''Там,— докладывали послы Хо-Урлюка своему хану,— живет народ, у которого скот составляют свиньи, который строит дома свои из земли, у которого женщины ходят без штанов, который не утомляется от продолжительной езды и не стыдится, когда говорит ложь. Не стыдится он говорить ложь от того, что имеет синие глаза, а не утомляется от продолжительной езды, потому что ездит на телегах''[4].

Хошоуты во главе с Туру-Байху (Гуши-ханом.— *Е. К.*) между 1636 и 1638 годами расселяются в районе озера Кукунор. За чоросами остается Джунгария. ''В первые годы существования [Маньчжурского] государства [Цин],— сообщает китайский источник,— ойратские племена процветали, множились и делились. Те из них, которые пасли свой скот к западу от излучины Хуанхэ, назывались ''тао и'', ''иноземцы излучины Хуанхэ''. Те, которые проживали и пасли свой скот у озера Кукунор [Цинхай], именовались ''все хайчжи Сихай [Западного озера]''. Те из них, которые жили и пасли свой скот по северной дороге, прилегающей к горам Тянь-Шань, назывались северными ойратами''[5].

Алашаньские ойраты, жившие в Алашани, к западу от гор Хэланьшань, исключая ушедших далеко от основных мест расселения приволжских ойратов-калмыков, составляли третью самостоятельную группу ойратских племен. Правил алашаньскими ойратами

старший сын Гуши-хана Очирту-цэцэн-хан. Таким образом, фактическое сложение трех (не считая волжского) основных центров ойратских племен имело своим источником соперничество хошоутов во главе с Байбагас-ханом и чоросов во главе с Хара-Хулой.

В эти же годы усиливается ойратское вмешательство в дела Тибета. В ходе междоусобной борьбы руководство секты Гелугпа во главе с Далай-ламой V решает опереться на поддержку ойратов. Ойратские отряды прибывают в Тибет. В 1638 году Гуши-хан совершает паломничество в Тибет. Далай-лама V возводит его на трон перед статуей Будды в главном храме Лхасы Джокан и присваивает ему титул ''хана веры, охранителя буддизма''. После военного похода в Тибет (1639—1640) Гуши-хан в 1642 году в торжественной обстановке передает Далай-ламе V власть над Тибетом. После смерти Гуши-хана в 1660 году его сыновья разделили владения отца. Даян-хан остался в Центральном Тибете, а Даши-багатур получил кукунорские владения.

В середине XVII века в монголоязычном мире выделились два лидера: Батур-хунтайчжи ойратский и Лигдан-хан чахарский, владевший, по преданию, печатью Чингис-хана. В 1636 году Лигдан-хан был разгромлен маньчжурами, отнявшими у него печать Чингис-хана. В 1640 году ханы ойратов и халха-монголов провели съезд, который, возможно, представлял собой попытку объединиться перед лицом маньчжурской опасности. Съезд утвердил монголо-ойратские законы, но единства монголоязычному миру не принес.

Хана Джунгарии Батура-хунтайчжи иногда сравнивают с русским царем Петром I. Он строил поселения городского типа, способствовал развитию ремесел и земледелия. Русский посол Федор Байков писал об одном из таких ойратских городов: ''А городок, сказывают, глиняной, а в нем две палаты каменные, бурханные, а живут в том городке лабы (ламы. — *Е. К.*) да

пашенные „бухарцы''[6]. Фактически это были буддийские храмы с пашнями вокруг них. Сам Батур-хунтайчжи по-прежнему кочевал поблизости от этих городов. Батур-хунтайчжи сохранял дружеские отношения с Россией. В 1652 году он одержал победу в войне с казахами.

Огромную роль в укреплении Джунгарии в первой половине XVII века сыграл просветитель ойратского народа Зая Пандита.

Когда точно ойраты приняли буддизм, наука до сих пор не может дать ответ. Известно, что это произошло в XVI веке в связи со вторым по счету, на этот раз полным и окончательным, приобщением монголов к буддизму при Алтан-хане — правителе Южной Монголии. По традиции в 1610 году Сайн-Тэнгэ-Мэргэн-Тэмэне предложил Байбагас-хану принять буддизм. Все ханы ойратов решили отдать в монахи по одному сыну, а Байбагас-хан усыновил одного из сыновей хошоутского нойона Баба-хана и отправил его вместе с другими ойратскими мальчиками в Тибет. Им и был будущий просветитель ойратов Зая Пандита.

К середине XVII века ойраты известны уже как преданные адепты буддизма, причем немалую роль в этом сыграл ''всемилостивейший мудрец и блаженный Зая''. Жизнь Зая Пандиты, человека одаренного и глубоко для своего времени образованного, прошла, после возвращения из Тибета, в родных степях, в трудах и поездках, в ханских ставках и немногочисленных в Джунгарии монастырях. Реки Яик и Иртыш, степи у озера Кукунор и снова Тибет — вот огромные даже по нашим временам масштабы его поездок. Зая Пандита хотел довести до соплеменников на их родном языке достижения свято чтимой им тибетской учености. Многое уже было переведено на старый монгольский литературный язык, однако трудность состояла в том, что этот язык мало понимали ойраты. Требовалось понятное ''ясное письмо'', которое в 1648 году и создал

Зая Пандита. В новом алфавите, созданном Зая Пандита, в отличие от алфавита монгольского каждая буква имела только одно значение. Когда новое ''ясное письмо'' (''тодо бичиг'') было готово, Зая Пандита перевел с тибетского языка на ойратский не менее 170 произведений. Он упорно боролся с ''черной верой'' — шаманством, сжигал бубны и насаждал новую веру[7].

Говорят, как-то давным-давно умер некий ойрат. Родственники похоронили его по обычаю степняков-буддистов: оставили тело лежать в степи на съедение зверям и птицам. Душа покойного покинула тело и предстала в подземном царстве перед царем мертвых Эрлик-ханом. В ожидании решения своей дальнейшей судьбы она услышала чудесное сказание. Подошла ее очередь, и Эрлик-хан сказал покойному:

— Ты можешь вернуться на землю, там ты должен поведать услышанное здесь сказание. Если обещаешь сделать это, я тотчас выпущу тебя отсюда. И еще. Вернувшись к людям, ты никому не должен ни о чем говорить и останешься немым до тех пор, пока ночью к тебе не придет монах — гэлюн.

Вьюжной ночью, когда за стенами юрты бушевал ураган, покойный к ужасу своих родных и близких вернулся домой. Он был таким же, как прежде, но только немым. Через сорок дней после его возвращения глубокой ночью в юрту, где жил воскресший из мертвых, вошел гэлюн. Он выпил поданный ему чай, а потом обратился к выходцу с того света и сказал:

— Ну-ка, расскажи что-нибудь интересное!

И немой отверз уста свои. Он запел. Это был эпос о Джангаре. Так, по преданию, родилась на свет жемчужина народного творчества ойратов. Ядро известного на весь мир ойратского эпоса Джангариада, по всей вероятности, и сложилось в XVII веке. Место действия эпоса — Джунгария. Есть мнение о том, что труды Зая Пандита и его сподвижников содействовали оформлению Джангара. ''Джангар — это крупнейшее литера-

турное событие в истории,— писал Н. Н. Поппе.— Оно тесно связано с Зая Пандитой, потому что без него, без литературной традиции, без той литературной культуры, которую он создал и принес с собой, без развитого литературного языка и стиля, который Зая Пандита создал, Джангар, конечно, не мог бы быть сложен таким прекрасным, каким он является''[8].

Социальный строй ойратского общества и государственное устройство Джунгарского ханства из-за скудости источников мало изучены. Основным богатством ойратов был скот. Европейский путешественник XVII века писал: ''У них много лошадей, быков, а также буйволов и овец... этим они крупно промышляют, отправляясь, например, в Китай с табуном в восемь и десять тысяч лошадей, не считая овец и быков, которых они меняют на серебро и всякое добро. С подобными же табунами они являются в Тобольск и Томск и меняют все это на товары, как например, на юфть, медные котелки, кружки из желтой меди, железо и выдру, мех которой они предпочитают другим мехам''[9]. Ойраты кочевали хотонами — группами родственных семей, возглавляемыми старейшинами — аха. Несколько хотонов объединялись в аймак. Аймак имел свои кочевья — нутук. В случае переселения каждый аймак получал новое кочевье. Аймаки объединялись в улусы. Во главе улусов стояли тайчжи или кон-тайчжи*. Объединение улусов возглавлял хан. Население улусов подразделялось на воинов, простолюдинов — харачу, черных улусных людей, людей черной кости и ясырей — рабов. Среди рабов различались свои (соплеменники) и чужеземцы. Простые люди несли повинности — албу. При буддийских храмах жили прикрепленные к храмам люди — шабинары.

Высшей военной единицей в армии ойратов считался сан — отряд в 10 тысяч воинов, подразделение, равноз-

---

* См. глоссарий: х у н т а й ч ж и. — Примеч. ред.

начное монгольской тьме. Главным оружием ойратского воина были лук, копье и сабля (меч). Конные воины имели шлемы и латы. По подсчетам Г. В. Вернадского, ойраты в XVII веке совокупно могли выставить не менее 100 тысяч всадников[10]. Они представляли большую силу, хотя ударная сила конницы, до этого основа могущества любой армии, в XVII веке уже значительно ослабляется развитием огнестрельного оружия, особенно артиллерии. Но до середины XVII века артиллерия еще почти не представлена в армиях народов Центральной Азии. К моменту появления на свет Галдана ее преимущества скромны, особенно в неумелых руках. Год рождения Галдана был годом падения Пекина и началом установления маньчжурского господства над Китаем. За пятьдесят лет до этого маньчжурская конница, вооруженная холодным оружием, луками и стрелами, несмотря на имевшиеся в китайских гарнизонах пушки, отвоевала у цинского Китая Ляодун, а ее стремительные рейды опустошали не только окрестности Пекина, но и наводили страх на внутренние, глубинные районы Китая.

Кочевая цивилизация представляла собой отработанную веками наиболее рациональную для того уровня развития производительных сил форму освоения человеком внутренних районов Азии. Это была жизнеспособная, отнюдь не примитивная система общественной организации, способная гибко реагировать как на изменение природных условий, так и на внешнюю опасность. Более того, в этом мире мерного передвижения стад, войлочных юрт, трудной жизни пастухов и постоянного хаоса междоусобиц нередко аккумулировались силы, способные подобно удару молнии поражать соседние оседлые цивилизации.

Такой в самом кратком описании была страна, в которой родился герой нашего очерка Галдан Бошокту-хан.

Глава четвертая

Рожденный, рожденный
и перерожденный без предела
И все еще темный, как и к
началу рождений!

Кукай

Детские годы Галдана прошли в родной Джунгарии, стране, лежащей между Алтаем, Тянь-Шанем и Гоби. По утвердившемуся среди ойратов обычаю посвящать одного из сыновей служению вере (в монашество) шестой сын Батура-хунтайчжи Галдан был определен как перерожденец Дёльчжэн рагба джалсана[1] и отправлен в Тибет, где стал ламой под именем Прулку — ''Перевоплощенец''[2]. Ойраты ездили в страну родной им желтой веры по длинному пути из Джунгарии к северным отрогам Наньшаня, далее двигались вдоль них на восток к озеру Кукунор, а оттуда в юго-западном направлении через Цайдам в Нагчука и затем через перевал Цангла в Лхасу. Этот путь обычно отнимал несколько месяцев.

...Ойратский караван выступил в путь осенью — в самую лучшую пору года в Джунгарии. Было уже не жарко, но еще и не холодно, не беспокоили резкие ветры и пыльные бури. Мальчик глядел из-за верблюжьего горба на длинную цепочку растянувшегося по каменной пустынной степи каравана, на верблюдов, груженных кожаными тюками с серебром, собранным со всей Джунгарии на подношение святыням Тибета, на ойратских и плененных киргизских мальчиков, которых, как и его, везли в Тибет для посвящения в баньди (монахи), и вспоминал отцовскую орду, прощание с матерью и родными. Когда его привели к отцу-хану, в его юрте сидел сам Великий учитель Зая Пандита.

— Богдо лама, вот мой шестой сын Галдан, которого я определил служить вере.

Зая Пандита попросил подвести мальчика поближе, положил ему руку на плечо, ласково спросил:

— Галдан, ты хочешь быть гэлюном?

— Нет,— ответил Галдан.— Я хочу или пасти коней, или стать воином.

— Замолчи!— отец угрожающе приподнялся с шелковых подушек, на которых сидел.

— Не гневайся, хан! Скажу тебе по секрету, я тоже мальчиком не хотел стать баньди. В те годы Байбагас-багатур и другие ойратские нойоны дали обет посвятить в баньди по одному из своих сыновей. Байбагасу было жалко отправлять в Тибет своего сына, он позвал меня и приказал: ''Вместо моего детища стань баньди!'' И когда Маньчжушри-хутукта посвятил меня в баньди, мне было уже семнадцать лет[3]. Что же требовать от того, кому только неполных шесть.

Галдан заметил, что отец смутился. (Батур-хунтайчжи слышал об этой истории, но не мог поверить, что Великий учитель стал ламой не по своей воле, и тем более был удивлен, что тот сам рассказал об этом).

— Иди,— сказал он сыну,— и постарайся стать таким же, как Великий учитель, изучением и переводом священных книг сделай пользу религии и живым существам!

— Да ниспадет непрерывно дождь высочайшего учения!— произнес Зая Пандита, погладив малыша по голове, и мальчика увели.

Галдан бросился в юрту матери. Здесь горел очаг, пахло вареным мясом и свежим кумысом. Мать в слезах стала собирать сына в далекий путь. Радость от того, что ее сын станет ученым гэлюном или даже хутуктой, подавляли горькое чувство предстоящей долгой разлуки и страх перед опасностями долгого, неведомого пути. Галдан быстро отвлекся от тревог этого дня, включившись в игру с мальчишками, а мать в который раз наказывала дядьке, приставленному служить Галдану, беречь сына и все утирала и утирала китайским шелковым платком неудержимо льющиеся слезы. Плакать надо было сегодня, завтра утром при отце-хане плакать

будет нельзя. Сам Галдан понял, что он покидает орду и материнскую юрту только тогда, когда перед его носом поднялся теплый верблюжий горб. Он видел, как хмуро взглянул на мать отец-хан, как ее под руки увели женщины в юрту. Когда за спиной матери хлопнули деревянные створки дверей и по команде "Трогай!" караван двинулся в путь, он горько заплакал. Это было осенью 1650 года. Вместе с этим караваном ехал в Тибет и Зая Пандита.

Постепенно новые впечатления увлекли мальчика. Особенно потряс его первый увиденный им большой город. За высокими стенами стояло множество глинобитных домов.

— Как они кочуют? Разве можно погрузить на верблюда и увезти такой дом? А где их стада?— спрашивал он дядьку.

Дядька терпеливо объяснял Галдану, что эти люди не кочуют, а всегда живут на одном месте (зачем? почему? — Галдан этого не мог понять) и скот они держат в таких же глинобитных домах, а сами пашут землю. Но зачем пахать землю, если есть коровы, овцы, лошади и верблюды?— это тоже не было понятно Галдану.

В Лхасу прибыли в январе 1651 года. Лхаса поразила его большими трехэтажными домами, окрашенными известкой, величием храма Джокан и грандиозностью строительных работ на горе Марпори, где возводился дворец Далай-лам Потала. Позже, став в Лхасе своим человеком, он часто будет ездить в пригородную деревушку Шол и оттуда любоваться, как под умелыми руками строителей все выше и выше устремляются вверх величественные стены этой гигантской постройки. А еще позже Галдан не раз будет сожалеть о том, что так и не увидел завершенное строение, чудо-дворец великих лам. Особенно, когда со временем он узнает, что тот караван, с которым он прибыл в Тибет, привез в Лхасу 110 тысяч лан серебра. Потала строили и на ойратские деньги.

Галдан оказался способным и смышленным учеником. Он скоро овладел тибетским языком и, занимаясь

в монастырской школе, быстро усваивал знания. Сыну могущественного хана Джунгарии покровительствовал сам Далай-лама. Неоднократно в беседах с Галданом он говорил ему:

— Ты уже достиг пределов знаний. Возвращайся на родину. Переводя поучения Будды и шастры, распространяй религию всеведающего Будды! Ради меня ступай к говорящим по-монгольски, переводом священных книг сделай пользу религии и живым существам!

В 1653 году Лхасы и Галдана достигла тревожная весть. Умер правитель Джунгарии, отец Галдана Батур-хунтайчжи. Зая Пандита совершил над покойным обряд призывания души. Тело положили в гроб и сожгли. Сыновья и близкие родичи хунтайчжи 49 дней делали обильные приношения и поминки. А на 50-й день, когда все требуемые обряды были соблюдены, в ставке — бумбулве — покойного повелителя Джунгарии вспыхнул пожар жестокой борьбы за власть.

Осень 1662 года принесла ещё одну печальную весть. По пути в Лхасу Великий учитель Зая Пандита скончался. Как рассказали очевидцы, ''при первом сиянии восходящего солнца душевный светозарный луч из видимости тела проник в место пребывания духовного естества, показав образ избавления от страданий''. Труп Зая Пандита сожгли, пепел привезли в Лхасу. Галдан хорошо запомнил слова Далай-ламы, который, подув на прах хутукты, с сожалением произнес:

— Огонь поспешил!

По приказу Далай-ламы мастера сделали статую Зая Пандита. Прах его смешали с тушью, и этой смесью Галдан и другие ойраты-монахи собственноручно написали священные тантры. Тексты вложили внутрь статуи. Далай-лама написал в память хутукты стихи, в которых называл его ''успешным распространителем религии Могущественного в окраинной грубой Монголии''. Статую отвезли в Джунгарию. А на Галдана все стали смотреть как на прямого продолжателя дела Зая Пандита.

Глава пятая

Дорогу я хотел,
Ибо меня хотела дорога.

Ляйош Мадьяри

При наследовании власти покойного Батура-хунтайчжи сразу же возникли осложнения. Наследником стал не старший сын Цэцэн, а пятый сын покойного — Сэнгэ, родной брат Галдана. Причины такого поворота дела, как и многие другие обстоятельства ранних лет жизни Галдана и сопутствующих им событий, неясны.

Современник событий миссионер Жербильон дает следующую версию хода событий, приведших к власти Сэнгэ. Сразу же после смерти Батура-хунтайчжи ему наследовал старший сын Ончон. Заметим, что этот сын не значился в списках сыновей Батура-хунтайчжи. Однако вспомним и то, что неизвестно точно, сколько их было — 10 или 12. Ончон вскоре после прихода к власти отправился в поход на киргизов. Во время похода он заболел оспой и в тяжелом состоянии был покинут своим войском. Сам по себе этот факт маловероятный, но чего в жизни не бывает. Киргизы, заняв лагерь ушедших ойратов, пленили Ончона, но не признали в нем ойратского хана и приняли его за простого нойона. Ончон не умер. Излечившись от болезни, он три года не признавался в том, что он ойратский хан. В отсутствие Ончона Сэнгэ, уверенный в его гибели, женился на его жене и стал ханом ойратов. Видимо, узнав об этом, Ончон через три года признался киргизам, что он ойратский хан. Киргизы, взяв с него клятву никогда больше не воевать против них, дали ему в сопровождение эскорт из 100 воинов и отпустили домой. Ончон послал к Сэнгэ гонца с уведомлением о своем возвращении. Сэнгэ, не зная, как быть, посоветовался с женой.

Бывшая жена Ончона объявила: раз ее первый муж жив, она вернется к нему. Это и решило дело. Сэнгэ послал своих людей якобы для почетной встречи Ончона, отдав им тайный приказ убить его. Приказ был выполнен.

По версии, сообщаемой историком ойратов-калмыков Ю. Лыткиным, Батур-хунтайчжи ''разделил свой улус на две части: одну часть отдал одному сыну (любимому своему Сэнгэ, родившемуся от жены Юм-Агас), а другую часть отдал прочим восьми сыновьям''[1].

Дело в том, что вызывает сомнение точная дата смерти Батура-хунтайчжи. По сведениям из биографии Зая Пандита ''Лунный свет'', Батур-хунтайчжи умер в 1653 году[2]. Эта дата принимается рядом исследователей, в том числе советскими учеными И. Я. Златкиным[3] и Л. И. Думаном[4]. Японский биограф Галдана Ханэда Акира полагает, что Батур-хунтайчжи умер в 1665 году[5]. Он не приводит веских доказательств своей версии, хотя, кажется, прав в одном: все последующие события биографии Галдана свидетелствуют о том, что Батур-хунтайчжи умер не в 1653 году, а позже. Вместе с тем дате, предложенной Ханэда Акира, противоречит тот факт, что в 1664 году в Томск прибыло посольство от ойратов и ойратские послы уже вели переговоры от имени Сэнгэ, Чохур-Убаши — дяди Сэнгэ и Галдана и некоего хутукты, которого исследователи (в частности И. Я. Златкин) отождествляют с Галданом, т. е. предполагают, что к 1664 году Галдан уже вернулся из Тибета в Джунгарию. Нам тоже кажется, что Батур-хунтайчжи умер не в 1653 году, а позже (где-то до 1662 года), и, может быть, именно в это время гонец из Джунгарии привез такое печальное известие в Лхасу. Но, как говорили древние летописцы, подождем того, кто знает.

Юный Галдан смирился с будущностью хутукты, хотя в душе по-прежнему предпочитал жизненный путь воина. Идеалом Галдана стал племянник Галдама — сын старшей сестры, который был старше дяди на 10 лет.

Когда Галдану исполнилось 7 лет, а Галдаме — 17, юный багатур прославился на всю Джунгарию во время похода на тянь-шаньских киргизов. В единоборстве с киргизским богатырем Янгир-ханом он победил, и это решило успех похода. О юном герое сложили песни. Галдан особенно любил одну из них, воспевавшую нойона Галдама, охраняющего западные рубежи Джунгарии:

Галдама, одетый в военные доспехи, находится у дверей ханов,
Оседланный конь его Хонхолзур стоит в пещере скалы,
Стрелы, находящиеся в колчане, закинуты у тебя на спину,
Сыновья лучших людей, столпившись, следуют за тобой, о наш Галдама!
Четырехгодовалого солового коня заставили привыкать к треножнику!
Сорок богатырей заставили привыкать к битве с врагами!
Поджарого солового коня заставили привыкать к треножнику!
Соколов и ястребов заставили привыкать брать лебедей!

Галдан позволял себе петь эту песню за стенами монастырской кельи.

Между тем с родины поступали тревожные известия. Старший брат Сэнгэ, хан и наследник, оказался в непримиримой вражде со своими старшими братьями Цэцэн-тайчжи и Цзотба-Батуром. Отец Галдамы, хошоутовский Цэцэн-хан, поддерживал Сэнгэ, а его брат Аблай-тайчжи — братьев Сэнгэ. Зимою 1661 года пришло известие о том, что Сэнгэ-хунтайчжи и Цэцэн-хан разбили Аблая-тайчжи и его сподвижников в битве у реки Эмиль. Двадцатишестилетний Галдама примирил враждующих и уговорил отца и Сэнгэ вернуть улус и отнятое имущество своему дяде Аблаю-тайчжи и его союзникам. "Я вполне согласен с решением Цэцэн-хана и Галдамы, если дано слово все возвратить, то надо исправно выполнить обещание",— заявил Сэнгэ. Каза-

лось, между ойратами воцарился мир. Но надолго ли?

В Лхасе в резиденции Далай-ламы произошло свидание Галдана-хутукты с Далай-ламой. Далай-лама V, ученый, поэт и великий политик, восседал на желтых подушках. Он указал Галдану место напротив себя. Подали вареную баранину, цзамбу, ароматный китайский чай.

— Великий учитель! Вы указали мне путь истины и приказали мне укреплять в следовании по этому пути северные народы, говорящие по-монгольски. Я свято чту и стану исполнять ваш приказ. Вы знаете, что из Джунгарии приходят вести о смутах и вражде между братьями. Позвольте мне быть хутуктою не при вашей столице, а при моем брате Сэнгэ-хунтайчжи. Я монах, а не воин, но позвольте мне обратиться к вам словами нашей ойратской песни:

Пока мой вороной конь не утомился еще от езды,
Пока мое копье с сосновым древком не притупилось еще,
Отец, отпусти меня, я нападу!
Пока мой серый конь не утомился еще от езды,
Пока ружейные пули не летят еще мимо цели,
Отец, отпусти меня, я нападу!

— Хорошая песня,— сказал Далай-лама.— Хотя черное, как свеча курительная, мясо твое еще не совсем мясом стало, восемь крепких берцовых костей твоих еще не совсем стали костями, темно-красная кровь твоя еще не загустела, я отпускаю тебя. Будешь хутуктою при Сэнгэ-хунтайчжи. И надеюсь, что мир воцарится в монгольских степях, а слава нашего учения воссияет еще больше!

Когда чаепитие было окончено, Далай-лама сделал знак стоявшему поодаль ламе. Тот внес прощальный дар Далай-ламы ойратскому хутукте — череп колдуньи чой-джял с кабалистическими знаками на нем, написанными кровью из носа Панчен-ламы.

— Распространяй ученье, но пусть тайное в нем будет уделом посвященных!

Галдан благоговейно принял драгоценную реликвию.

— Я помещу ее в самый большой хит Джунгарии, окружу золотом и серебром!

Далай-ламе V нужен был свой человек при джунгарском хунтайчжи. Молодой смышленный хутукта, человек, лично преданный ему, вполне годился для такой роли.

Сэнгэ радостно приветствовал приехавшего из Тибета брата: ''Милое дитя мое!— воскликнул он.— Ты падение быстрого беркута, ты отрада всех людей! Ты черно-пестрый барс, бродящий с рыканьем по вершине черной горы, ты сердце всего народа, дорогое дитя мое! Ты одинокий сивый коршун, с клекотом носящийся над вершиной синей горы, ты сердце всего-всего народа, милое дитя мое! Галдан! Приехал ты!''

Судя по сведениям из русских источников, к 1664 году мы застаем Галдана в Джунгарии хутуктою при его старшем брате. Как это и было в обычае ламаистского духовенства, он активно вмешивается в политическую жизнь страны. 6 апреля 1668 года Галдан принял у себя русского посла В. Былина и изложил ему весьма подробно свою роль при ханском дворе: ''Мы де, кутухты и лабы, не воинские люди. В своей калматской земле да усоветано де у нас о том, что у всех кутухт и у лаб, чтоб ни в коих землях наших калматцкие люди и тайши с великим государем войны не подымали, а к великим де государем за наши телеуты выезжия стоять нечево''[6]. Короче, на современном языке это звучит так: ''Я, хутукта, не хан и не воин, но имею все основания заверить, что в моей власти объявить послу соседней державы о том, что слово мое гарантирует спокойствие ее границ, а наших бывших данников телеутов, бежавших в русские пределы, отныне мы во имя мира и дружбы с Русским государством требовать назад не станем''. Можно только согласиться с мнением, высказанным в свое время Ц. Ж. Жамцарано, что Галдан вернулся из Тибета раньше общепринятого на этот счет мнения, т. е. еще до смерти Сэнгэ[7].

Галдан за те несколько лет после возвращения из Тибета, пока он был хутуктою, успел проявить себя и как активный религиозный деятель. ''На основании предсказания спасителя (Будды), где указано, что ''моя религия будет распространяться на севере'', действительно, она была распространена в стране Джунгарии. Там Галдан Бошокто-хан укрепил основание ''степени пути'' бодисатвы, построил три тантрийских храма и поклонялся им, приносил жертву''[8]. Заботами Галдана-хутукты, именуемого в русских источниках тех лет ''кеген-кутухта'', ''гэгэн-хутукта'', были открыты в Джунгарии три монастырские школы: Тарни-ин разанг, Ламрим разанг и Шабдан разанг[9]. Казалось, путь Зая Пандита открылся перед Галданом. Обычное для тибетского ламаистского духовенства вмешательство в светские дела (для Тибета был даже узаконен приоритет власти духовной, власти ламы над светским правителем) позволяло Галдану удовлетворять потребность быть властителем и политиком, если не воином, которую он, видимо, ощущал с ранних лет. Однако судьба вскоре распорядилась иначе, и рожденный стать воином стал им.

Русские власти в Красноярске получили в 1671 году известие от жителя Кузнецкого уезда: ''Сенга-тайши убит в прошлом во 178 (1679) году до ево... (информатора.— *Е. К.*) приезду, а убил де ево, Сенгу, брат ево родной Маатыр-тайши у нево, Сенги, в юрте ночью, сонново. И после де ево, Сенги, брат же ево другой Кеген-кутухта собрався с воинскими людьми и того убейца брата своего Маатыря-тайши убил и другово брата своего Чечен-тайшу и Чокуровых-тайшиных детей побил всех''[10].

Ранней весной 1669 года Галдан отправился во владения алашаньских ойратов, которыми правил Очирту-хан. В Расилдюмпо у знаменитого учителя Лобсансиси-гэгэна он хотел пополнить свои знания сокровенного учения, а заодно обсудить с Очирту-ханом кое-какие дела. Ехали вдоль плоского, лишь изредка поросшего

камышом берега озера Хара-Усу. На западной стороне озера возвышались скалистые горы Яшаты. Солнце заливало ярким светом и черные горы, и серо-голубую гладь озера, с которого в отдельных местах еще не сошел лед, и белые солонцы, и красные глины. И если земля еще ждала своего часа, чтобы покрыться яркой весенней зеленью, на озере уже царила весна. Гуси, утки и лебеди большими стаями с громкими криками плавали на мелководье, отдыхая от дальнего перелета, готовясь к новому пути, или собирались остаться на гнездование. Галдан вспомнил слышанную еще в Тибете песню:

Гусь кричит в облаках,
Скрыли гуся белые облака.
Только слышен гусиный крик,
Но не видно летящего гуся!
Я и сестричка
Разделены заросшими сосной склонами.
Слышу, как поет песню сестричка,
Но не вижу сестричкиного лица!
Я и братец
Разделены заросшими сосной склонами.
Слышу, как поет песню братец,
Но не вижу лица братца!
Под ногами порог,
Перешагну порог,
Братец, если любит,
Перейдет через горный склон!
Зеленый ивняк, как плотиной, нас
разделяет,
Сестричка, если хочет свидеться,
Обойдет заросший ивой горный склон!
Гусь летит в облаках,
Белые облака — гроздья цветов,
Сестрица, цветочек!
Ты и я — нас двое.
Вместе — одно сердце.
Сестричка, иди за братцем!
Сестричка, цветочек!
Цветок благоухает,
Прилетела пчела к цветку,

Цветок любит пчелу.
Братец влюбленный
Перейдет через горный склон!
Он просит разрешить ему
Отдохнуть на цветке
И больше не разлучаться!

Не дано Галдану открыто и радостно, как этому гусю, выбрать себе подругу. Только себе он мог признаться, что не непонятные вопросы учения из разряда тайных волнуют его в Алашане и даже не Очирту-хан и его позиция в делах Джунгарии, в той междоусобице братьев, которая лишь притушена, но может снова вспыхнуть в любое время. Дочь Очирту-хана, верблюдоокая девочка, ясная, как луны золотое стекло, завладела его мыслями. На пути из Тибета ненадолго останавливался он в Алашане:

Девушка там восседала, как месяц мила,
И до того прекрасна она была,
Что если ночью влево глядела она,
В свете щеки лучезарной была видна
Лесом покрытая левая сторона,
Можно было бы все дерева сосчитать!
Если же ночью вправо глядела она,
В свете щеки лучезарной была видна
Лесом покрытая правая сторона,
Можно было бы все дерева сосчитать!
Если на воду взор опускала она,
То сосчитаешь всех рыб на глубоком дне,
То замечаешь рожденье рыб в глубине!

"Ом мани падме хум!" Галдан дернул коня за узду, отделанную лхасским серебром, и, вырвавшись вперед каравана, поскакал по песчаному берегу. Быстрой скачкой хотел подавить он тоску по девушке, избавиться от тяжких дум об опасности, которую и для него таила затянувшаяся вражда с братьями.

* * *

В богатой ханской юрте Сэнгэ было темно. Лишь

пламенели в очаге угли, от которых к ногам шло приятное ровное тепло. Сэнгэ сидел на белом войлоке слева от очага, справа от него находился домашний алтарь с бурханами, чьи медные лица загадочно взирали на него из тьмы. Сэнгэ поднял пиалу, отделанную по краю золотом, наполненную арзой — молочной водкой двойной перегонки, опустил в нее безымянный палец правой руки и, стряхнув с него с помощью большого пальца капельки арзы в очаг, принес, прежде чем выпить самому, жертву духам. Крепкая арза не пьянила его. Была глубокая ночь, за стенами юрты, позвякивая оружием, ходила стража, да далеко у реки на лугу всхрапывали кони. Сэнгэ думал о том, что вот он уже много лет хунтайчжи, глава огромной и мощной державы ойратов, но нет единства среди его нойонов и подданных и виною тому его старшие братья, которые так и не могут простить ему того, что он стал ханом. Это они, Цэцэн-тайчжи и Цзотба-Батур все время стараются привлечь на свою сторону видных ойратских нойонов, чтобы силою оружия отнять у Сэнгэ власть. Летом года гал-такя (1657) они добились раздела страны на две части: южную — Барунгар, полновластным хозяином которой остался Сэнгэ, и северную — Джунгар, в которой господствовали они. Лишь вмешательство Галдана предотвратило кровопролитие. Брат Галдан-хутукта помог Сэнгэ словом и делом сохранить положение верховного правителя.

Сэнгэ допил арзу и закусил сушеными молочными пенками. Галдан молод, он умен, хитер, к тому же честолюбив. Сам бы непрочь стать ханом. Хорошо еще что влюбился в дочь Очирту-хана Ану и уже год живет в Алашане. Беда, беда, не знаешь, кому и верить.

Вошел начальник караула и доложил, что пришла смена. В ответ разомлевший от арзы Сэнгэ только махнул рукой. Он лег на шелковые подушки и закрылся бараньим тулупом. Начальник караула хотел сказать, что у реки один из караульных видел какую-то подозрительную группу всадников, но раздумал и вышел. ''Сами разберемся,— решил он,— предупрежу только

нового караульного начальника. Выйдя из юрты, он лицом к лицу столкнулся со старшим братом хана Цзотба-Батуром.

— Хан у себя в юрте?

— Спит.

— Срочное дело. Цэцэн-тайчжи и я должны поговорить с ним!

— Я доложу.

— Не надо, мы сами.

— Но хан спит.

— Отойди и не перечь!

Начальник караула хотел заслонить вход в юрту, но в этот момент кто-то невидимый во тьме ударил его по голове. Он упал. Вокруг юрты поднялась возня. Это люди Цэцэн-тайчжи и Цзотба-Батура разоружали и уничтожали караульных Сэнгэ. Начальника караула оттащили в сторону, и Цзотба-Батур вошел в юрту. Он ожидал увидеть испуганного, готового к борьбе с ним брата и хана, но тот спокойно спал. Цзотба растерялся, и рука с мечом, готовым разить, невольно опустилась. Вошел Цэцэн-тайчжи — уже старый тучный человек.

— Чего медлишь? Кончай!— прошептал он.— Если не все караульные побиты и повязаны, поднимут тревогу.

— Он спит!

— Кончай, не тяни!

Цзотба-Батур занес меч и, отвернувшись, с силой вонзил его в мирно спавшего под тулупом хана. Тело хана дернулось. Цэцэн-тайчжи откинул тулуп. Широко открытые, полные ужаса глаза глянули на братьев. Сэнгэ еще силился что-то сказать, когда Цзотба-Батур, уже овладевший собой, спокойно отсек ему голову.

* * *

Галдан гостил у Очирту-хана. Было выпито уже немало арзы, съедено много сочной и жаркой еды. Очирту-хан обещал поддержать Сэнгэ и Галдана в возможной борьбе со старшими братьями. Галдан со-

бирался уже уходить в отведенную ему для ночлега юрту, когда в юрту хана вполз гонец. Конь его пал, последний участок пути он бежал из последних сил. Раненый начальник караула Сэнгэ сумел добраться до верных людей. Это его и их гонцы спешили в Алашань, чтобы принести Галдану-хутукте и Очирту-хану страшную весть. Гонец увидел Галдана и прохрипел:

— Хан Сэнгэ убит братьями Цэцэн-тайчжи и Цзотба-Батуром. Пить!

Ему подали кумыс. Очирту-хан приказал своим людям позаботиться о гонце. Лицо Галдана потемнело от гнева:

— Я убью этих подлых собак. Хан, дай мне людей, я завтра же выступаю в поход.

— Как ты поведешь войска? Ведь ты не воин! Где это видано, что святой хутукта лично обрушил меч мщения на головы своих врагов.

— Ради отмщения я стану воином!

— Не отказываешься ли ты, лама, от служения великому во имя малого?

— Для того, кто имеет здравый ум, не существует ни великого, ни малого!

Очирту-хан постарался скрыть свое изумление. То, что хутукта поглядывал на его дочь Ану, было ему понятно. Молод, играет кровь! Монахи любили и будут любить женщин, несмотря на запреты. Но то, что этот юный хутукта так легко готов оставить свой сан ради мести и борьбы за власть, делать своими руками то, что, возможно, мог бы сделать чужими, заставило его взглянуть на Галдана новыми глазами.

На следующий день за чашкой крепкого бульона и ароматным мясом козы, сваренной целиком при помощи раскаленных камней, вложенных в тушу, Галдан, получив еще раз заверения от Очирту-хана в оказании военной помощи, изложил ему свой план действий. Сегодня же он пошлет своих людей в Лхасу к Далай-ламе и попросит у него разрешения отказаться от

духовного сана и стать светским лицом. Одновременно здесь в Алашане он соберет верных ему в Джунгарии нойонов, которых и поведет лично в бой против убийц брата. Он решил стать ханом Джунгарии и никому не уступит этого места, даже если ему придется погибнуть в борьбе.

Хоть и далек путь в Тибет из Алашаня, но

На расстоянье пробега целого дня
Ставил свои передние ноги скакун,
Задние ноги ставил в дороге скакун
На расстоянье в целый ночной пробег,
Чудилось: выскочил заяц из муравы,
Травы степные тонули в красной
пыли,
Пламя ноздрей обжигало стебли
травы,

и через несколько месяцев Галдан получил разрешение Далай-ламы V и Панчен-ламы снять желтые одежды, сложить с себя духовное звание и стать светским человеком.

Галдан становится во главе отрядов из оставшихся верными Сэнгэ и ему людей, а также воинов Очирту-хана. О подробностях этого похода, имевшего место в 1672 году, сведений нет. Известно только, что после убийства Сэнгэ ханом, возможно, стал Цэцэн (некоторые источники именуют его Цэцэн-ханом). Сторону Галдана приняли Алдар-тайчжи, Данджин, Гомбо и другие нойоны. Галдан стоял лагерем на Иртыше, а орда Цэцэн-хана — на реке Эмиль. Вначале Цэцэн-хан сумел одержать победу, несмотря на то, что был в преклонном возрасте (его даже привязывали к коню, чтобы он не выпадал из седла). На речке Урунгу-булак сторонники Цэцэн-хана Чокур-Убаши (дядя Галдана и Цэцэна) и Алдар-Хошучи разгромили союзников Галдана Алдар-тайчжи, Дайчина и Гомбо. С реки Эмиль Цэцэн-хан откочевал вверх по реке Или, а затем перебрался на озеро Хара-Нор. Здесь, у озера Хара-Нор, и настигли

Цэцэна отряды Галдана, и он был разбит. Одни из людей Цэцэна попали к Галдану в плен, другие разбежались. Все высшее джунгарское ламство, следовавшее до этого за Цэцэн-ханом, перешло на сторону Галдана, что было важным общественно-политическим актом, ибо, по сведениям источника, ламы рассудили следующим образом: ''Так как мы действительно ламы дэрбэн ойратов, то не следует различать нас, и так как для нас нет разницы в милостынедателях, то безразлично при ком бы мы ни находились!''[11].

Цэцэн-хан был убит в плену или на поле брани. Не исключено, что личные связи Галдана с джунгарским ламством сыграли решающую роль в его победе. Галдан возвратил ламам бежавших от них крепостных — шабинаров и скот. Курэ — высший центр ламаистской церкви Джунгарии — снова перекочевал на реку Эмиль. Цзотба-Батуру удалось с горсткой своих людей бежать из Джунгарии на Кукунор к кукунорским ойратам. Галдан стал хунтайчжи, правителем Джунгарии. Однако это имело самые неожиданные последствия. Против такого оборота дела восстали его родные племянники — сыновья покойного Сэнгэ, считавшие себя, и не без основания, прямыми наследниками и претендентами на престол. Конфликт между дядей и племянниками кончился тем, что один из сыновей Сэнгэ Соном-Рабдан был отравлен Галданом, а второй его сын Цэван-Рабдан с семью верными ему людьми бежал в Турфан (по другим данным, к родственнику по матери — торгоутскому хану Аюши). По некоторым сведениям, Галдан имел намерение убить Цэван-Рабдана. В результате в лице бежавшего в Турфан Цэван-Рабдана Галдан приобрел одного их своих самых упорных и постоянных врагов.

Среди прочих причин успеха Галдана в овладении джунгарским престолом указывают на то, что он ''опирался на казахских владетелей''[12], и на то, что он ''умел и любил воевать. Извне он пользовался поддержкой Далай-ламы, внутри страны сумел сплотить всех старых подданных своего отца и старших братьев''[13].

* * *

Став ханом Джунгарии и светским человеком, Галдан отправил к Очирту-хану послов, извещая о своем решении ''взять дом'' — ''гэр авху'', ''жениться'', и просил отдать ему в жены дочь Ану. После получения ответа от гадателя — зурухайчи о возможности и благоприятных сроках брака и первого положительного ответа Очирту-хана Галдан, по ойратскому обычаю, еще трижды посылал послов с подарками в Алашань. На четвертый раз туда прибыл богатый караван с дарами — коврами, одеждами, оружием и шелками, китайским фарфором и сибирскими соболями. Верблюды были нагружены кожаными сосудами с молочной водкой, а мясо на закуску шло на своих ногах. Среди всякого добра были, по обычаю, и подарки-символы: кирпичный чай как залог будущего богатства семьи, клей — символ скрепления брачного союза молодых и ремень — залог его прочности. В ответ из Алашаня тронулся в Джунгарию караван, который вез долгожданную невесту.

Ханская юрта Галдана отличалась от прочих своими размерами и украшениями. Снаружи она была обтянута голубым шелком с узором в виде золотистых трав. Желтый цвет (цвет золота) говорил о великой любви хана, способной выдержать любые испытания. С крыши юрты спускалась бахрома. Внутри решетки юрты были обиты дорогой камкою. Кровати с низкими ножками (ори) покрывали мягкие войлоки, шелковые одеяла и подушки. На покрывале по краям был вышит орнамент-меандр (элдзий утас) — ниточка счастья.

Невесту провожали в дальний путь отец-хан и мать-ханша. Подали ей золотой ковровый хадак с золотым парчовым платком:

— Где бы ты ни была, везде пусть мысль твоя будет спокойна и душа покойна, живи, наслаждайся по желанию,— сказали они и понюхали ее обе щеки, поласкали, погладили.

Оседлали для нее солового коня, надели на него разукрашенную драгоценностями сбрую, привесили кисти из шнуров, чтобы качались они на свежем ветре и мели головки ковыля. Красивые прислужники посадили Ану на коня и отправили ее в путь с восемью прекрасными служанками. Заболтали служанки между собой: гюнгр-гюнгр, подняли они плач: джир-джир. Плакала и Ану с подругами-служанками, причитая:

— Наша судьба, рожденных с короткими поводами, что за тяжелая судьба. Бросаем мы отца и матушку, уходя в далекую чужую сторону!

Очирту-хан наказывал передать Галдану:

— Дочь мою не обзывай дурным словом, не бей палкой!

Свадьба была назначена на четвертый день среднего летнего месяца.

Ану встретил не юный хутукта, не монах в желто-красных одеждах, а молодой красавец-хан, воин-богатырь. Невеста взглянула и обомлела — перед ней был другой человек, обновленный Галдан:

Развевались иссиня-черные волосы
храбреца,
Темная шея с круглой башней сходна
И возвышается над необъятным хребтом,
Сильным и твердым, как крепостная
стена,
У богатырских ушей, позади челюстей...
Грозен был черный прищур холодных
очей,
Щеки горели крови быка горячей,
Как ледяная скала, белело чело,
На самородное похожий стекло
Беркутовый сидел между скулами нос,
А богатырские бедра одарены,
Двадцать саженей они ширины,
Тонкой была середина стана его.
Благоуханье от шеи неслось,
Шло благовонье от черных волос,
Ярко на лбу загорался Майдари лик,

Пламя распространяло сиянье Зунквы,
А несравненная маковка головы
Распространяла сиянье Очир-вани...

Галдан лично проводил Ану в соболью юрту — ставку с шелковыми занавесками. На свадебную церемонию было собрано все высшее духовенство Джунгарии.

В правильный день, при счастливой звезде, в указанный час, в счастливый день молодые поклонились вечно желтому солнцу и в знак скрепления своего союза вместе взялись за шага-чимэгэн — берцовую кость задней бараньей ноги. Новый хутукта, занявший место Галдана, громко провозгласил: "Подобно тому, как августейший Чингис-хан и другие могущественные повелители устраивали радостные брачные пары, точно также и ныне, по нашим древним заветам, приведем мы эту благонравную девушку торжественно и чинно. Посадивши ее с женихом, мы призываем благословение на их союз!" Затем были принесены обильные жертвы огню: сожжены мясо, жир, масло и молоко. Лама прочел молитву: "Могущественный повелитель огня! Вкусны эти жертвы. Соизвольте преподать покой, блеск, благополучие и богатство брачующимся. Да исполнится все благое ими задуманное! Всесовершенные будды! Соизвольте наполнить брачующихся единомыслием и здоровьем, увеличением рода и полным согласием в деятельности на благо священного учения и всего доброго. Да уподобятся брачующие производящим всяческую пользу и добро небесам и матери-земле, и да будут они чисты и совершенны, как луна!"

Этот полушаманский-полубуддийский обряд скрепил союз Галдана и Ану. Множество мелких кос Ану, прическу девушки, заплели теперь в две косы, как положено замужней женщине, и надели на них шивырлыки — особые чехлы. Вместо прежней одной серьги-сике (девушки носили ее в правом ухе) — круглой золотой пластинки с золотой привеской, прикреплен-

ной к выгнутой в форме треугольника проволоке, с большим кружком, украшенным девятью драгоценными камнями,— ей одели две. Две серьги-сике в ушах могли носить только замужние женщины.

Дули в раковины глашатые-дунгчи, созывая гостей на свадебный пир. Был отдан приказ кравчим-бавурчи: ''Поставьте вы сотню земляных печей и варите мясо для пира, радостного праздника! Приготовьте море кумыса и водки для пира! Приготовьте плодов-ягод для пира!'' На мягких войлоках у дербюлджинов* (ковров из кошмы, обшитых материей, на которых ели) семью кругами вокруг хана восседали тайчжи и нойоны, знатные из знатных, храбрые из храбрых, юноши, зрелые мужи и седые старики. Тут же были их жены, дочери краснолицые и важные старухи, нежнобелые жены и девушки. Слуги не успевали подносить чигэнсары — кожаные сосуды для хранения кумыса. Домбо (сосуды для чая) были полны жирным ароматным чаем. Блюда ломились от сочной еды — жеребячьих окороков и целиком сваренных баранов. В больших деревянных корытах подавалось мелко нарубленное вареное говяжье и баранье мясо. Громадные блюда были наполнены кониной, верблюжатиной, говядиной, бараниной. Многочисленные красивые прислужники наполнили до краев золотые и серебряные чаши водкой и кумысом, затем запели песни и поднесли чаши пирующим:

Богатыри пируют под сводом небес,
Над силачами шелковый синий навес,
Чтоб их зноем не жгло, не мочило росой,
Мясом оленьим, благовонной арзой,
Кто ни пришел бы — все наслаждаются
там!

Действительно ли по любви женился Галдан или это был политический акт, закрепление союза с алашань-

* Д ө р в л җ н и ш к ә (*калм.*). — **Примеч. ред.**

скими ойратами, с Очирту-ханом, независимо от того, кем в действительности ему приходилась Ану — дочерью[14], сестрой или племянницей[15] (источники в данном вопросе не едины), мы не знаем. Известно только, что одновременно с Ану Галдан взял себе в жены и жену покойного брата Сэнгэ с явной целью обосновать преемство власти, особенно в глазах прямого наследника Цэван-Рабдана, конфликта с которым он не избежал. М. Куран даже выдвинул версию, что Ану была вдовой Сэнгэ и свояченицей Галдана[16]. Однако из дальнейшего станет совершенно ясно, что у Галдана было по меньшей мере две жены, которые в источниках фигурируют под именем Ану. Одна из них предала его и приняла сторону Цэван-Рабдана, другая сохраняла ему верность до конца и пала на поле брани в сражении с войсками Цин.

Галдан родился в стране, страдавшей разобщенностью, твердой власти одного хана не было. Он принял такую страну и, возможно, думал так или иначе объединить ойратов. Многие последующие поступки его свидетельствуют об этом. Став властителем, Галдан сразу же оказался втянутым в монгольские дела. Собственно, он унаследовал их от брата Сэнгэ. Чтобы понять все последующие действия Галдана, нам следует вкратце рассказать о положении дел в Монголии к моменту прихода его к власти.

* * *

После смерти Даян-цэцэн-хана (1470—1543) все его старшие сыновья перекочевали на юг в пределы будущей Внутренней Монголии. На севере в Халхе, у отрогов Хангайских гор, по старинному монгольскому обычаю, у отцовского очага остался самый младший сын — Гэрэсанцза, которому было суждено стать родоначальником всех халхаских князей. Именно Гэрэсанцза, распределяя свое наследие между сыновьями,

впервые разделил Халху (территорию современной МНР) на левую (восточную) и правую (западную) половины, а от трех из семи его сыновей — Ашихая, Нунуху и Аминдурала — вышли три поколения халхаских ханов. Потомки Ашихая стали цзасакту-ханами (верховными владыками), господствовавшими в правой (западной) половине Халхи. Границей между правою и левою половинами Халхи была река Тола. Потомки откочевавших на восток Нунуху и Аминдурала правили в левой (восточной) половине Халхи. Сыновья Аминдурала основали свои кочевья по Кэрулену и явились предками цэцэн-ханов (мудрых ханов), а потомки Нунуху кочевали по среднему и нижнему течению реки Толы и верховьям Орхона и стали предками тушэту-ханов (верховных ханов). Во второй половине XVI века цзасакту-ханы подчинили себе ойратов. Однако после смерти цзасакту-хана Абатая ойраты восстали, убили правившего ими сына хана Абатая. Поход халхасцев на ойратов в 1587 году закончился поражением халхасцев.

Тушэту-ханы первыми в Халхе стали покровителями реформированной Цзонкавой секты Гелугпа (так называемой желтой веры). Сын Нунуху Тумэкинь получил от Далай-ламы титул сайн-нойона и положение лица, объявленного Далай-ламой выдающимся среди правителей Халхи. В 1585—1586 годах хан Абатай построил монастырь Эрдэни-цзу. Молодые халхасцы были отправлены учиться грамоте и буддийскому канону к чахарам — южным монголам. За выученные священные тексты монголам стали выдавать награды: коров, лошадей и т. п.

Халхаские монголы рано оказались втянутыми в маньчжурские дела. Надо отметить, что на ранних этапах возвышения маньчжуров монголы относились к этому спокойно, а к самим маньчжурам даже слегка покровительственно. В эпоху Нурхаци последние использовали отдельные достижения культуры монголов. Монгольская письменность и язык применялись

маньчжурами в делопроизводстве, а на основе монгольской письменности было создано маньчжурское письмо. И монголы и маньчжуры были в одинаковой оппозиции к минскому Китаю. "Мины — враждебное нам государство"[17],— писали восточные монголы маньчжурам, а их первые успехи воспринимали как свои. Есть данные, свидетельствующие в пользу того, что именно соседние с маньчжурами монголы предложили Нурхаци титул хана. Такие монгольские княжества, как Барин, Хорчин, Тумэт, Найман, активно помогали маньчжурам. В 1634 году соседние с маньчжурами аймаки Учжумуцинь, Сунит, Абага предложили маньчжурскому хану Абахаю заключить с ними договор о дружбе. Вслед за цэцэн-ханом в контакт с маньчжурами вступили тушэту-хан Гомбо и цзасакту-хан Субуди.

Вместе с тем как раз к этому времени в маньчжурско-монгольских отношениях произошли существенные перемены. В том же 1634 году маньчжуры наголову разбили сильнейшего южномонгольского чахарского хана Лигдана, претендовавшего на гегемонию в монгольском мире. По имевшимся у маньчжур сведениям, Лигдан-хан хранил печать самого Чингис-хана. Завладев этой печатью, маньчжуры, с их точки зрения, получали известное легитимное право на главенство над монголами и Китаем, то есть на завоевание последних и подчинение их своей власти. В 1640 году был закончен перевод на монгольский язык сокращенного варианта истории династии Юань, основанной Чингис-ханом, идентичный соответствующему тексту на маньчжурском языке, подготовленном в то же время. Этот маньчжурско-монгольский вариант истории монгольского господства в Китае в XIII—XIV веках должен был подчеркнуть родство и преемственность династии Цин и династии Юань. После разгрома Лигдан-хана 46 южномонгольских княжеств "просили" Абахая принять титул "всемонгольского хана"[18], который носил ранее Лигдан-хан и которого лишился вместе с жизнью и печатью Чингис-хана.

В 1640 году шестилетний сын тушэту-хана Лубсан-Дамба-джалцан был объявлен главой буддистов Халхи. В 1649 году он получил титул Чжэбцзун-Дамба-хутукты.

Еще с 1638 года маньчжуры обязали халхасцев платить ежегодно символическую дань, состоящую из ''девяти белых'' — одного белого верблюда и восьми белых лошадей. В 50-х годах XVII века маньчжурское правительство добивается зависимости халхаских ханов. Эту зависимость предлагается закрепить клятвой о союзе: ''Вы, желая укрепить дружбу, сможете... произнести клятву о союзе и каждый год представлять дань в установленном размере, а также вести торговлю. Мы, со своей стороны, будем награждать вас подарками и не станем принимать ваших беглецов, которые прибудут сюда после заключения союза, будем отсылать их обратно. Если же не установим дружбу и не закрепим союза, а вы будете присылать дань, мы не примем ее, отдадим приказ принимать и щедро одаривать прибывающих к нам ваших беглецов. Обдумайте это!''[19].

Ханы обдумали. Тушэту-хан и цэцэн-хан в 1656 году заключили с маньчжурами клятвенный союз, однако цзасакту-хан этого не сделал. Этот акт имел большие последствия. В том же 1656 году маньчжурский император односторонним актом пожаловал восьми крупнейшим правителям Халхи — тушэту-хану, цэцэн-хану, цзасакту-хану, Лубсан-тайчжи (алтын-хану), даньцзинь-ламе, мэргэн-нойону, цэцэн-нойону и хундэлен-тойну звание цзасака. Отныне только цзасаки должны были платить дань из ''девяти белых''. За это они получали вознаграждение, состоящее из одного серебряного сосуда для чая, серебряного блюда, 30 кусков шелка и 70 кусков простой синей ткани. Посольству, прибывшему с данью, устраивалось угощение. Звание цзасака не наследовалось, а каждый раз заново жаловалось императором[20].

Период с 1656 до 1691 года, который в отечественной

исторической литературе характеризуют ''как номинальный вассалитет'', был началом установления фактического контроля Цин над Халхой. Это обстоятельство мы просим иметь читателя в виду, ибо именно оно многое проясняет в действиях будущего Галдана Бошокту-хана. Нам думается, что важно учитывать и следующее: монголы сравнительно легко пошли на союз с маньчжурскими императорами, не только устрашенные судьбой Лигдан-хана и военной силой Цин. Они еще видели в цинских императорах именно маньчжурских ханов и упустили тот момент, когда маньчжурские ханы стали уже китайскими императорами со всеми вытекающими последствиями для их соседей.

Любопытно следующее. На фоне реального дробления халхаских владений, с одной стороны, и стремления ряда ханов к объединению Халхи (тушэту-ханы, хотя бы путем установления религиозного лидерства, ойраты) — с другой, XVI—XVII века в истории монголоязычных народов были периодом подъема их национальной культуры. Мы кратко рассказали о Зая Пандита и его деятельности у ойратов. Тот же процесс происходил и в Монголии. ''В XVI—XVII вв.,— писал Ц. Жамцарано,— мы видим в Монголии сильнейшее движение за национальное культурное возрождение и политическую независимость, борьбу центростремительных тенденций с центробежными как среди монголов восточных, так и среди ойратского союза. XVI—XVII вв. должны считаться временем монгольского ренессанса, прямым продолжением которого был по инерции также и XVIII в., но уже под эгидой маньчжурской династии''[21].

Ойраты оказались втянутыми в дела Халхи в начале 60-х годов XVII века. В 1661 году умер цзасакту-хан Норбу. В междоусобной борьбе за власть старший сын его Цу-мэргэн был лишен престола, который достался Ваншуку — второму сыну покойного Норбу. В распри цзасакту-хановского аймака вмешался алтын-хан —

правитель хотохойтов Лубсан-тайчжи. В 1662 году он напал на Ваншука и убил его, а на престол цзасакту-ханов посадил Цу-мэргэна. Сторонники убитого Ваншука обратились за помощью к тушэту-хану Чихунь-Дорчжи, который вместе с сайн-нойоном и даньцзинь-ламой прислали свои войска. Лубсан-тайчжи был разбит и бежал к ойратам. Однако его дружба с ойратами оказалась недолгой. Сэнгэ и Лубсан-тайчжи не поделили данников — енисейских киргизов. Вспыхнула война, в результате которой в 1666—1667 годах ойраты уничтожили государство алтын-ханов, а в землях киргизов оставили свои гарнизоны. Лубсан-тайчжи попал в плен. В плену у Сэнгэ Лубсана-тайчжи видел русский посол Павел Кульвинский: "Июня в 12 день (1667 г.) Сенга-тайша привез Мугалского царя Лоджана, детей его трех сынов, ...сестру Лоджанову за себя взял, а самому Лоджану-царю Сенга велел руку правую под завит отсечь и собачья мяса велел Лоджану в рот класть"[22].

Падение Лубсана-тайчжи от рук ойратов, видимо, оказалось гибельным и для цзасакту-хана Цу-мэргэна. Переворот у ойратов, приведший к власти Галдана, почти совпал с прямым вмешательством цинского двора в дела цзасакту-ханов. На основании права жаловать звание цзасака император Кан-си в 1670 году лишил Цу-мэргэна этого звания и назначил цзасаком Цэнгуня, что означало и его признание в качестве цзасакту-хана. Это не принесло спокойствия Халхе. Часть людей цзасакту-хана, бежавших ранее к тушэту-хану и другим правителям Халхи и даже перешедших в подданство к маньчжурам, стала предметом спора, в первую очередь, цзасакту-хана и тушэту-хана. Тушэту-хан Чихунь-Дорчжи не отдавал попавших к нему людей цзасакту-хану. Это привело к прямой вражде цзасакту-хана с тушэту-ханом. Цзасакту-хан Цэнгунь, ставленник цинского двора, пожаловался на тушэту-хана Чихунь-Дорчжи императору Цин и Далай-ламе V. Последний прислал своего представителя Джарбуная с целью добиться примирения двух влиятельных халхаских ханов. Тушэ-

ту-хан от встречи с цзасакту-ханом уклонился. Вражда цзасакту-хана и тушэту-хана — важный фактор, определивший жизнь Халхи в последующие 15 лет. Она стала поводом для активного вмешательства в дела Халхи как цинских властей, так и ойратов Джунгарии, властителем которой был Галдан-хан.

* * *

В просторной избе красноярского воеводы Хрущева было душно. Уже две недели над Красноярском нещадно палило солнце, где-то далеко горели леса и пахло гарью. Двери в избе были раскрыты настежь для притока свежего воздуха, поскольку маленькие слюдяные оконца наглухо закупоривали жилые покои. Хрущев сидел на широкой лавке у стола, заставленного закусками и водкой, настоянной на разных травах и специях, пил квас со льдом и ждал прихода ойратского посла Мыша. Ойратские послы прибыли три дня назад. Эта встреча воеводы с послом была первой. Хрущев наперед знал, о чем будет разговор: ойраты будут требовать, чтобы русские не собирали ясака с киргизов, тувинцев, качинцев, аринцев, кемских, камасинских и других инородцев, а если воевода откажет, будут проситься в Москву. Хрущев также знал и то, что откажет. Уж он не только не перестанет собирать ясак, но и двуясачья не допустит. А в Москву пускай себе едут. До бога высоко, до царя далеко, да и государь Алексей Михайлович своей выгоды упускать не велит. В избе кроме Хрущева находились писец и переводчик.

Заскрипели ступеньки лестницы, вбежал приказный и объявил:

— Прибыли калмыцкие послы!

— Вводи,— сказал Хрущев и застегнул кафтан для парада на все пуговицы. Ох уж эта проклятая жара!

Ввели посла и с ним двоих сопровождающих. Посол с достоинством поздоровался, Хрущев пригласил его

сесть. Пока шел обычный в таких делах разговор о здоровье, тяжестях пути и жаркой погоде, Хрущев разглядывал ойратского посла: косоглаз, но красив, молод, силен, одет в шелковую рубаху, поверх рубахи куртка из кожи, а сверху халат — термек, перепоясанный широким ремнём. На ногах красные сапоги. Мыш держался свободно, с достоинством, как и подобает послу. Ему явно нравилась водка, но ел он только мясо, рыбу лишь попробовал, а хлеба, огурцов и капусты не трогал совсем. Чтобы не сразу перейти к делам, Хрущев спросил:

— А что, гонят ли водку калмыки и из чего?

— Мы гоним водку из кислого молока,— отвечал Мыш.— В архат (кожаный мешок) сливают молоко и квасят несколько дней, постоянно взбалтывая его билюром — вставленной в мешок особой палкой с кружком на конце. Скисшее молоко затем сливают в хайсун (большой плоский котел) и закрывают деревянной крышкой с двумя отверстиями. Одно отверстие закрывают глиняной пробкой, во второе вставляют цорго — деревянную трубку. Цорго соединяет котел с другим маленьким котлом, поставленным в корыто с водой. Под большим котлом разводят огонь. В маленький котел стекает водка — арака. Если ее перегнать второй раз, будет еще более крепкая водка — арза, а если перегнать в третий раз, получится самая крепкая ойратская водка — хурза. Русская водка крепче и вкуснее, но после нее быстро трезвеешь, за сутки все проходит. А если выпить ойратской арзы или хурзы, не протрезвеешь и за трое суток. Пусть воевода попробует ойратской водки. Велим ему завтра прислать.

— Спасибо,— сказал Хрущев.— От меня бочонок водки в подарок послу! Ешьте, пейте, гости дорогие. Мы знаем калмыцкий обычай, прежде чем выслушать — накормить. Если посол губы обмажет свои сперва, лучше скажет свои слова!

Мыш понял это как предложение начать переговоры.

— Посол говорит устами хана!

Хрущев понял, что беседа будет долгой и трудной.

— Хан джунгарский Галдан посылает русскому царю подарки: коня и пояс, царице — дорогие серьги. Конь превосходный

С гордо посаженной маленькой головой,
С парой прекрасных, подобных сверлам, очей,
С парой ножницевидных ушей,
С мягкой, изнеженной, как у зайца, спиной,
С грудью широкой такой, как простор степной,
С парою, как у тушкана, передних ног,
Напоминающих на скаку два крыла,
С парой чудесных, стремительных задних ног,
Вытянутых, как ученые сокола,
Вытянутся, лишь наступит охоте час.

Пояс тонкий, резной, золотом отделанный и серебром, дорогими каменьями украшен он, дорогой пояс, в семьдесят лошадей пятилетних ценой. Серьги так красивы и дороги, что мало найдется равных им, эти серьги в тысячу юрт-гэров ценой!

— Государь не поскупится на ответные дары,— вставил свое слово Хрущев.

— Я, посол Галдан-хана, Бадма Мыш, хочу вручить эти подарки лично белому царю в Москве.

Хрущев, чтобы не спешить с ответом, спросил:

— Что значит имя твое, Бадма?

— Бадма — это священный цветок, лотос, самое нежное из человечьих имен.

— А с чем поедешь в Москву, о чем высокородный хан твой просит нашего батюшку-царя?

— Ты знаешь, воевода, о чем. Мой хан сейчас тьмою войска стоит в десяти днях пути от Красноярска. Еще брат его, хан Сэнгэ, объявил вам, русским воеводам, почему наши старые ясачные люди платят теперь ясак вам, русским. Надо, чтобы они снова платили ясак джунгарскому хану Галдану. А если они ему ясака платить не станут, как прежде, то Галдан-хан пойдет на Красноярск войною.

Хрущев знал, что калмыцкий отряд находится в бывших владениях алтын-хана. На русскую территорию калмыки не заходили. Угрозы воевода не испугался, но чем черт не шутит, а вдруг нападут? Следовало и припугнуть:

— А знает ли хан, что стрельцов с огненным боем и пушек в Красноярске довольно, и достанет ли у него сил повоевать нас? А те ясачные инородцы, о которых идет речь, давно платят ясак нашему великому государю, и по-иному не бывать!

Мыш побагровел, но сдержался:

— Воевода доложит великому государю, что посол Мыш хочет говорить устами хана с ним лично в Москве?

— Доложу. А не боится посол дальнего и тяжелого пути?

— Я имею повеленье хана.

Если пролью богатырскую кровь свою,
Обогатится земля глоточком одним.
Высохнут кости мои в далеком краю,
Обогатится горсточкой праха всего!

— Ты храбрый воин!— Хрущев дал знак наполнить ковши.

— Ну, давай за твое здоровье и удачу. Как это у вас говорят: ''Смерть настигает мужчину в степи''. В деле, значит, а не в постели. Я доложу о тебе и пропущу тебя в Москву.

В октябре 1673 года посольство Галдана прибыло в Москву. В Москве разговор был коротким: послу объявили, что Галдан — ''сам подданный царского величества'' и чтобы он со спорных инородцев ''ясаку не имел и тем на себя гневу царского не наводил''[23]. Послу также сообщили, что царь знает об угрозе Галдана напасть на Красноярск, Томск и Кузнецк и считает, что ему лучше жить с русскими людьми в мире. Одновременно сибирским воеводам было приказано

послать к Галдану посольство с письмом и подарками, а ойратских послов пускать в Москву без задержки, если они станут о том просить.

Галдан не стал настаивать. Во всяком случае, по каким-то причинам счел целесообразным для себя не делать этого и войны не начинать. Есть мнение, что уже в то время ''Галдан-хан ставил перед собой задачу объединить монголов различных районов Центральной Азии под своей властью и предотвратить надвигавшуюся цинскую угрозу. А это требовало мирных и дружеских отношений с русскими''[24]. Вряд ли у Галдана в 70-е годы XVII века была столь четкая программа действий. Просто он понял, что ясачная шкурка, даже соболья, не стоит того, чтобы овладение ею достигалось дорогой ценой — войной с сомнительным для него исходом.

Глава шестая

Время пришло для встречи
с ним,
Время пришло для сечи с ним.

''Джангариада''

В монгольской летописи ''Ойрод-ун Галдан Бошугту-каган-у теуке'' (''История ойратского Галдана Бошугту-кагана'') сказано: ''Несмотря на то, что он (Галдан.— *Е. К.*) уже имел намерение стать повелителем всех четырех ойратов и олетов, Вачирту-хан был еще пока верховным главой союза''[1]. Многие другие источники, не говоря о китайских, тоже приписывают Галдану честолюбие, стремление получить власть любой ценой. Возможно, даже в цитированной монгольской летописи сказывается влияние опытной китайской руки. Китайцы не скупились на нелестные характеристики врагов и аккуратно доверяли все свои чувства и помыслы бумаге и кисти. Именно от них многие сведения перешли в другие источники. А вот что писал о Галдане его главный враг император Сюань-е, правивший под девизом царствования Кан-си (по-маньчжурски Элхэ-тайфинь, по-монгольски Энхэ-амугулан): ''Явился из ойратов Галдан, человек от природы злой и лукавый, сперва снял головы со своих братьев, а потом прибрал к рукам всех ойратов и несколько соседних халхаских земель''[2].

Оставим пока в стороне нелестные характеристики Галдана и некоторые неумеренно лестные и обратимся к фактам, хотя сразу заметим, что фактов, особенно для первой половины активных лет деятельности Галдана, недостаточно, а их интерпретация зачастую может быть довольно произвольной.

Хутукта Галдан вмешался или был втянут в борьбу братьев за власть в Джунгарии. И то, что он, ханский

сын, оказался в круговороте событий, связанных с борьбой за власть, еще не говорит ни о его особом властолюбии или честолюбии, коварстве или лукавстве. Против Галдана свидетельствует только одно (то, что в первую очередь было отмечено и современниками): ради приобретения ханской власти он отказался от духовного сана. Как духовное лицо призванный к человеколюбию и обязанный заботиться о благе всех живых существ, он начинает с крови, с убийства единокровного брата. Отказ от сана хутукты был освящен высшим иерархом желтошапочной секты Гелугпа Далай-ламой V. Убийство же единокровного брата, умертвившего до этого родного брата Галдана, по тем временам — дело не столь уж необычное. Галдан какое-то время терпит племянника — прямого наследника престола, или, наоборот, может быть, племянник терпит дядю на престоле. Но, как говорят, двое седоков не могут одновременно держаться за повод одного коня. Они мешали друг другу. Временно Галдан оказался сильнее, и Цэван-Рабдану пришлось бежать в Турфан.

Итак, Галдан становится почти полновластным ханом Джунгарии. Его появление на ханском престоле еще не вызывает никаких отрицательных эмоций у маньчжурского императора Кан-си. Галдан шантажирует только русских. В Пекин он в 1672 году пишет письмо, в котором просит принять его посольство и сохранить отношения Китая и Джунгарии на прежних основаниях, 4 февраля 1673 года посол Галдана прибыл в Пекин, привез обычные подарки, традиционно именуемые китайцами ''данью'', и получил в ответ обычные дары. Все происходило по принятому ритуалу, и никого не возмущали ни сам Галдан, ни его поступки.

В том же 1673 году Галдан нападет на своего дядю Чохур-Убаши. Дядя, второй сын Хара-Хулы, брат Батура-хунтайчжи, был недоволен племянником и сам претендовал на власть. Он называл Галдана дома и за рубежом (откуда это и известно) расстригой-хутуктой

и не признавал его старшинства. Воспользовавшись поездкой Чохур-Убаши к святым местам в Тибет, Галдан разорил его улус. Чохур-Убаши нашел защиту и покровительство у алашаньского Очирту-хана (более полное имя Очирту-цэцэн-хан), который отныне чинил препятствия намерению Галдана стать главой ''четырех ойратов'' и сам считал себя ''верховным главой союза''. Немудрено, что вскоре тесть и бывший покровитель Галдана скрестил с ним оружие в борьбе за власть.

Весна 1677 года. Войска алашаньского Очирту-цэцэн-хана расположились дугой у западных отрогов Алашаньских гор. Концы этой дуги были направлены в сторону врага. Такой строй именовался ''лук-ключ'', ''строй дугой, охватом врага''. При этом предполагалось, что удар по врагу будет нанесен в одном месте. Лучи заходящего солнца осветили горные склоны. Светлые пятна голого серого камня чередовались с темными зарослями леса и кустарника, создавая пеструю картину. Не случайно эти горы с древности называли Пестрыми. Воины Галдана, утомленные походом, отдыхали перед грядущей битвой. Каждый воин

Чай сварил, навес над собой развернул,
И, раскрасневшись, как жимолость, воин
заснул
И на земле растянулся, как цельный ремень!

Спал и хан в своей обтянутой пестрым шелком юрте.

На рассвете, когда еще не поднялось высоко на востоке солнце (по замыслу Очирту-хана, оно должно было ослепить воинов зятя), Галдан держал совет со своими полководцами:

— О воины моих лесов, львы моих пустынь, стяги моих бойцов, щиты моих святынь! Кто из вас хорошо знает тот строй, которым расположил против нас Очирту-хан свои войска?

Поднялся один из нойонов:

— Великий хан! Вскормлен объедками вашими я,

вашим потом пропитанными грелся одеждами вашими я. Верно готов вам служить. Я знаю этот строй. Он называется ''лук-ключ''. И против такого строя, против ''лука-ключа'', хорош строй ''бычий рог''.

Совет согласился с мнением нойона. По приказу Галдана его войска в спешном порядке построились в шестьдесят одну позицию ''бычьего рога''. Цель такого строя состояла в том, чтобы, как бодающийся бык короткими, но сильными ударами справа и слева разорвать лукообразное построение противника.

Галдан обратился к своим воинам с речью:

— О задушевный шепот деревьев моих, вечно живая моя ключевая вода, топот коней моих, шум кочевий моих, острые мечи мои, крепкие копья мои, стрелы мои каленые! Тесть мой, Очирту-цэцэн-хан, задумав лишить меня ханской власти, поддержал против меня дядю моего Чохура. Словом своим он обесчестил меня, называя себя верховным ханом ойратов. Не мог я стерпеть таких оскорблений, и вот теперь пришло время расплаты. В бой, воины мои, опора и радость моя!

И еще до того, как солнце поднялось выше Алашаньских гор, отряды Галдана, упредив мощный удар противника, с правого и левого флангов ударили по строю воинов Очирту-хана. В воздухе засвистели стрелы:

Прянула, полетела, стрела,
Взвизгнула, засвистела стрела,
Белой груди достигла стрела!

Гул движущейся в атаку конницы заглушил все звуки вокруг. Поднятая мчавшимися конями пыль превратилась в темное облако, в котором потонули земля и небо. Воины Галдана с громкими криками врубались во фланги строя Очирту-цэцэн-хана. Полился проливной дождь стрел, загуляли пики по железным животам. Когда солнце поднялось выше Алашаньских гор, воины Галдана разорвали в клочья ''лук-ключ'' Очирту-хана. Противник дрогнул и обратился в бегство. Отступаю-

щих преследовали, забирали в плен, с убитых и пленных воинов срывали доспехи, отнимали оружие.

Был пленен и Очирту-цэцэн-хан, а также вся его семья. Галдану доложили о пленении хана и о том, что тот хочет поговорить с ним наедине. Галдан от встречи уклонился. Слова Очирту-хана: ''Над обессиленным человеком, видать, мышь и та госпожою готова стать!'', переданные Галдану, привели его в ярость, и он коротко приказал:

— Причепите хану позвоночник!

На языке древних монголов это означало обезглавить жертву.

Вдову Очирту-цэцэн-хана Дорчжи-Араптань, сестру (по другим данным, дочь) волжского калмыцкого Аюки-хана, Галдан с ее людьми отпустил к брату. В числе пленных Галдан увел в Джунгарию несколько тысяч семей тибетцев и монголов[3]. Часть знатных пленников, луков, стрел и доспехов он послал в том же 1677 году в Пекин в дар Кан-си. Кан-си подарков не принял под тем предлогом, что это люди и вещи, добытые не в праведном деле, однако отношений с Галданом не прервал и каких-либо иных осуждающих его действия слов не произнес.

Часть ойратов Очирту-цэцэн-хана бежала на Куку-нор, где приняла маньчжурское подданство. Сподвижники Очирту-хана Лубсан-Гомбо-Авдан и Батур-джинонг ушли в пределы Цин, в район сумэ Хаташан в Ордосе.

Разгром войск Очирту-цэцэн-хана, пленение дяди Чохура, находившегося в стане Очирту-хана, казнь их сторонников и самого хана расчистили Галдану путь к власти. В 1677 году он официально принимает титул хана, а не хунтайчжи, который имел его отец, и становится единовластным правителем почти всех ойратов Джунгарии. Прибывшие в Китай во второй половине 1677 года халха-монголы так оценивали силы Галдана: ''Галдан — могущественный представитель

северных ойратов. Войска и коней у него много. Если он поднимет войска, то внутренние земли (т. е. цинский Китай.— *Е К.*) будут поставлены в крайнюю необходимость очень серьезно увеличить свою оборону''[4].

Оставались еще две мощные группировки ойратов. Одна находилась далеко на Волге, была связана с Россией и не волновала Галдана. Послы Галдана в 1678 году привезли в Россию письмо от своего хана с предложением, чтобы ''пограничный соседственный союз держать и чтобы задоров на границах не было''[5]. Галдан хотел обезопасить свои северные и западные границы и готовился напасть на кукунорских ойратов и подчинить их. С кукунорцами его связывали узы родства. Кроме того, Галдан обосновывал свои притязания на земли Кукунора и тем, что его предок Докшин-нойон участвовал вместе с Гуши-ханом в завоевании Кукунора. Дочь одного из сыновей Гуши-хана была женой Галдана, а свою дочь последний выдал замуж за внука Гуши-хана.

Галдан известил цинские пограничные власти в лице Чжан Юна, что он имеет право на получение наследственной части в кукунорских владениях ойратов. Цинские власти предложили хошоутскому правителю Кукунора Далай-Батур-тайчжи организовать оборону его владений, укрепили свои пограничные гарнизоны и, внешне не возражая притязаниям Галдана и даже как будто не мешая ему идти на Кукунор (вряд ли, как это встречается, правомерно трактовать действия цинских властей как то, что ''Цины в 1678 г. готовы были отдать в жертву Галдану кукунорских ойратов, лишь бы он не нарушил границ Цинской империи''[6]), дали всеми своими действиями понять, что второго Алашаня не будет.

Галдан готовился к походу. По данным цинской администрации на 8-й месяц (16 октября — 15 ноября) 1678 года, полученным от перебежчиков, ойратов Очирту-цэцэн-хана, он во 2-м месяце этого года (21 февраля

— 22 марта) приказал своим подданным: ''богатым каждому приготовить по 10 коней, 3 верблюда и 10 овец, а бедным — по 5 коней, 1 верблюду и 5 овец и поднял свои войска, которые двинулись в неизвестном направлении''[7].

Судя по всему, Галдан действительно двинулся на Кукунор, но после одиннадцатидневного похода вернулся с полдороги назад[8]. Это была первая крупная осечка на пути задуманного объединения ойратов. Галдан спасовал. Можно только гадать, что принес бы ему этот поход. Скорее всего, он был бы разбит цинскими войсками почти на 20 лет раньше, хотя, вероятно, без таких трагических последствий лично для себя самого, то есть сохранил бы свою жизнь и ханский престол Джунгарии. Ясно одно, сами ойраты дали понять Галдану, что ему ханом всех ойратов не бывать. По данным цинских источников, Галдан потому и вернулся из похода, что опасался восстаний в своем тылу. Тибетцы Ганьсу, платившие налоги еще Сэнгэ и связанные с Джунгарией, сообщили китайским властям: ''Галдан имел намерение напасть на Кукунор, но поскольку мнения его людей по этому вопросу были не едины, дорога на Кукунор дальняя и было опасение, что как только поход начнется, в их собственных владениях могут оказаться дела, он не осмелился поднять войска''[9]. В Джунгарии сидел Цэван-Рабдан, хотя еще и не активный враг, но решительный недруг, ждавший своего часа. Ойратские ханы Кукунора совершенно не имели намерения объединяться с Галданом и подтвердили это всей своей последующей политикой. Выдающийся монголовед В. Л. Котвич в своих лекциях по истории Монголии справедливо подчеркивал, что как раз со времени воцарения Галдана ''связь между отдельными частями ойратов становилась все слабее и слабее''[10]. К сожалению, как бы ни хотелось сейчас найти доказательство обратного, даже перед лицом маньчжур-

ской опасности ойратское единство, как, впрочем, и монгольское, было исторически нереально.

И, наконец, возможно, самым важным для биографии Галдана и событий той далекой поры последствием разгрома Очирту-хана было чисто символическое вмешательство в дела ойратов халхаского тушэту-хана Чихунь-Дорчжи. Тушэту-хан находился в двойном родстве с ойратским алашаньским Очирту-цэцэн-ханом. Вышеупомянутая жена Очирту-хана — дочь (или сестра) Аюки-хана — являлась к тому же и родной сестрой бабушки Чихунь-Дорчжи, а дочь последнего была замужем за Лубсан-Гомбо-Авданом — племянником Очирту-цэцэн-хана. Очирту-хан попросил помощи у тушэту-хана против Галдана. Чихунь-Дорчжи не послал свои войска и не участвовал в сражении на стороне Очирту-хана, но, видимо, в 1678 году для защиты сестры своей бабушки (вдовы Очирту-хана) выслал отряд в 300 человек. Вдова Очирту-хана уже благополучно откочевала на Волгу, беспрепятственно пройдя Джунгарию. Командир отряда Сэрэн-Даши ограничился тем, что ограбил караван Галдана, направлявшийся в Китай. Однако этот мелкий эпизод положил начало вражде Галдана с тушэту-ханом, сыгравшей такую роковую роль в судьбе Монголии.

Глава седьмая

Вторгнемся в Туркестан и разорим поля туркестанские.

"Лунный свет"

Аппак (или Афак)-ходжа прибыл в ставку Галдана на Алтай весной 1679 года. Хотя уже давно миновали те мрачные дни в Кашгаре, когда ходжа истинно правоверных белогорцев был вынужден бежать, изгнанный неверными черногорцами ходжи Исмаила, и была позади безумно трудная дорога через горы и каменистые пустыни Западного Тибета в Лхасу, Аппак не переставал удивляться тому, что всемогущий Аллах даровал ему силы проделать такой путь — почти кольцо, снова из Лхасы через Восточный Тибет на Кукунор, а оттуда на Алтай, к северу от милой родины — славного и могущественного Кашгара, находившегося в руках у отступников от истинной веры, завещанной пророком.

Галдан принял Аппака в белой войлочной юрте хана-кочевника, отделанной дорогим китайским и маргеланским шелком. Хан восседал на позолоченном низком деревянном троне с восемью ножками, устланном шелковыми пуховыми подушками. Аппак-ходжа, в чалме, в шелковом черном халате, низко поклонился повелителю неверных калмаков. Это же сделали и два его спутника. Подали кумыс, чай по-ойратски, с молоком и маслом. Аппак потягивал прохладный кумыс из большой фарфоровой чаши — кэсэ и думал, пока не о деле, которое привело его сюда, а о том, как отказаться от чая. Его заранее мутило от одной мысли, что ему придется пить это пойло, непонятно почему именуемое чаем. Он достаточно нахлебался его во время тяжких скитаний по стране идолопоклонников — Тибету. Галдан же, хотя прекрасно знал, с кем имеет дело, через переводчика спросил:

— Скажи, почтенный, где твоя великая родина?

— Моя родина Кашгар, великий хан,— ответил Аппак и снова низко поклонился.

— Как твое славное имя?

— Аппак-ходжа.

— К кому у тебя нужда-устремленье, куда направлены твои далекие-дальние помыслы?

— Нужда моя направлена к тебе, о великий хан, да ниспошлет Аллах благодать и радость на тебя и твой народ! А далекие-дальние, как ты изволишь мудро выразиться, устремления мои изложены в этом письме, которое прислал со мной тебе великий Далай-лама, да будет благословенно имя и дело его!

Аппак-ходжа запустил руку за пазуху и вынул из прочного сафьянового мешочка письмо, написанное черной тушью на белой китайской бумаге квадратными буквами тибетцев. Хан взял письмо, благоговейно приложил его ко лбу и стал читать. Для Аппака-ходжи наступил решающий момент. Все ли написал Далай-лама Галдану, о чем просил его Аппак? Или написал что-то иное, страшное, сулящее беду?

Галдан быстро пробежал глазами обычные приветствия и благословление. А вот и главное: ''Хан! Аппак — великая личность, которую Исмаил изгнал из Кашгара. Вам надлежит послать войска, чтобы восстановить его положение!''[1] Галдан возликовал. Что касается ''надлежит'', это он решит сам, а так это письмо — благое знамение всех будд, бодисатв и докшитов — хранителей веры. Рукою Далай-ламы в лице этого ходжи послан тот самый предлог для похода на Кашгар, который он, Галдан, после отказа от завоевания Кукунора столь тщательно искал! Необходимо было поправить дела, а для этого существовал испытанный способ предков: забрать у другого то, чего не хватает тебе. Как говаривал ему в детстве дядька: ''Вырос он, убивая тех, у кого есть кровь, уводя тех, у кого есть повод-чумбур. Удовлетворял он свою охоту, побивая всех мужей, удовлетворял

он свое желание, похищая жен!" Хан не выдал своей радости, не сообщил, что войско давно готово к походу. Он только сказал:

— Я подумаю.

Прочтя на лице Аппака-ходжи недоумение и поняв, что тот не знает подлинного содержания письма, а лишь догадывается о нем, Галдан добавил:

— Подумаю, как помочь осуществлению ваших далеких-дальних замыслов, ходжа!

Прием завершился пиром, во время которого о деле не говорили. Хан подробно расспрашивал ходжу о Далай-ламе, его здоровье, интересовался оказанным ходже в Лхасе приемом, городом и завершающейся постройкой дворца далай-лам. Аппак решил тоже о деле больше не говорить, а положиться во всем на милость Аллаха.

Через несколько дней Галдан снова пригласил Аппака к себе. На этот раз посмотреть борьбу. На лужайке сошлись два борца и стали спрашивать друг друга:

— Чем мы будем биться? Оружием, сделанным мастерами, или будем биться-меряться силами плечей-лопаток?

— Если будем биться оружием, то скажут, что обрели победу превосходством вооружения. Схватимся, померяемся силою плечей-лопаток!

Борцы скинули халаты и стали натягивать на толстые ляжки красные кожаные штаны, как пояснил Аппаку переводчик, сшитые из кожи быка или оленя. Они долго, тщательно расправляли штаны, чтобы они плотно облегали тело. Серебряными пряжками был подтянут и завязан крепким узлом из разноцветного шелка-сырца витой пояс. Борцы сняли серьги, подобрали над ушами косички волос, связав их в узел, а затем пошли шагом борцов, распластав руки, кружа, как ястребы, прыгая, как журавли. Они приседали и качались, шли, нагибаясь, как быки, выставляя вперед лица, как верблюды морды. Наконец, они вытянулись, схватили друг

друга за кисти рук, начали бороться, стараясь повалить на землю, опрокинуть на спину.

Галдан, разгоряченный водкой, с увлечением наблюдал за борьбой. Когда, наконец, одному из борцов удалось повалить противника на спину и лопатки того коснулись земли, а колено победителя уперлось в грудь побежденного, Галдан, неожиданно повернувшись к Аппаку-ходже, вдруг совершенно трезво взглянул ему в глаза и сказал:

— Вот так же я поступлю с Исмаилом-ходжой.

В последний день последнего весеннего месяца (7 июня?) войско ойратов выступило в поход на Кашгар и Яркенд.

Аппак, который должен был находиться в свите хана среди его нойонов, стал свидетелем сцены отправления калмакского хана в поход. Старый нойон, из числа близких к хану, открыл белый с львами сундук и достал оттуда бледно-синий серебряный шлем. Боковые стороны шлема украшали звезды, на его козырьке были выбиты солнце и луна. Косу хана прибрали. Он надел шлем на свою голову, сдвинув его чуть к правой брови. Старец достал черную бронзовую кольчугу и показал собравшимся. На вороте кольчуги были изображены в смертельной схватке слон и лев, часть кольчуги, прикрывающая живот, украшала священная птица идолопоклонников Гаруда, на части, прикрывающей горло, находилось изображение Хоншима-бодисатвы, а на плечах — богини Дара-Эке. На спине и подоле были видны какие-то джины, как пояснил переводчик, на спине помещен ужасный черный мангус вниз головой, а на подоле — все вредоносные вниз головой. С помощью слуг Галдан натянул на себя эту кольчугу. Старик подал хану стрелы.

— Тридцать белых стрел,— заметил переводчик,— а главная стрела — самая быстрая, бешеная. Дорогие перья на них, позолоченные у них развилинки, синие стальные наконечники, а древки из легкого дерева.

Старый нойон подал хану лук. На крыльях его были вырезаны бодающиеся баран и козел.

— Тугой лук,— сказал переводчик,— обшивка на нем из жил лихих коней, внутренняя сторона обложена рогом.

Хан вложил лук в колчан. Нойон поднял перед собравшимися меч.

— Черный стальной меч,— пояснил переводчик,— много кузнецов ковали его. Дэрбэтский кузнец отбивал его на наковальне, китайский сделал узоры-линии, русский искусно обработал меч, непальский высек мелкие узоры, халхаский — кружочки. Острие у него из стали, резьба из черного серебра, рукоять из яшмы.

Старик со звоном вложил меч в дорогие, отделанные золотом ножны и подал хану. Хан, приняв меч, привязал его за спину.

Последней подали хану красную пику с острием из каленого железа, украшенную красной кистью со значком из хорьковой шкурки.

Наконец, Галдану подвели коня. Взяв его одной рукой под уздцы, другой нежно поглаживая по спине, хан сказал:

— Против великого врага-неприятеля может он быть подвершным конем, для одинокого тела моего сможет он стать подмогой-помощью, в далекой чужой стороне будет он моим носителем, для милого одиноким рожденного тела моего будет он другом-товарищем!

Галдан, не касаясь стремени, легко взлетел в седло, и по его сигналу войско тронулось в путь. Аппак-ходжа особо отметил несколько пушек на верблюдах и отряд стрелков, вооружённых ружьями.

У ойратов издавна установились контакты с Восточным Туркестаном — государством моголов. Какая-то небольшая часть ойратов даже служила могольским ханам, приняв ислам[2]. Ойратов, служивших ханам Яркенда и занимавших высокие посты в государстве моголов, называли карачичук. В середине XVII века

политика ойратов по отношению к моголам резко изменилась. Абдалла-хан, выступивший в 1660 году против ойратов, потерпел поражение. В 1665 году ойраты атаковали Керн, Чалыш, Аксу и Кашгар, и в 1668 году Абдалла-хан был вынужден покинуть Яркенд и бежать в Индию. Ойратские правители Сэнгэ и Элдан-тайчжи имели своих ставленников на яркендский престол. Ставленником первого был Иолбарс-хан, второго — Исмаил-ходжа. Победил Иолбарс-хан, который и стал править в Кашгаре и Яркенде. Однако Элдану-тайчжи все же удалось сделать Исмаила-ходжу правителем Аксу, а тот начал войну с Иолбарсом-ханом. Ойраты, состоявшие на службе у Иолбарса-хана, подняли восстание, и Исмаил в апреле 1670 года утвердился в Яркенде. Аппак-ходжа вступил в конфликт с Исмаилом и был вынужден бежать от преследований хана в Тибет. Несколько позднее ойраты лишили Исмаила власти.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Галдан решает полностью подчинить Восточный Туркестан. Подробности и даже хронология походов ойратов на Восточный Туркестан мало изучены. По китайским данным, Галдан в 7-м месяце (6 августа — 4 сентября) атаковал Турфан, а в течение лета 1679 года дважды совершал поход на мусульман. Как указывает исследовавший эту тему О. Ф. Акимушкин, с 1679 по 1685 год Галдан-хан по крайней мере четыре раза воевал против государства моголов[3]. Из свидетельств различных источников создается такое впечатление, что в 1679—1680 годах Галдан подчинил Кашгар и Яркенд, в 1681 году предпринял поход на Сайрам, после 1681 года подчинил Турфан и Хами, в 1680—1681 годах воевал с казахами, а в 1686 году организовал новый поход против казахов. В. Л. Котвич освещал эти события следующим образом: ''В это время в Восточном Туркестане на религиозной почве возникло движение — столкнулись две секты. Одна из сторон обратилась за помощью к Галдану. Он

с большой готовностью эту помощь оказал, и в результате этого в 1680 г. Галдан завладел всем Восточным Туркестаном. По традиции, завещанной еще Чингисханом, в завоеванном Туркестане Галдан оставил прежние порядок и управление, посадил во главе края своего наместника с отрядом войск, подчинил он также и киргиз''[4].

Ойраты, завоевав Восточный Туркестан, сделали своей опорой местных ходжей, не изменив действовавшей ранее административной системы, а лишь сохранив за собой контроль над ее деятельностью. ''Всякая тяжба между елетским и хотанским народом (бухарцами, должна быть в точности исследована. Мы даруем сему союзному с нами поколению его права как сродникам нашим. Все бухарские хотаны должны иметь суд собственно между собою, но важнейшие дела следует решать нам''[5]. Таким образом, ойраты рассматривали жителей Восточного Туркестана (разумеется, в первую очередь местную знать) как своих союзников и даже родственников, за которыми тем не менее нужен глаз Все население Восточного Туркестана было обложено данью из расчета одна танга с души в год.

Что касается целей и последствий завоевания Галданом Восточного Туркестана, то в их оценке тоже нет единого мнения. И. Я. Златкин считает, что противоречия между ойратами и правителями Восточного Туркестана были основными во внешней политике ойратов, тогда как ойратско-халхаские — второстепенными[6]. Завоевание Галдана стало как бы завершением этой давней борьбы. Ш. Чимитдорджиев, утверждая, что уже в то время острие политики Галдана было направлено на восток, против Цин, считает, что Галдан завоевал Восточный Туркестан для обеспечения своих тылов[7] Думается, что обе точки зрения отражают крайние, а потому неточные оценки позиции Галдана. Галдан не вёл какой-то особой западной политики, да и весь имеющийся в распоряжении науки материал не позво-

ляет утверждать, что ойраты противоречия с Восточным Туркестаном относили к главным, а поход Галдана воспринимали чуть ли не как исполнение миссии, завещанной дедами. Туркестан можно было завоевать, и Галдан завоевал его. Эта акция имела самостоятельное значение.

Не отрицая того, что успех Галдана позволил ему более спокойно обратиться к делам на востоке (хотя, например, он так и не ликвидировал враждебного ему владения своего племянника Цэван-Рабдана), учитывая в известной мере одновременность действий Галдана на востоке и западе и отсутствие сведений о четкой заданности его поступков, мы полагаем, что мнение Ш. Чимитдорджиева отражает другую крайность. Мы не знаем, какое значение придавал Галдан завоеванию Восточного Туркестана в связи с распрей с Цэван-Рабданом, имевшим там свой интерес и свое влияние. Ясно одно: Цэван-Рабдан не желал усиления Галдана. Именно в это время Цэван-Рабдан пытался вступить в союз с цинским Китаем, ''имея надежду убить''[8] Галдана, но получил афронт. Очевидно и то, что цинский двор пока не видел в Галдане врага номер один, а Галдан, как нам думается, еще не строил далеко идущих планов для борьбы с маньчжурской династией и не создавал сознательно базу для такой борьбы.

Объективно, как мы увидим, Восточный Туркестан не только не стал опорой Галдана в его борьбе с цинским Китаем, а наоборот, попав в руки Цэван-Рабдана, стал территорией, которая позволила последнему завладеть Джунгарией.

* * *

Галдан вернулся из похода победоносным и победившим. В широкой долине на берегу быстрой речки раскинулась ханская ставка. Проворные шабинары сняли с верблюдов священные алтари, сопровождавшие

хана в походе, золотые Ганджур и Данджур, воздвигли храмы — ступы и положили туда Ганджур и Данджур. Затем нойоны разместили на свободных местах бесчисленных подданных и скот четырех видов. Хороша была ханская юрта-дворец в 80 решеток. Юрты обнесли забором с резьбой, за оградой расположились цахары, жилища слуг, к югу от ставки — хурулы, буддийские святыни.

Хан в исподнем лежал на мягком войлоке, поодаль сидел Шара-Бодон, Желтый витязь, помощник хана. Оба после еды и арзы слегка опьянели, как говорили, ''оказались на прохладном красном рыжке''. Шара-Бодон не в первый раз вел с ханом беседу о победе и новом титуле для Галдана:

— Хан, ты победил и истребил врагов. Отныне, чтобы зажили мы счастливо, чтобы не было над нами воюющего врага-неприятеля, чтобы процветал наш народ — да не будет над нами зим, а все лето, не будет смертей, да станут все вечными, не будет весен, а все осени, не будет нам старой травы, а все свежая мурава, да будут покойны наши мысли, а сосуды полны и пусть вместе с радостью победы возвратятся счастье и святость, пусть все наши люди вечно наслаждаются — ты, хан, должен принять новый титул!

— Какой? Я и так прозываюсь ханом. Да и к кому обращаться за титулом? В Китай? Богдыхан дает титул вана, но разве этот титул выше ханского? Да и не хочу я титула от богдыхана!

— Новый титул, хан, должен быть освящен святостью нашей желтой веры!

— Просить титул у Далай-ламы?

— Зачем просить? Пусть прибудет гонец из Тибета с грамотой на титул. Без нового титула будет трудно вершить большие дела, хан!

Галдан внимательно посмотрел на Шара-Бодона. Слишком хитер и умен помощник, прямо читает его мысли, как раскрытую книгу.

— Я поручаю это дело тебе, Шара-Бодон.
— Повинуюсь, хан.

Через два месяца в ханскую ставку на взмыленном коне прискакал покрытый пылью гонец с известием, что к великому хану Галдану направляется из священного Тибета посол Далай-ламы с грамотой на титул. Посла пышно принимали и угощали. Развернули грамоту Далай-ламы, писанную тибетскими буквами на дорогой бумаге, оправленной пестрым шелком. В грамоте говорилось, что отныне Галдану дарован титул Бошокту-хана — ''хана, облеченного полномочиями''[9]. И состоялся большой пир. Хана по традиции молодые сильные воины поднимали на белом войлоке. Лились реки арзы, ликовал хан. Отныне все его действия были освящены святостью веры, он через посредство Далай-ламы получил полномочия от тех, от кого зависели судьбы этого мира.

Принятие Галданом титула Бошокту-хана — тоже темное место в его биографии. Одни источники уверяют, что он получил этот титул еще будучи в Тибете, другие — что принял этот титул в 1671 году после расправы с братьями, сразу после прихода к власти, третьи утверждают, что это случилось в 1678 году после победы над Очирту-ханом, когда Галдан ''сам принял титул Бошокту-хана, после чего заставил своих ойратов принимать его власть и действовать по его приказанию''[10], четвертые связывают это событие с победами Галдана в Восточном Туркестане. Ханэда Акира полагает, что это произошло в сентябре 1679 года после подчинения Галданом Хами и Турфана[11]. Эту же дату называет и Ш. Чимитдорджиев: ''В 1679 г. Далай-лама пожаловал Галдану титул бошигт-хана (благословенного правителя), объявив, что он по божественному благословению стал ханом (бурхан тэнгрийн бошгоор хаан болсон)''[12]. А. М. Позднеев тоже связывал получение Галданом титула с его победами в Восточном Туркестане: ''Пошел в Восточный Туркестан и завоевал его. За это получил от Далай-ламы титул Бошокту''[13]. Наконец, Н. Я. Бичурин писал, что Галдан получил

титул за победы над Очирту-ханом и завоевание Восточного Туркестана: ''За сии военные подвиги Галдан почтен от Далай-ламы титулом Бошокту (благословенный), о чем известил он китайский двор через... посольство''[14]. Китайцы получили известие о принятии Галданом титула Бошокту в 9-м месяце (5 октября — 2 ноября) 1679 года. ''Галдан-тайчжи с помощью Далай-ламы стал Бошокту-ханом, послал послов с дарами''[15]. По докладу управления внешних сношений Цин (лифаньюаня) прибывшее от Галдана посольство заявило, что ''Далай-лама возвысил Галдана-тайчжи и дал ему титул Бошокту-хана''[16].

Как видим, не совсем ясно, когда Галдан принял или получил титул Бошокту-хана. Допустим, что это произошло летом 1679 года (или на год-два позже) после побед в Восточном Туркестане. Неясно и другое — как Галдан стал обладателем этого титула. Часть источников утверждает, что титул Бошокту Галдан присвоил себе сам, часть — что он был дарован ему Далай-ламой V из Тибета. Эта версия поддерживается тибетскими источниками, биографией самого Далай-ламы. ''30 июня 1678 г. Далай-лама отправил посла к Галдану и даровал ему титул Галдан Палдзин Бошогту-хан — ''Галдан — опора учения''[17]. В то же время, как видно из китайских источников, цинский двор получил сведения о новом титуле Галдана не из Тибета, а от самого хана. Наконец, М. Куран высказал мысль, что титул Бошокту-хана устроил Галдану по старой дружбе регент Тибета Санджай-Джамцо[18]. Наличие этой путаницы позволило в свое время В. Л. Котвичу весьма справедливо предположить, что Галдан попросту ''присвоил себе звание Бошокту-хана, пользуясь своей личной связью с Далай-ламой''[19]. Не исключено, что так оно и было. Ибо такую версию сообщает и монгольский источник ''Эрдэнийн-Эрихэ'': ''Между тем Галдан, по происхождению олот, с малолетства приняв духовное звание и отделившись, отправился под покровительство

к Далай-ламе. Впоследствии он возвратился к Чжунгарским олотам и обманом заставил расславить, будто бы Далай-лама дал ему титул Бошокту-хана''[20].

Цель присвоения титула не вызывает сомнений: Галдан хотел этим укрепить свою власть и свои притязания, но состояние изученности получения им титула вряд ли позволяет делать столь категорический вывод, какой наличествует в книге И. Я. Златкина: ''Этот факт служит еще одним подтверждением совершенно особых отношений, существовавших между церковью и Галданом, который фактически выступал в роли представителя интересов влиятельных лиц, окружавших Далай-ламу''[21]. Трудно поверить, что в 1679 году Галдан действовал просто как ''представитель влиятельных лиц, окружавших Далай-ламу''.

Где-то в это же время Галдан отпустил из плена алтын-хана Лубсана. Алтын-хан появляется в русских пределах и предлагает красноярскому воеводе ''воевать киргиз''[22]. По китайской информации, Галдан продержал алтын-хана в ойратском плену 9 лет, после чего отправил его к цзасакту-хану[23]. В 8-м месяце (24 августа — 23 сентября) 1680 года он присылает подарки цинскому двору.

Еще в 10-м месяце (3 ноября — 3 декабря) Кан-си отправил Галдану депешу, в которой обращался к нему за помощью в поимке Эрдэни-Хошоци, ойратского тайчжи, бывшего подданного дяди Галдана Чохур-Убаши. После разгрома Чохур-Убаши Галданом Эрдэни-Хошоци бежал из Джунгарии вместе с внуком Чохур-Убаши. Тяжко голодая в пути, они ограбили урутов — подданных Цин. Галдан ловить Эрдэни-Хошоци отказался. В последующие годы этот вопрос довольно долго дебатировался между Галданом и цинским двором. Галдан каждый раз отказывался принять участие в поимке Эрдэни-Хошоци, ссылаясь на то, что он не его подданный[24].

Думая о единой и могущественной Джунгарии, Гал-

дан не мог позволить себе выступить в качестве ревностного исполнителя воли императора Китая, готового по первому указанию из Пекина повернуть свое оружие против соплеменника. Отказавшись ранее от похода на Кукунор и, видимо, к началу 80-х годов отчетливо понимая, что объединение всех ойратов нереально, Галдан не мог не сознавать того, что Джунгарское государство нуждалось в поддержке ойратских объединений, находившихся за пределами Джунгарии. Даже мнение ханов волжских ойратов (калмыков), благодаря имеющимся брачным и родственным узам, могло иметь значение при обсуждении и решении ряда проблем внутриойратских отношений. Позиция же географически более близких соплеменников и сородичей, особенно тех из них, которые раньше и теснее были связаны с Китаем и Тибетом, могла оказать существенное влияние как на положение джунгарского хана в ойратском и, шире, монгольском мире (одобрение или неодобрение его политики и в Джунгарии и за ее пределами), так и во взаимоотношениях джунгарского хана с цинским двором и правительством Тибета. Сильный и раболепно исполняющий приказы богдыхана джунгарский хан не только не вызвал бы симпатии кукунорских ойратов, он был бы опасен для них, а тем более не мог рассчитывать на поддержку из Лхасы, борющейся за упрочение положения Тибета, в том числе и путем поиска союзников за ее пределами, перед лицом реальных поползновений цинского Китая на ее независимость. Поэтому имея все основания ловить Эрдэни-Хошоци как беглого джунгарского тайчжи, Галдан заявил, что это не его подданный, и не стал участвовать в преследовании своего недавнего врага.

Глава восьмая

Уж ветер стелется, уже земля
в росе,
Уж скоро звездная в небе
застынет вьюга,
И под землею скоро уснем
мы все,
Кто на земле не давал уснуть
друг другу.

М. Цветаева

Мы переходим к решающим годам в жизни Галдана, к тем событиям, которые вписали его имя в историю Азии на века, к политике Галдана в Халхе, к его столкновению с цинским Китаем и гибели, итогом чего явилось присоединение Халхи к Китаю. Оценки историков, писавших об этой стороне деятельности Галдана,— самые противоречивые. И. Я. Златкин считал его ставленником Лхасы[1], лицом, в конечном счете не проводившем самостоятельной политики. А. М. Позднеев и Г. Е. Грумм-Гржимайло — агрессором, получившим по заслугам[2], Ш. Нацагдордж, Д. Гонгор, Ш. Чимитдорджиев — борцом за свободу и независимость монголов[3].

Вспомним то, что послужило для Галдана поводом к вмешательству в дела Халхи. Часть людей цзасакту-хана бежала из-за внутренних распрей в его владения. Бежали они к тушэту-хану. Цзасакту-хан Цэнгунь начал из-за этих людей тяжбу с тушэту-ханом Чихунь-Дорджи. Но Чихунь-Дорджи людей не отдавал. Цзасакту-хан жаловался на тушэту-хана маньчжурскому императору, писал Кан-си, что ''Чихунь-Дорджи забрал его подданных, беглых людей и угнетает''. Эта ссора из-за подданных налогоплательщиков и вызвала вражду между цзасакту-ханом и тушэту-ханом. Галдан принял или счел для себя выгодным принять сторону цзасакту-хана. После разгрома Очирту-цэцэн-хана, которого, как

мы знаем, поддерживал его родственник тушэту-хан, у Галдана были вполне реальные основания недолюбливать последнего. Хотел ли Галдан только ослабить тушэту-хану за счет усиления дружественного соседа цзасакту-хана или это с самого начала было вмешательством в дела Халхи с дальним прицелом подчинить Халху, которой уже угрожало подчинение цинскому Китаю, на этот вопрос ответить трудно. Скорее логика вмешательства в дела Халхи столкнула Галдана с цинским Китаем, и это столкновение оказалось гибельным для него и роковым для халха-монголов. Можно ли видеть в действиях Галдана осознание внешней опасности со стороны маньчжурского Китая для монгольского мира вообще? На это трудно ответить, а тем более доказать с фактами в руках, хотя такое мнение и преобладает. ''Галдан,— пишет Ш. Чимитдорджиев,— выдвинул лозунг объединения монголов перед лицом внешней опасности, в котором бы он играл ведущую роль''[4]. Х. Ховорс приводит сведения том, что в одном из своих писем южномонгольским князьям Галдан прямо говорит о необходимости воссоединения всей Монголии[5]. В одной монгольской рукописи без названия автор ее вкладывает в уста молодого Галдана такие слова: ''Ведь придут же они и в Джунгарию. Придется воевать с Кан-си!''[6]. Но где гарантии, что это не поздняя интерполяция, не трактовка событий постфактум.

А вот как изображали начало конфликта еще по горячим следам сами цинские власти: ''Император высочайше управляет десятью тысячами государств и владений, является для них центром и государем всех народов, живущих во внешних пределах. Его благая сила, обладающая способностью просвещать с помощью изящной словесности, рождается в изобилии, его воинские подвиги велики и самоочевидны, он человеколюбив, заботлив, беспристрастен и справедлив. Самые отдаленные области завершили преобразования в направлении приобщения к цивилизации, его

наставления достигли самых глухих окраин. Вся вселенная живет в мире и согласии... и внутри и вне нет ни одного народа, который не служил бы ему в качестве его подданного, нет неподчинившихся государств. Только ойратский Галдан, жалкий, презренный неудачник, сопротивлялся преобразованию в направлении приобщения к цивилизации центра и установлению контактов. Опираясь на свои отдаленные, опасные и заброшенные земли, он обучался войне и в течение двадцати с лишним лет коварно совершал грабительские набеги. Нападая, он отгрызал города и крепости от всех близлежащих государств запада и захватил почти все. В его землях простираются большие песчаные и каменистые пустыни, где нет ни воды, ни растительности — унылая пустыня и тощие пески, так что нет возможности даже попытаться провести границы. Его люди жестоки и свирепы, мужественны и дерзки, они не знают ни правил приличного поведения, ни справедливости, попирают все правила ведения дел и возмущаются против всякого порядка. И невозможно милостями от них добиться веры и доверия. Когда они сыты, они надменны и гордо надуваются, как парус, когда они голодны, они разнузданы и, созывая друг друга криком и свистом, сбиваются в шайки, не живут постоянно на одном месте и вечно переселяются то туда, то сюда, поглощая соседние владения и не зная в этом обжорстве насыщения. Вот так они и навлекли беды на подчиненные нам племена Халхи. Нападали на их владения, грабили людей, угоняли скот. Причиненный ими вред вызвал приток обездоленных и бездомных людей на границы. Учитывая, что замыслы (Галдана.— *Е. К.*) были надменны и терпению пришел конец, наш император, чья любовь к людям подобна любви к ним со стороны неба и земли, не стерпел и поднял свои войска в поход!"[7].

Такова китайская версия.

Некоторые исследователи хотели бы видеть в Галдане нового Чингис-хана, способного объединить Монго-

лию и всех монголов против Китая. Французский историк Морис Куран, который даже дал своему исследованию подзаголовок ''Империя маньчжуров или империя калмыков?'', называет Джунгарское государство Желтой империей[8]. Действительно, в ''Цин ши лу'' есть сведения о том, что регент Тибета Санджай-Джамцо объявил, что он считает ойратов главными защитниками ''желтого учения''[9]. Но это китайская информация. И если даже Санджай-Джамцо в той обстановке конца XVII века, которая стала угрожающей для Тибета, делал такие заявления, реально исторически вопрос так никогда не стоял. Правильно отмечает М. Куран, что ''с этого дня (с победы в Восточном Туркестане.— *Е. К.*) и до конца своей жизни он (Галдан.— *Е. К.*) развернул лихорадочную деятельность как полководец, как дипломат, ведущий переговоры. В Монголии он защищает права цзасакту-хана и Далай-ламы против тушэту-хана. С казахами он воюет и властвует над ними. Перед узбеками он рассыпается в своих симпатиях к исламу. Он получает поддержку от киргизов Иссык-Куля''[10].

''Стремление Галдана,— пишет Ш. Чимитдоржиев,— подчинить Халху не являлось новой для ойратов политикой. Это было политикой объединения всей Монголии под эгидой ойратской феодальной аристократии, проводимой со времени падения юаньской династии''[11]. Нам представляется, что Галдан, который ко времени активизации своей политики в Халхе даже не объединил всех ойратов (мы не принимаем во внимание калмыков Поволжья и кукунорских ойратов. Чего стоил один Цэван-Рабдан — представитель того же правящего чоросского рода, который имел владения по соседству с Галданом и не зависел от последнего), думал лишь об упрочении и утверждении своей власти в Джунгарии. Естественно, он заботился об упрочении безопасности и расширении своих восточных границ, поэтому и вмешался в дела Халхи, возможное подчинение которой

Китаю не могло его не беспокоить. Логика развития событий толкнула его на конфликт с цинским Китаем. Последнее было неизбежным. Но можно быть уверенным, что еще в начале 80-х годов XVII века Галдан не придавал делам в Халхе столь решающего значения хотя бы потому, что он вел их параллельно с войнами в Восточном Туркестане. Галдан был умело втянут цинским правительством в дела Халхи, а это уже совсем другой оборот событий.

На рубеже 70—80-х годов Галдан, по-видимому, провел некоторые административные реформы. Он упрочил военно-административную, десятиричную в своей основе, структуру Джунгарского ханства. Низовой административной единицей стали десять семей, возглавлял каждую старший. Эти десятки объединялись в отоки, отоки — в аймаки. Но суть всех этих преобразований заключалась в другом — в тотальном закрепощении населения Джунгарии. Отныне категорически запрещалось любому человеку менять место жительства, а людей, никуда не приписанных, ''ходящих по чужим хошунам и между собою смешавшихся'', не должно было быть. Таких людей следовало ''собирать и возвращать в их отоки и аймаки''[12]. Эти реформы свидетельствовали прежде всего о стремлении к более эффективной эксплуатации населения.

В 1680—1682 годах вмешательства Галдана в дела Халхи носили чисто эпизодический характер. Где-то в эти годы цзасакту-хан поссорился с хотохойтским алтын-ханом Лубсаном. Сын цзасакту-хана Шара напал на Лубсана и взял его под арест. Лубсан бежал к Галдану, и тот, возможно, даже военной силой помог ему вернуть людей и имущество. Таким образом, один из первых шагов Галдана в Халхе был сделан не за, а против цзасакту-хана. В эти же годы сайн-нойон Даньцзинь-Эрдэни сообщал маньчжурскому двору о нападениях Галдана на Халху и о ''небрежном отношении к этим нападениям халхаских князей''[13]. По данным

одной бурятской летописи, на которую ссылается А. М. Позднеев, вторжение войск Галдана в Халху произошло где-то до 1683—1684 годов: ''Ашабагатские тайчжи, жившие тогда своим родом между Алтаем и Хангаем, сделали нападение на два отряда'' войск Галдана и ''подстрекали соплеменных им халхаских тайчжиев восстать против общего врага, но все их усилия оказались тщетны. Изнуривши своих лошадей и истомившись, возвратились они в свой нутук, и, видя отсутствие всякой солидарности в действиях своих сородичей, решили отделиться от них. По весне 1684 г. они собрали свой родовой сейм и определили на нем перейти в русское подданство, что и было исполнено ими в том же году''[14].

Наконец, тибетская летопись ''История Кукунора'' сообщает о каком-то конфликте Галдана с цэцэнханом. По данным этой летописи, разногласия цэцэнхана и Галдана начались с того, что ''на границе обоих государств в местности Хурил-билчир в летнее время собирались на праздник. Однажды после праздника халхаский цэцэн-хан за небольшое дело убил сына Бошокты — Санджала, когда он возвращался домой. С этих пор пошли разногласия между ойратами и Халхой''[15]. С этим сообщением тибетской летописи связана и монгольская легенда о причине войны Галдана с Халхой: ''Много лет назад в царстве олетов (джунгаров) жил один человек по имени Галдан-Бошоктай. Он предпринял путешествие в Тибет, где и научился всем наукам и премудростям. Домой он не вернулся, а в Тибете был назначен настоятелем монастыря Гандан-Туби. В его отсутствие у него сбежала молодая кобылица, которая прибежала в Халху и присоединилась к одному табуну в хошуне Цэ-Вана. Прошло еще года четыре. Однажды сыну Галдан-Бошоктая по делам пришлось проезжать через хошун Цэ-Вана, и тут он совершенно неожиданно для себя узнал свою пропавшую лошадь. Тогда он потребовал ее возвращения,

хозяин табуна отказался, заспорили и произошла драка, во время которой сын Галдан-Бошоктая был убит. Бывшие при этом олёты взяли его тело и отвезли его матери. Та немедленно написала о случившемся отцу в Тибет, вызывая его назад, но он не поверил и не приехал. Еще два раза писала она ему, но он все не приезжал. Тогда мать отрезала у трупа сына голову и под видом посылки отправила ее мужу. Галдан-Бошоктай очень обрадовался посылке и созвал своих друзей, чтобы вместе с ним вскрыть ее и отпраздновать получение подарка. В посылке сначала оказались хадаки (шелковые шарфы), потом письмо жены и, наконец, голова сына. Галдан-Бошоктай пришел в страшную ярость и поклялся уничтожить всю Халху''[16].

Таким образом, в начале 80-х годов Галдан не отдавал предпочтения ни одному из халхаских правителей и был в ссоре по меньшей мере с тремя из них — цзасакту-ханом из-за алтын-хана, с тушэту-ханом из-за Очирту-цэцэн-хана и цэцэн-ханом (если эти сведения верны и автор ''Истории Кукунора'' не путает, скажем, тушэту-хана с цэцэн-ханом) из-за какой-то стычки, отголоски о которой сохранились и в процитированной выше легенде. События в Халхе в 1680—1682 годах определялись не какими-то притязаниями или походами ойратов, а конфликтом двух (из трех) главных халхаских ханов: цзасакту-хана и тушэту-хана.

Цинский император Кан-си, который лишь в 1681 году покончил с организованным сопротивлением маньчжурским захватчикам на юге Китая со стороны У Саньгуя, наконец утвердил власть маньчжуров в континентальном Китае. К 1682 году он получил возможность более активно обратиться к делам монголов, и цинский двор решил предпринять попытку объединить монгольских или хотя бы халхаских ханов под своей эгидой, примирить их, имея в лице ханов силу, которая не подпала бы ни под влияние ойратов Галдана, ни под влияние русских. Обратимся к этим событиям.

Галдан принимал цинского посла Китата один после пышного приема и пятидневного пира, устроенного для всего посольства. У хана после арзы болела голова, поэтому с утра он пил кислое молоко. Большая фарфоровая чаша с простоквашей и сейчас стояла за занавеской позади трона. Прямо против входа, в северной части юрты, окрашенной в синий цвет — символ богатства, лежали полученные от богдыхана дары: отороченные соболем халаты, украшенный драгоценными камнями и кораллами пояс, дорогая посуда, шкуры тигров и барсов. Хан и посол сидели на кошме, крытой шелковым одеялом и устланной шелковыми подушками. Китат тоже явно страдал с похмелья. Кроме того, его уже второй день слабило от жирного бульона и большого количества съеденной за эти пять дней жирной баранины. Но делать нечего. Богдыхан повелел послам соблюдать в Монголии и Джунгарии местные обычаи.

И Галдан и Китат отлично понимали, что пора поговорить откровенно. Они были в юрте вчетвером: хан, его лама, посол и переводчик. Китат не говорил по-монгольски.

— Испокон веков к нам не прибывали посольства из Китая. Какое же дело привело тебя в наши земли, Китат?

— Богдыхан, великий император, шлет привет Бошокту-хану и справляется о его здоровье, здоровье его семьи, благополучии его стад.

Галдан глянул в сторону ламы и ответил:

— Благодарю. Все здоровы. Скот благополучен. Позволю себе спросить о здоровье богдыхана?

— Сын неба царствует беспредельно благополучно!

— Я слышал, что в Китае были мятежи?

— Богдыхан извещает, что он одержал полную и окончательную победу над всеми врагами внутри страны. Народ счастлив и спокоен. Теперь он решил отправить посольства к ойратам и халхасам и объявить, что он обещает значительно увеличить милости и награды!

— Мы рады слышать это. К кому отправлены послы?

— Тушэту-хану, цзасакту-хану, цэцэн-хану, Чжэбдзун-Дамба-хутукте, Эрдэни-Дайчин-нойону, Мэргэн-нойону. Послы из Халхи единодушно твердят: ''Драгоценное тело, неколебимое, как гора Сумеру, покоится в центре четырех морей. Мы, ничтожные, думаем, что являющийся образцом определенно сможет обеспечить покой и мир!''

— Что халхасы так передрались между собой? Ссорятся из-за Халхи, как собаки из-за кости!

— Да нет. Халху беспокоят твои набеги. А богдыхан в наказе мне и Фянгу напомнил, что отнюдь не стоит разделять маньчжур и монгол на тех и этих, дело требует, чтобы у них были единые помыслы и они стремились к сотрудничеству и миру.

— Богдыхан собирается защищать Халху. От кого?

Китат промолчал. Переводчик не только тщательно слово за словом переводил разговор, но и записывал его в тетрадь.

— Зачем он это пишет?— спросил Галдан.

— Богдыхан приказал, чтобы в переводе не было ошибок и все мои слова и твои ответы были записаны и потом доложены ему.

— Хорошо.

— Богдыхан повелел сказать, что он помнит, что ойраты и халхасы на протяжении многих веков почтительно подчинялись и исправно, и добросовестно платили дань. Богдыхан не имеет других целей, кроме желания еще больше увеличить милости, еще больше присылать даров. Могущество нашей династии хорошо известно. В Поднебесной нет ни одного иностранного государства, которое бы не знало о нем.

— Я понял тебя, Китат!

— Богдыхан указывает тебе, Бошокту-хану поймать Эрдэни-Хошоци. Он твой подданный и ограбил наших урутов.

—Эрдэни-Хошоци преступник. Теперь он бежал к

границам Китая. Я не могу его поймать, я не знаю, где он. Слышал, он подчинился Далай-ламе. Я напишу ему.

— Говорят, что он на Эдзин-голе?

— Я не знаю, где он.

— Богдыхан жалует тебе указ.

Китат достал свиток пестрого шелку, внутри на подклееной бумаге был написан текст указа по-маньчжурски, по-китайски и по-монгольски. Галдан, привстав, принял указ двумя руками. Бегло просмотрел монгольский текст. Общие слова, ничего конкретного. ''С древности императоры Китая управляли вселенной, не различая внутренних и внешних''. (Ишь ты, все ваши подданные!) ''Твои, Галдан Бошокту-хан, отцы и старшие братья, наследуя друг у друга правление, поддерживали с Китаем хорошие отношения и с почтением платили дань. Надеемся, что и впредь будет так, а мы желаем увеличить наши милости, особенно если будет успешно осуществляться наше стремление к тому, чтобы все страны жили в мире''.

— Благодарю. Всем халхаским ханам посланы такие же указы?

— Да.

— Я понял намерения богдыхана. Халхасцы мои соседи, и их дела не могут не задевать меня.

— Это ответ хана?

— Да.

— Письма к богдыхану не будет?

— Нет.

— Если прибудут ойратские послы, то как мы узнаем, что это твои послы, Бошокту-хан?

— Только у меня есть печать. Если послы прибудут с бумагой без печати, значит, это не мои послы. Жалую послам богдыхана по коню и десятку верблюдов. Тебе, Китат, лично пять коней.

— Благодарю.

Аудиенция закончилась. Китата отправили в отведенную ему юрту. Было ясно, что Галдан не откажется

от вмешательства в дела Халхи, если они примут угрожающий для него оборот.

Переговоры, по существу, больше не велись. Китату и его спутникам показали цам — ритуальные танцы лам. На следующий день они присутствовали на молебствии и слушали чтение сутр. Потом снова пировали. И, наконец, дальний изнурительный путь. Китата сопровождали люди Галдана — Эркэ-Кэсач-хан и другие. Они везли ответные дары Галдана Кан-си, которые маньчжуры, по китайской традиции, почему-то упорно именовали данью. Подарки были щедрыми: 400 коней, 60 верблюдов, 300 соболей, 500 горностаев, 100 лисиц и т. д. Миссия Китата захватила конец 1682 — начало 1683 года.

Неуступчивость Галдана, его отказ дать заверения в дружбе и невмешательстве в дела Халхи быстро оценили в Пекине, что и вызвало ответные меры. Галдану было сказано, что отныне из Джунгарии во внутренние районы Китая могут приезжать лишь посольства общей численностью в 200 человек и не более, причем обязательно с документами лично от Галдана. Мотивировалось это тем, что на границу-де приезжает по нескольку тысяч человек сразу, в дороге они грабят пограничных монголов, топчут посевы, обирают местных жителей. Все прочие ойраты могли отныне торговать только в двух пограничных городах — Калгане (Чжанцзякоу) и Хух-Хото (Гуй-хуачэне). Причем, это преподносилось в качестве особой милости за то, что, как говорилось в указе: "Галдан Бошокту-хан пока еще не отказывается признавать, что мы взираем на четыре моря (вселенную.— *Е. К.*) как на одну семью и считаем внутренних и внешних одним телом, ведет себя почтительно, постоянно шлет посольства, всегда главами их назначает людей мудрых и способных и строго блюдет взятые на себя обязательства"[17]. Членов ойратских посольств, совершивших преступление в Китае, отныне предписывалось судить по китайским законам.

В 7-м месяце (22 августа — 20 сентября) 1683 года Галдан в письме Кан-си осудил практику свертывания торговли с ойратами, назвав ограничение числа людей, которые проходили через пограничные заставы Цин с намерением торговать, ''безрассудными действиями''[18]. В 9-м месяце (9 октября — 6 ноября) 1684 года Галдан послал в Китай миссию во главе с Гурбалбаем в составе 3000 человек. Из них в пределы Цин было впущено только 200 человек, остальных отправили обратно. В начале лета 1687 года Галдан заявил повторный протест против ограничений торговли[19]. Его протесты не приняли во внимание. И хотя есть мнение, что ограничение численности посольств не представляло ответную меру Кан-си на неуступчивость Галдана, ибо ''ограничения, введенные Цинами, распространялись не только на Галдана, но и на правителей всех племенных групп ойратов, даже на тех, которые находились в дружественных отношениях с Цинами''[20], мы склонны думать, что это ограничение было все-таки направлено прежде всего против Джунгарии. Китай традиционно использовал торговлю (обмен посольствами в то время для кочевых народов являлся одной из форм внешней торговли) с кочевым миром в своих политических целях.

В 1683—1684 годах Галдан совершил успешные походы на Андижан и в казахские степи, дойдя до владений ногаев. Он еще не вмешивался в дела Халхи, хотя там с новой силой разгорались старые страсти. Цзасакту-хан подал на тушэту-хана жалобу Далай-ламе, требуя возврата своих людей. Реакция Далай-ламы была соответствующей положению авторитетного духовного лица, не имеющего реальной политической власти в Монголии: он послал в Халху своего представителя Чжарбуная с заданием примирить двух ведущих халхаских ханов. Но, что весьма показательно, тушэту-хан попросту плевал на авторитет Далай-ламы и даже не встретился с его представителем.

Складывалась довольно любопытная ситуация. В Халхе произошел спор из-за давних перебежчиков между цзасакту-ханом и тушэту-ханом. Об этом споре знает окружающий мир. Военные действия стороны не предпринимают. Но цинский двор так старается ''примирить'' ханов, что это скорее напоминает желание стравить их между собой, чтобы потом, как говорят, ловить рыбу в мутной воде. Кан-си шлет своего посланца Ациту-гэлюна в Лхасу, выражая лицемерную озабоченность судьбами Халхи, которой пока ровно ничего не угрожает. Он пишет Далай-ламе: ''Я ради управления всеми живущими во вселенной, уничтожая рассеяние, разрушение и голод, желаю привести все множество одушевленных существ к миру и довольству... Лама, ты в силу великих добродетелей, стяженных изначала, всегда и истинно сердобольным милосердием действовал на благо всех одушевленных существ, и потому нет никого, кто, прославляя твое имя и почтительно одобряя твою деятельность, не хвалил бы тебя. Халхаские ханы и бэйсэ все, чествуя тебя, ламу, исповедуют твою религию и почитают твои обряды и вероучение. Ко мне ты также приходишь непрерывно, чтобы с истинными намерениями и почтительно представить дань. Теперь все живущие во вселенной совершенно покойны и единственно только вследствие того, что не возвращены еще отделившиеся цзасакту-хановские данники, во мне возбуждается сильное соболезнование и сострадание... каким образом цзасакту-хан и тушэту-хан смогут жить вместе? Они изначала, почтительно и мирно исполняя намерения, приходили ко мне, а также давно уже сделались милостынедателями для тебя, лама. Каким же образом допустим мы их до этого конца, смотря равнодушно и относясь легко? ...Ты, лама, выбрав одного ламу позначительнее, пошли его оттуда ...а я отсюда, выбрав посла, отправлю его в условное место, чтобы он встретился с послом вашим''. В ответ Далай-лама писал Кан-си: ''Милосердно признательный к обитающим во

вселенной по поводу событий в восточной и западной сторонах Халхи, я отправил Ярбунай'я... не согласилась западная сторона, потом не соглашалась и восточная — соединить было невозможно. То, что высокий император, соединяя разделившихся и расселившихся, относится к многочисленным одушевленным существам с родительски сердобольным чувством, весьма хорошо. Теперь... я послал отсюда Шамба-цэму-хутукту, наказав ему придти к халхаским улусам в последней зимней луне''[21].

Хутукта из Лхасы не доехал до Халхи и скончался в Хух-Хото. И снова по инициативе из Пекина начинают мирить двух повздоривших ханов с усердием, достойным лучшего применения. Кан-си предлагает Далай-ламе условиться о времени и месте встречи двух посланников. Из Лхасы в Халху отправляется лама Галдан-Ширету в качестве личного представителя Далай-ламы. Кан-си так упорно без всякого очевидного повода со стороны Халхи желает свести халхаских ханов вместе, что, кажется, просто хочет наглядно убедиться в их вражде и даже подтолкнуть их к войне. Тогда бы это был повод для вмешательства в дела Халхи, столь желательного, даже необходимого, ибо оно сулило вслед за южными монголами включение в состав цинского Китая и этого стратегически важного района Центральной Азии. Кан-си настоятельно повторяет одно и то же: ''Мы опасаемся, что если не примирить два крыла Халхи, то это непременно приведет к тому, что появятся беды войны''[22]. Заметим при этом, что, излагая действия Кан-си, источники не содержат даже намеков на вмешательство Галдана в дела Халхи или на военные действия между цзасакту-ханом и тушэту-ханом.

Началом войны послужил инцидент на съезде монгольских ханов в 1686 году. Обратимся к этому съезду и постараемся в свете вышеизложенного поразмыслить о том, не был ли Галдан очень тонко спровоцирован на

этом съезде, не стал ли он, а точнее, не стали ли его последующие действия результатом хорошо продуманной политики мастеров интриг из Пекина.

Итак, на огромном пространстве от Джунгарских ворот до Большого Хингана и от Хэнтэйских гор до Гималаев, от Лхасы до Пекина кипела подготовка к съезду монгольских ханов, которых так усердно хотели примирить. Тибет от имени Далай-ламы V (он умер в 1685 году, но смерть его скрывалась правительством Тибета на протяжении всех последующих 15 лет XVII века) известил Пекин, что Галдан-Ширету, посол Далай-ламы, прибудет в Халху в 4-й дополнительный месяц (22 мая — 20 июня) и остановится во владениях Мэргэн-тайчжи. Кан-си принимает решение направить от своего имени в Халху шаншу (главу императорского секретариата) Арни, а также в помощь ему двух лиц: Баймаши-Бибилика и ламу Ациту-Дорчжи. Из Пекина по пыльным весенним дорогам на Калган и Хух-Хото помчались гонцы ко всем ханам, джинонгам и нойонам Халхи с указом Кан-си, растолковывавшим монголам, что они живут немирно, а все из-за того, что их губят "внутренние междоусобные смуты. Старшие и младшие братья и другие люди цзасака правого крыл бежали в левое крыло, а другие старшие и младшие братья и прочие люди цзасака левого крыла в свою очередь бежали в правое крыло"[23]. Непонятно только, как это монгольские ханы и вообще монголы сами без Кан-си не знали об этом. Ханов и джинонгов как цзасаков, связанных с маньчжурским императором поднесением почетных даров из "девяти белых", приглашали на съезд, чтобы забыть все распри и примириться. Но вот на что хотелось бы обратить особое внимание. В 6-м месяце (20 июля — 18 августа) Кан-си отдельно и специально приказывает явиться на съезд главе буддийской церкви Халхи ундур-гэгэну Чжэбдзун-Дамба-хутукте: "Чжэбдзун-Дамба-хутукте приказываю также явиться на съезд для выработки общего решения"[24].

Хутукта ответил Кан-си письмом: ''Часть потомков сыновей и внуков цзасакту-хана постепенно вернулись''.— То есть проблемы-то такой острой уже нет,— а ''остальные как раз находятся в Чахэ... Далай-лама тоже прислал Галдан-Ширету в качестве своего представителя на съезд. Приказано и мне тоже прибыть на съезд, чтобы общими усилиями решить это дело. Я повинуюсь приказу и также вместе со всеми приеду на место съезда''[25]. Вчитаемся еще раз внимательно в написанное. Чжэбдзун-Дамба-хутукта ехал на съезд по приказу Кан-си, и он как высшее духовное лицо противопоставлялся маньчжурской стороной представителю Далай-ламы (Тибета) Галдан-Ширету. Два высоких ламы — представители посредничающих сторон — прибывали на съезд. При такой ситуации и могли возникнуть те обстоятельства, которые предвидели, как нам кажется, если даже четко не запланировали, в Пекине.

Наконец, неясно еще одно обстоятельство. Как, в каком качестве на съезд прибыл Галдан. Его не призывал Кан-си. Да Галдан и не подчинялся ему. Нет свидетельств и того, что Галдан прибыл на съезд по какому-то письму из Тибета. Остается думать, что он выступал как третья посредничающая сторона в делах Халхи (цинский Китай, Тибет, Джунгария), как лицо, заинтересованное хотя бы в состоянии дел своих союзников.

Осенью во владениях Мэргэн-тайчжи на речке Цзак, в местности Хулунь-Бэльчир, на широкой равнине, обрамленной низкими безлесыми горами, собрался съезд монгольских ханов, джинонгов, нойонов и тайчжи — представителей и хозяев Монголии. Каждый хан или джинонг имел свою ставку с белой юртой в центре. Отдельные ставки были и у приехавших представителей — Арни и его свиты, Галдан-Ширету, Галдан Бошокту-хана ойратского. Эти ставки подковой, обращенной концами к реке, охватывали ровное утоптанное место,

где готовились места для переговоров. По утрам и вечерам над юртами висел сытый мясной дух, слуги бегали от телег к юртам своих повелителей, волоча тяжелые бурдюки с кумысом. На ханских столах даже появлялись сосуды с более редкими напитками — китайской и русской водкой и туркестанским вином.

Когда на приготовленных возвышениях, устланных мягкими войлоками и шкурами, собрались воссесть и те, кого мирили, и их примирители, возникла первая заминка. Как посадить Галдан-Ширету, представителя Далай-ламы, и Чжэбдзун-Дамба-хутукту, брата тушэту-хана, представителя маньчжурского богдыхана? С одной стороны, духовная власть Далай-ламы, главы желтой веры, была самой высокой и непререкаемой для верующего ламаиста, и Галдан-Ширету должен был сидеть выше всех. С другой стороны, Чжэбдзун-Дамба-хутукта был главой ламаистов Халхи, представлял здесь интересы маньчжурского богдыхана, явившись по его приказу, и по своему духовному рангу и значению не уступал Галдан-Ширету, а что самое главное, не только не желал сесть ниже Галдан-Ширету, но соглашался только на равно высокое место. Монгольские ханы не выступали против своего духовного главы; Арни, естественно, и тайно и явно поддерживал халхасского хутукту; Галдан Бошокту-хан столь же естественно принял сторону Галдан-Ширету, но остался в меньшинстве. После, как бы мы сказали в наши дни, предварительных переговоров, решено было посадить двух высоких лам рядом и на одной высоте, подчеркивая их равенство. Удар был нанесен по престижу Далай-ламы и вызвал гнев у оскорбленного такими действиями Галдана, который как хан независимого государства не признавал в лице Чжэбдзун-Дамба-хутукты ни главу своей веры, ни представителя богдыхана и считал, что его чувствам верующего и лица, чтущего Далай-ламу и ставящего его авторитет выше других, нанесено прямое оскорбление. Если учесть к тому же старое чувство

неприязни, которое питал Галдан к тушэту-хану и его роду, то можно смело утверждать, что удар из Пекина был нанесен в цель, и съезд мира надежно обещал стать съездом войны.

Когда все расселись по своим местам: великие ламы на равной высоте и в центре, поодаль от них со стороны Чжэбздун-Дамба-хутукты — Арни и тушэту-хан, со стороны Галдан-Ширету — Галдан Бошокту-хан и цзасакту-хан, а далее — другие ханы, джинонги и тайчжи, Арни, игравший на съезде первую скрипку, зачитал указ Кан-си, обращенный к халхаским цзасакам: ''Из-за того, что вы, ханы, а также джинонги, нойоны и тайчжи, нападаете друг на друга и грабите ваших подданных: старшие и младшие братья не живут в согласии. А ведь вы по сути своей потомки одних предков. Если вы будете сеять рознь и злобу, то боюсь, в будущем непременно окажетесь замаранными углем и пеплом. Мы не можем терпеливо сидеть и взирать на это. Поэтому специально издан указ, предписывающий, чтобы вы тотчас достигли мира и согласия. Добиваясь мира между вами, мы совсем не имеем для себя выгоды, точно так же, как и ваша вражда совсем не выгодна нам. Мы лишь заботимся о том, чтобы вы, как и прежде, из поколения в поколение следовали за нами и исправно платили дань. Мы в нашем сердце, исполненном сострадания к людям, не разделяем людей на внутренних и внешних. Данными действиями для вас открывается путь к искренности и, доводя до вашего сведения этот указ, мы приказываем вам всем вместе вернуться к любви и миру''[26].

Первым из числа собравшихся выступил Салинь-Ахай-тайчжи, который, встав на колени, заявил:

— Наши семь халхаских знамен — потомки одного предка, которые все стремятся к миру и дружбе. Со времен мятежа Лубсана между нами начались взаимные захваты людей друг у друга, из-за чего возникли гнев и взаимное озлобление. Ныне император и Далай-лама

послали своих высоких сановников и лам, чтобы примирить нас и успокоить. Я, маленький человек, не могу по этому поводу сдержать своей радости. Однако судьба того, последуем ли мы высочайше пожалованному указу священномудрого, замиримся и прекратим распри или нет, все это зависит только от наших двух ханов, не так ли?

Затем выступил младший брат тушэту-хана Сэдшир-Батур-тайчжи, который, встав на колени, сказал:

— Наставления, данные нам в указе священномудрого, весьма справедливы. Вражда между нашими двумя ханами произошла из-за наговоров ничтожных людей. Ныне, если убедить двух ханов внимать словам преданности и отвергать слова лести и если мы, со своей стороны прилагая все усилия, будем увещевать их, то, возможно, они сами обратят слова к миру.

Цзасакту-хан и тушэту-хан молчали. Наконец, когда затянувшееся молчание стало угрожающим, Шара-цзасакту-хан, не вставая с места, сказал:

— Богдыхан указал нам жить в мире. Я не решаюсь перечить ему.

Как эхо откликнулся тушэту-хан:

— Богдыхан указал нам жить в мире. Я не решаюсь перечить ему.

По рядам сидящих и стоящих за ними легкой волной пробежал оживленный шепот. По сигналу Арни некоторые тайчжи левого и правого крыла подошли к ханам, и те, поддерживаемые и подталкиваемые ими с двух сторон, встали со своих мест и нерешительно направились друг к другу. Отведя глаза в сторону, тушэту-хан пробормотал:

— Как здоровье хана?

— Здоров. А как ваше здоровье?

— Спасибо, здоров.

Подталкиваемые приближенными, ханы обнялись и, быстро повернувшись спиной друг к другу, каждый скорым шагом направился к своему месту. Словно по

команде, выступили некоторые тайчжи левого и правого крыла, подошли друг к другу, справились о здоровье, обнялись и разошлись.

7 ноября Галдан-Ширету и Чжэбдзун-Дамба-хутукта, развесив иконы — танка и совершив молебствие, взяли с цзасакту-хана и тушэту-хана клятву о мире и возвращении захваченных друг у друга людей. Ханы клялись стоя, затем клялись, преклонив колени перед изображением Будды, джинонги и тайчжи:

— Отныне клянемся жить в вечном мире![27]

Где был Галдан Бошокту-хан, что он говорил и делал на съезде? Этого мы не знаем. Мы ведь не знаем и другого, что говорил и делал представитель Далай-ламы Галдан-Ширету. Был ли он лично оскорблен поведением Чжэбдзун-Дамба-хутукты, но смолчал перед лицом цинских представителей из желания не потерять влиятельных милостынедателей для Тибета или этим был оскорблен только Галдан, что в принципе маловероятно. Очевидно, последующая позиция Галдан-Ширету и Галдан Бошокту-хана была согласована. Важно то, что она была предвидена и спровоцирована цинскими властями, которые в своих действиях в Халхе как раз опирались на тушэту-хана и его брата ундур-гэгэна Чжэбдзун-Дамба-хутукту. В своей вражде с цзасакту-ханами тушэту-ханы надеялись на поддержку цинского богдыхана, так же как цзасакту-ханы ответно искали помощи у Галдана. Позиция Тибета была сложной. Он находился под такой же угрозой, как Халха или Джунгария. Смерть Далай-ламы V обострила ситуацию, и регент Санджай-Джамцо, скрывая смерть ламы, хотел одного — сохранения авторитета покойного для блага страны.

Кан-си знал, что врагов надо бить порознь. Примиряя халхасцев, он хотел их поссорить, если не между собой, то с Галданом и Тибетом. Отсюда этот трюк с Чжэбдзун-Дамба-хутуктой. И это не только точка зрения автора этих строк. Почти сто лет назад А. М. Позднеев писал:

что ''на сейме, без сомнения, всем и каждому было известно, что такой поступок (имеется в виду поведение Чжэбдзун-Дамба-хутукты.— *Е. К.*) имел свое основание в высочайшем повелении китайского богдохана''[28]. Беда в том, что Галдан клюнул на эту приманку. Опасного противника выманили из его логова, чтобы расправиться с ним. А может быть, Галдан и не мог не отреагировать на эту провокацию. Пока наши сведения о жизни и деятельности Галдана исходят почти исключительно из китайских источников, а монгольские позднейшие летописи лишь во многом повторяют их, мы еще долго не узнаем правды.

Тушэту-хан и его брат хутукта продолжали действовать в русле направляемой из Пекина политики. Они не возвратили, вопреки договоренности, Шара-цзасакту-хану его людей и тем самым первыми нарушили клятву, данную на съезде. Тушэту-хан взял твердый курс на получение для себя преимуществ среди прочих ханов Халхи. С этой целью он просил у Кан-си ''для ясного отличия из среды правителей и ханов... золотую печать'', но получил отказ, хотя и именовал Халху в письме в Пекин ''моим халхаским государством''[29]. Кан-си нужна была Халха как форпост на севере его империи, а не тушэту-хан Чихунь-Дорджи в качестве первого среди прочих халхаских ханов, поэтому Пекин медленно, но верно сводил все к тому, чтобы Халха сама, словно перезревшее яблоко, упала к его ногам.

* * *

Ставка Галдан Бошокту-хана раскинулась у восточных склонов Алтайских гор: у холода прозрачных вод, у бархата зеленых трав. Ханская юрта, юрта его жен, прислуги, юрты-храмы с бурханами и иконами, юрты шабинаров, цохор, поселок бедняков у ханской ставки. Весна была в разгаре. Давно Галдан возвратился из Халхи, отдохнул после дальней дороги. Давно отшумел

лучший из праздников Цаган-Сара — праздник белой луны, начала весны. В эти дни люди поздравили друг друга с Цаган-Сарой, с выходом из холодов, с весенней порой. Восемь дней шли торжественные службы, и ламы рассказывали мирянам о различных чудесах, совершенных некогда Буддой Шакьямуни, и его первых победах над лжеучениями. Хороший, радостный праздник Цаган-Сара!

Галдан, которому в это время исполнилось чуть больше сорока лет, пружинистым шагом в мягких красных сапогах спускался по отлогому склону к реке. Ярко светило солнце. Мимо хана вниз с горы промчался табун на водопой:

Буре подобны, в густой пыли
Буйные кони скакали вдали,
Будто ветру завидовали,
Будто пугаясь комков земли,
Что на дороге раскидывали,
Будто пугаясь ударов копыт.
От развевавшихся конских
волос
Пение скрипок и гуслей
неслось.
Чудилось: музыка звенит!

Хан остановился. Хорошо! Его скот благополучно вышел из зимних холодов, было чем жить и на что надеяться в своих дальнейших действиях.

Галдан только недавно продиктовал письма Арни и Чжэбдзун-Дамба-хутукте. Он еще раз мысленно повторял отдельные фразы из них. Арни отписано: ''О делах семи знамен Халхи. Хотя ранее Далай-лама посылал Ярбуная на съезд, семь знамен оказались неспособными подчиниться его словам. Ныне священный государь пожелал послать множество людей, чтобы в Халхе воцарились покой и радость. Отправил посла к Далай-ламе. Далай-лама послал Ширету, который вместе с императорским послом прибыл на съезд семи знамен,

Таковы обстоятельства дела. Между тем церемониал личной встречи Чжэбдзун-Дамба и Ширету был крайне неподходящим''[30]. А этому халхаскому хутукте он написал все прямо без обиняков: ''Ты при распределении мест для сидения с Ширету нарушил все приличия. И вел себя крайне предосудительно. Учение Далай-ламы распространилось на десять стран. Ширету-лама на троне Цзонкавы, который специально был послан на съезд решать дела. И разве подобало тебе все время обращаться с ним как равному с равным?''[31]. Эти два братца давно продались маньчжурскому богдыхану. Пусть знают, что это им даром не пройдет.

У ханской юрты Галдана ждали два воина-гонца. Солнце поднялось высоко и сильно припекало. Невдалеке от юрты хана женщины, работавшие на кухне, ходили уже, как летом, голыми по пояс. Но гонцы были одеты, как подобает воинам перед походом: в халатах, улве — ватной куртке, поддеваемой под панцирь, в панцирях, шлемах и с мечами на левом бедре.

Галдан коротким жестом руки пригласил воинов в юрту, сам вошел первым, а они вслед за ним. В юрте находилась молодая ханша, и оба воина разом упали на колени, потупили взор.

— Оставь нас,— сказал Галдан.

Молодая жена хана легкой походкой пошла к дверям, пахнуло благовониями, мелодично зазвенели ее украшения. Молодой воин украдкой взглянул на ханшу и еще раз подивился красоте ее:

Точно лотос благоухала она,
В шелковые одета шивырлыки,
Так ее две тяжелых косы велики,
Что если бы взяли даже под мышки их,
То все равно оставалось бы лишку их,
Стан ее гибкий,
Солнечный блеск излучался ханской
женой,
Светом таким сиял владычицы взор,
Что вышивали при нем тончайший узор,

Так он сиял, что мог бы табунщик при пем
За табуном следить и во мраке ночном.
Сорок зубов, как сорок блестят жемчугов,
Белые пальцы белее хангайских снегов,
Ласточкиным крылом изогнулась бровь,
Губы такие красные, что сперва
Чудилось: вот-вот капнет горячая кровь,
Паве прекрасной такая к лицу голова!

Видение исчезло, как только раздался властный голос хана:

— Встаньте!

Хан лично вручил каждому из гонцов письмо.

— Вы знаете, что на съезде в Халхе Чжэбдзун-Дамба-хутукта оскорбил самого посланца Далай-ламы Галдан-Ширету. Волосок приравнял себя мечу! Будь он проклят!— И хан всплеснул руками.— Хороших ли вам подобрали коней?

— Сильные кони, добрые кони, хан! Сильные, хоть Алтай нагрузи на них!

— Хорошо. Повелеваю: сменяя коней, скакать день и ночь. Ответа не ждать!

Хан подошел к ларцу из красного лака, достал из него два талисмана с изображением Будды и сам повесил талисманы каждому гонцу на грудь.

— В счастье пребудьте! Талисман с изображением Будды у воина на груди — источник его могущества!

Оба гонца разом поклонились хану и хором ответили:

— Будда свидетель, верные воины мы!

— Тогда в дорогу. Тело мужа — лучше живое, седло и узда — лучше крепкие!

Тушэту-хан доносил маньчжурскому двору, что Галдан Бошокту-хан прислал Чжэбдзун-Дамба-хутукте ругательное письмо, в котором призывал хутукту к ответу за то, что тот осмелился поставить себя на равных с посланцем Далай-ламы Галдан-Ширету. По полученным тушэту-ханом сведениям, Галдан послал Цэцэн-

Убаши с приказом собрать отдельный съезд правителей правого (западного) крыла Халхи. На этом съезде зачитывалась клятва западнохалхаских нойонов и тайчжи, в которой говорилось: ''Мы, люди правого крыла, не осмелимся нарушать приказов цзасакту-хана. Если же мы нарушим их, то это будет считаться изменой религии!''[32].

Происходило размежевание Халхи на два крыла. На востоке Халхи умер цэцэн-хан, которому наследовал его сын Ильдэн-Рабтан. Утверждали нового цэцэн-хана в этом звании тушэту-хан и Чжэбдзун-Дамба-хутукта.

К лету Галдан приказал части своих людей передвинуться восточнее к реке Кобдо, распахать здесь целинные земли и засеять хлебом.

Пришел праздник Урюс-Сара — наступление лета, месяца овцы, хони-сара — праздник дня рождения Будды Шакьямуни. Ожили, повеселели ойратские степи и горные долины. Всюду люди обтягивали юрты большими полостями, украшенными зеленью. В каждой семье накануне праздника вырезали и приносили кусок дерна с корнями травы сул боско — железянки. Кусок дерна вносился в юрту и ставился перед почетным местом — баран. На баран клался пучок травы сул боско с лиловыми цветами. Лишь только всходило солнце, в каждой юрте глава семьи становился на колени перед бараном и читал молитву. Затем брал чашу с кумысом, доливал в кумыс арзы, брал с барана пучок сул боско, макал его в чашу и кропил смесью кумыса и водки во все стороны. После этого вся семья выходила из юрты. Глава семьи, став лицом к восходящему солнцу, снова читал молитву и брызгал смесью кумыса и водки на восток, запад, юг и север, а потом окроплял головы своих детей. Далее он шел к стадам и, повторяя неустанно ''Ом мани падме хум'', окроплял весь молодняк. И снова читалась молитва, обращенная к небу, солнцу, луне, священной горе Сумеру, Далай-ламе и Чингис-хану.

Совершив молитвы и окропление, все обильно ели, пили, и начиналось веселье: скачки коней, борьба, песни, пляски. Молодые боролись, победители старательно прижимали коленом грудь побежденных, чтобы плотнее прилегали они лопатками и спиною к земле. Люди постарше сидели полукругом, пили кумыс. Нет-нет да кто-нибудь оглаживал свои черные усы и бороду, клал ровно между лопаток свою матово-черную косу и затягивал песню. А если за дело принимался известный джангарчи — певец героического эпоса о богатыре Джангаре и его витязях, то вокруг него собиралась огромная толпа слушателей.

Зрители скачек криками подбадривали наездников. Каждый из наездников перед заездом шептал коню: ''Говорил тебе, пей чистоту вод, ешь тучность трав, скорей толстей, поправляйся!'' Проигравшие ругали коня: ''Ах ты, черная стерва, которой уши бы обрезать, кости поломать!''

Судя по донесениям тушэту-хана в Китай, Галдан вскоре перенес свою ставку с южных склонов Алтая в местность Саньхэйкэр, а цзасакту-хан, тоже переместив свою ставку, встретился с Галданом. Всем нойонам и тайчжи правого крыла было приказано окружить ставку цзасакту-хана и обеспечить его безопасность. Тайчжи Дэгдэки-Мэргэну и Ахаю, которые намеревались откочевать и присоединиться к левому (восточному) крылу Халхи, это делать запретили. Доложив о случившемся маньчжурскому богдыхану, тушэту-хан просил у него увеличения военной помощи. Кан-си нужны были не военные приготовления, а война в Халхе. Поэтому он объявил сведения, полученные от тушэту-хана, пустыми слухами, а самому тушэту-хану предложил соблюдать данную клятву и жить в мире. Другие монгольские тайчжи сообщали, что якобы Галдан выступил в поход в северном и южном направлениях. Однако халхасцы западного (правого) крыла, все, за исключением цзасакту-хана и Дэгдэки-тайчжи, привели в готовность свои войска и усилили охрану границ[33].

Война еще не началась, а Кан-си уже спешит послать письма Галдану и тушэту-хану Чихунь-Дорчжи с требованием прекратить войну[34]. В той ситуации это было скорее подталкиванием к войне, чем реальным стремлением установить мир между враждующими, точнее, недоверяющими друг другу, но не воюющими реально, сторонами. Более того, все китайские документы этих месяцев почему-то упорно переносят акцент конфликта с нерешенных проблем между восточной и западной частью Халхи на противоречия между тушэту-ханом и Галдан Бошокту-ханом, хотя ни в одном письме (а уж если бы такие письма были, они непременно попали бы на страницы китайской хроники событий) Галдан не угрожал войной тушэту-хану и его брату хутукте за оскорбление посланца Далай-ламы. Атмосфера противоречий в Халхе, подогреваемая неуемным стремлением под видом замирения соперничающих и спорящих окончательно поссорить их, неумолимо толкала Халху к войне.

* * *

У тушэту-хана Чихунь-Дорчжи первого не выдержали нервы. Ссылаясь на то, что якобы Шара-цзасакту-хан, Дэгдэки-Мэргэн, Ахай-Дармашила и Цзотба-нойон отправились для соединения с Галдан Бошокту-ханом, тушэту-хан внезапно атаковал их[35]. Часть источников трактует нападение тушэту-хана на цзасакту-хана как упреждающий удар. Монгольская летопись "Ойрод-ун Галдан Бошогту-каган-у теуке" сообщает о каком-то письме Галдана тушэту-хану, в котором Галдан обещал посчитаться с тушэту-ханом за то, что его брат хутукта отнесся непочтительно к посланцу Далай-ламы, и за то, что Чихунь-Дорчжи в свое время оказал помощь Очирту-цэцэн-хану, напал на посольство Галдана, следовавшее в Китай, и взял в жены Лобсан-Гомбо — племянницу Очирту-цэцэн-хана. В итоге Галдан якобы писал,

что он ''имеет много оснований для отмщенья'', и даже была такая фраза: ''Я отправляюсь в поход, чтобы завоевать твое племя''[36]. В других источниках об этом письме не упоминается.

Точно одно: пользуясь достоверными или вымышленными слухами о подходе Галдана к границе Халхи и о желании цзасакту-хана и ряда нойнов Западной Халхи присоединиться к Галдану, тушэту-хан, почему-то вполне готовый к войне, нападает на цзасакту-хана и его людей с целью, как он через полгода докладывал в Пекин, ''вернуть этих... людей''[37]. Это нападение стоило цзасакту-хану и Дэгдэки-Мэргэну жизни. Тушиту-хан, развивая успех, столкнулся со спешившим на помощь цзасакту-хану небольшим отрядом ойратов в 300 воинов, которым командовал младший брат Галдана Дорчжи-Чжаб. Тушэту-хан разбил этот отряд, а Дорчжи-Чжаба убил[38]. Голова брата Галдана, насаженная на копье, была выставлена для всеобщего обозрения. Можно вполне согласиться с оценкой этих событий Ш. Чимитдорджиевым: ''Действия тушэту-хана Чахун-Дорджи расходились с общемонгольскими интересами защиты и отстаивания свободы и независимости монголов''[39]. Кстати, цинская сторона в дни событий никогда и не отрицала, что войну начал тушэту-хан. В начале 1689 года в письме к Далай-ламе сообщалось: ''Тушэту-хан и Чжэбдзун-Дамба-хутукта нарушили клятвенный договор, убили цзасакту-хана, Дэкдэки-Мэргэна и Ахая ...когда подняли войска ойраты, они убили младшего брата Галдана Дорчжи-Чжаба''[40].

Разгром цзасакту-хана у границ ойратов, к тому же родственника Галдана (сестра цзасакту-хана была замужем за Цэван-Рабданом, и Галдан, следовательно, являлся свояченником покойного цзасакту-хана Шара), естественно, побудил Галдана быть готовым к ответным действиям. Возможно, это и был именно тот момент, когда Галдан отчетливо понял, что усиление тушэту-хана, проводившего четкую проманьчжурскую линию,

недавно по наущению маньчжур напавшего на русские владения (Селенгинск) и получившего там заслуженный отпор, опасно и для Джунгарии.

Военные действия первой половины 1688 года мы можем проследить лишь по докладам тушэту-хана в Пекин. По его версии, Галдан собрал армию в 30 с лишним тысяч человек и по трем дорогам (направлениям) двинулся в Халху. Именно навстречу Галдану (по утверждению тушэту-хана) и был вынужден двигаться он с Сихай Лубсан-Гуньбу. Враждующие стороны близко сошлись друг с другом в местности Кара-Эрчик и Цаган-Эрчик. Здесь их встретил посланец из Лхасы, действовавший от имени покойного Далай-ламы, и предложил помириться. По заявлению тушэту-хана, он ''не осмелился противиться'' и отошел со своей армией к озеру Чукдус-Нор, где стал ждать переговоров. Галдан же, разграбив некоторых тайчжи правого (западного) крыла Халхи, из-за гор Хангай вступил в левое (восточное) крыло и дошел до местности Тэмур (река Тамир, приток Орхона). Здесь ойраты разгромили отряд сына тушэту-хана. Передовые отряды ойратов подошли к Эрдэни-Цзу — знаменитому монастырю Халхи, резиденции Чжэбдзун-Дамба-хутукты. Отсюда оставалось два дня пути до ставки тушэту-хана. Путь Галдана был отмечен победами. По словам биографа Зая Пандита, ''Бошокту-хан... произведя смятение, захваченную добычу захватил, взятых в плен пленил, а бегущих обратил в бегство''.

На подступах к Эрдэни-Цзу Галдан второй раз разделил свои войска. До этого, только перевалив Хангай, он был вынужден выслать заслон на север против хотохойтов Алтын-хана, занявших по отношению к нему враждебную позицию. Теперь Галдан выделил еще один отряд для похода на ставку Чжэбдзун-Дамба-хутукты, монастырь Эрдэни-Цзу, а сам, зная о смерти цэцэн-хана и смене правителя его аймака, принял решение двинуться на Керулен, чтобы поста-

вить под свой контроль всю Халху. Но Галдан нигде и никогда не говорил, что он воюет с Халхой, а подчеркивал, что эта война его, Галдана, с тушэту-ханом. И это, действительно, отражало реальное положение, ибо Галдан ни с цзасакту-ханом, ни с цэцэн-ханом не воевал.

Итак, в Халхе шла упорная война. Она подкатывалась к старейшему и самому крупному монастырю Монголии Эрдэни-Цзу, расположенному в широкой долине Орхона. Страх охватил Чжэбдзун-Дамба-хутукту, жившего в этом монастыре, страх обуял и многочисленных монахов. Весь монастырь, как говорится, ''сердце потерял, в лице переменился''. ''Что-то невозможное произошло,— говорили ламы,— неявленное явилось. Надвинулся на нас ужас, пало на нас проклятье белого льва. Это Бошокту-хан, который когда-то вращал колесо учения, теперь вращает колесо меча''. Указом хутукты был отложен весенний праздник: нельзя наслаждаться, ''когда перед нами враждующий враг-неприятель, нельзя наслаждаться, когда рядом поднимается зловредное препятствие. Настало время, когда эти прекрасные владения станут рукавицей хана-врага, его торочным запасом''. На собрании высшего ламства Чжэбдзун-Дамба-хутукта предложил всем покинуть монастырь и срочно уйти к границам Цин. Враг многочислен:

Как бы ни была мягкая степь велика,
А не хватит травы для рати такой,
Как бы ни была полноводной река,
А не хватит воды для рати такой,
Вражьи полки по степи ураганом прошли

и люди после разоренья

Ищут норы, куда бы зарыться могли,
Ищут куста, под которым укрыться б
могли!

С общего согласия решили уходить.

Хутукта рано утром обошел храмы. На него глядели литые изображения кумиров, исполненные глубокого смысла, украшенные золотом, шелком, драгоценными камнями. Всего с собой не увезешь. Вот статуя Очир-вани — главного бурхана — цзу. И хотя хутукта из документов архива монастыря достоверно знал, как, когда и каким образом была сооружена статуя, он невольно вспомнил народную легенду о ней. Когда Далай-лама предложил монгольскому хану взять для строящегося храма любого бурхана на выбор, хан вошел в храм и стал выбирать. К первому же бурхану с простотой новообращенного он направил острие своей сабли — статуя откачнулась назад. То же случилось и с другими статуями, а некоторые бурханы от страха даже закрывали глаза. И только бурхан Очир-вани не только не отшатнулся, но даже двинулся навстречу холодному стальному острию. Этого бурхана и выбрал монгольских хан и привез из далекого Тибета в Эрдэни-Цзу. Ничего с ним не будет. Ойраты не тронут храма, бурханы сами за себя постоят. А вот ценности, то, что можно увезти, надо забрать с собой. Хутукта вышел из главного храма во двор.

В мирной тиши стояли кумирни кругом,
И шабинары, святые в деяньях своих,
Все в одинаковых одеяньях своих,
Вышли навстречу, в раковины вострубя.

Им, исполнителям его воли, хутукта отдал приказ:

— Вы, все мои люди, соберите малых бурханов, дорогие священные книги и святое имущество сангхи, соберите все и всех людей наших, весь скот наш, не оставляйте ни сироту-мальчишку, ни сучку. Приведите все, не бросив ни бородатого козленка, ни жеребенка с челкой. Хорошенько ставьте подвершных коней и подвьючных верблюдов. Будем идти и днем и ночью. Спасаться нам надо.

Приказал он трубить в черные трубы, собрал все свои тьмы, приказал трубить в желтые трубы, собрал всех духовных. Шабинары и прочие люди подобрали коней-иноходцев для перевозки бурханов, для каждого бурхана, как и положено, конь особой масти. Седла, на которые ставили бурханов, были с позолоченными луками, а подушки обиты красным сукном или красным шелком. Поверх подушки седла ставились ящики с невысокими стенками, а в эти ящики помещались бурханы. Самых маленьких бурханов и книги грузили в ящики, все укрывали синей и красной тканью. Люди работали споро и ловко. Навьючивали разный скарб на верблюдов и объединяли всех вместе — скот в стада, людей — в караваны.

Когда караваны тронулись в путь, хутукта взглянул на квадратные белые стены кумирен, на черный бордюр у крыш, образованный корнями дерева далан-халис (самшита), из которого были сделаны крыши храмов, на горящие на солнце кружки из желтой меди на этом черном бордюре.

В стороне от монастыря одиноко стоял небольшой храм, построенный специально для молений хутукты в те дни, когда он навещал своих родителей. И сжалось сердце хутукты. Вернется ли он сюда? А если и вернется, то кем?

И вдруг полились из очей владыки
Две драгоценные слезы.
И начали двигаться шелковые
рукава
Справа налево, слева направо,
Поток горестных слез утирая...

Когда ойратский отряд занял Эрдэни-Цзу, в монастыре оставалось лишь несколько престарелых лам. Ойраты, единоверцы монголов и ревностные буддисты, не тронули храмов. Сам Галдан в Эрдэни-Цзу не заезжал, а двинулся с основными силами на Керулен, во

владения цэцэн-хана. Однако народная молва приписала сохранение храма не естественному поведению ойратов-буддистов, а могуществу бурханов Эрдэни-Цзу. ''Бошохту во главе олетских войск вторгся в халхаскую землю. За то, что он жил в монастыре Галдана, его прозвали Бошохту-Галдан. Он дошел до Орхона и вошел в Эрдэни-Цзу. Войдя в храм, он стал саблей выковыривать драгоценность бадмарак из лба бога (у бога зодбо, ''бородавка на лбу'' была бадмараковая). Два бога Гонбогуру, стоявшие по сторонам Цзу, бросились на него с мечами, и он в ужасе выбежал из храма. В это время Абатай сказал своим халхасцам: ''Лучше умрем, утонем в Орхоне, чтобы не попасть в плен или руки Галдана''. И все халхасцы бросились к Орхону. Но Орхон поднял их на своих водах, они перешли по нему, как по льду, водяная поверхность поддерживала их. Когда же следом за ними пошли олёты, вода перестала на себе держать, и олёты все перетонули''[41].

А пока отряды Галдана шли в восточные области Халхи, Чжэбдзун-Дамба-хутукта и тушэту-хан бежали со своими людьми на юг, к границам Цин. Образовали они черный поток-реку с тысячью истоками, с тьмою рукавов-разветвлений и потянулись по дороге. Шумит караван, как прилетающие птицы, гремит, как улетающие птицы, подвьючные верблюды ревут протяжно, подданные кричат резко, раздаются голоса воинов и старших, вселенную совсем закрывает пыль-туман от скота, от людей.

Ойраты ограбили окрестности монастыря, а затем и ставку тушэту-хана. Люди из владений тушэту-хана бежали на юг.

Кан-си из сложившейся ситуации сделал один вывод (хотя на лето 1687 года цинские власти даже не имели достоверных сведений о том, находится ли Галдан с ойратами в Халхе или нет): ''халхасцы и ойраты воюют друг с другом, следует оборонять наши границы''[42]. Сделать это должны были монголы, уже включенные в

состав империи Цин. Беглых тушэту-хана и его брата хутукту не стали пускать за пределы цинских караулов. Их следовало покрепче напугать, чтобы, они, потеряв всякую уверенность в себе, от страха сами запросились в подданные Цин.

В 7-м месяце (8 августа — 6 сентября) 1687 года Галдан прислал письмо Кан-си: ''Чжэбдзун-Дамба-хутукта и тушэту-хан пошли против вероучения Далай-ламы. Оба вопреки обычаю обошлись непочтительно с Ширету. Я обращался к ним и призывал их вернуться к обычаю и закону и тем восстановить добрые отношения между нами, но они отвергли мои призывы и поступили несправедливо. В конце концов были подняты войска, которые и выступили в поход. Таким образом, я, взявшись за оружие, защищаю дух учения Далай-ламы. Я пришел и разгромил их ставку, этим людям не стоит дозволять обзаводиться войском и людьми. Изнуренные, они не имеют пристанища, и если они придут к вам, то не принимайте их''[43]. Местные власти Цин Галдан предупредил, чтобы не принимали тушэту-хана и хутукту, а если задержат их, то выдали бы ему, Галдану.

Кан-си на вопрос о возможной судьбе тушэту-хана и его брата не отвечал, а предлагал сторонам помириться и ссылался на то, что призывает Далай-ламу в помощники в этом деле. Одновременно цинские власти принимали меры к обороне своих границ. По данным цинской разведки, отряды Галдана на некоторых участках границы Цин были всего в 7—8 днях пути от нее. Для охраны Чжэбдзун-Дамба-хутукты был выслан в степь специальный отряд в 200 человек. Удивляться его малочисленности не следует. Это были цинские войска, а столкновение с ними означало для Галдана войну с Цин, чего он не хотел. Письма Галдана цинские власти показали хутукте. Тот в ответ заявил: ''Священномудрый император пришел ко мне на помощь... В поддержании своего существования я полагаюсь только на Небесную династию''[44].

А отряды Галдана выходили к Керулену. По сведениям людей цэцэн-хана, бежавших к границам Цин, Галдан с частью своих войск переправился через Керулен и двинулся по его течению, при этом хан рассылал гонцов к тайчжи и нойонам цэцэн-хана, уведомляя, что его враги — Чжэбдзун-Дамба-хутукта и тушэту-хан, а с прочими халхасцами он не воюет, призывал их оставаться на месте и жить спокойно. По поступившим в столицу Цин из Харбина сведениям, на Керулен к Галдану прибыл посол Далай-ламы. На его запрос Галдан ответил: ''Если я примирюсь с тушэту-ханом, то кто же мне заплатит за жизнь моего младшего брата Дорчжи-Чжаба? Пусть мне придется из последних сил воевать 5 и 6 лет, а я все равно уничтожу Халху и обязательно поймаю Чжэбдзун-Дамба!''[45]. Это очень знаменательный текст. Тибет не хотел войны своих главных милостынедателей, т. е. государств, финансовые пожертвования которых Тибету как религиозному центру были крайне важны. Не хотел Тибет и подрыва единства и силы своей возможной опоры в борьбе против цинского Китая. Но Галдан не слушался Тибета, он уже перевел инцидент в план кровной мести за погибшего брата, больше не именовал Чжэбдзун-Дамба-хутуктой и хотел только уничтожения своих кровных врагов, толкая тем самым их в руки богдыхана.

Где-то в конце 7-го — начале 8-го месяца (в конце августа — начале сентября) Галдан повернул свои отряды с Керулена на берега Толы для проведения окончательных акций против тушэту-хана. 8 октября 1687 году тушэту-хан впервые прямо попросил у цинских властей войск, чтобы выступить в карательный поход против Галдана. ''С давних времен я с чистым сердцем приносил дань богдыхану и считал, что если столкнусь с жестоким врагом, который поставит меня в чрезвычайно трудное положение, то я всегда могу надеяться на спасение и получение помощи от богдыхана. Ныне Галдан поднял войска и напал на меня.

Положение критическое. Хотя у меня и мало войска, но, сражаясь с Галданом, я наносил ему поражения. Однако боюсь, что сейчас я не в состоянии обороняться. Нижайше прошу Небесную династию выслать войска и оказать мне помощь!''[46]

Наступил решительный момент. На заседании Государственного совета цинского Китая было вынесено решение: ''И ойраты и халхасцы, и те и другие, почтительно подчинялись нам и ежегодно исправно платили дань. Ныне ойраты утверждают, что халхасцы встали на неправый путь, а халхасцы, в свою очередь, говорят, что ойраты творят неправое дело. Хотя тушэту-хан и одурачен ойратами и просит помощи у нашей династии, похоже, что не стоит пока посылать войска ему на помощь. Следует прежде вынудить тушэту-хана занять такое же положение, как 49 знамен, т. е. подчиниться нашей династии!''[47]. Итак, слово было сказано, истинные намерения проявлены. Если тушэту-хан, главный хан Халхи, подчинится цинскому Китаю, войдет со своими людьми и территориями в состав Китая, он получит желаемое спасение. При этом, по мнению Кан-си, тушэту-хану ''возможно, можно было и сохранить... ханский титул''[48].

Просьба тушэту-хана была вызвана возвращением Галдана с Керулена, 9 и 10 октября 1687 года между войсками Галдана и тушэту-хана Чихунь-Дорчжи произошло сражение у озера Улугай.

Вторую бэря (около 14 км) проскакал Галдан со свитой, осматривая свои позиции и позиции противника и обдумывая план решающего сражения. Ходили слухи, что сам Далай-лама в свое время предсказал Галдану удачу в походе на восток[49], но удача не приходит сама по себе. Свита приморилась, устали кони, лишь конь Галдана Алтан-Шарга — Золотой, оставался по-прежнему свеж и бодр, да и хан как будто совсем не утомился.

К Галдану слева подскакал, кланяясь в ханское левое

стремя, молодой зайсан, военачальник, стройный и сильный, приучивший свое подобное тетиве тело к всевозможным лишениям военной службы.

— Поедемте обратно, хан. Осмелюсь предложить завтра утром напасть на врага справа, удерживая его слева, и прижать к озеру.

Галдан ничего не ответил. Но проскакав еще шагов двести-триста, повернул коня назад. Когда он прибыл в ставку, ему доложили, что караульные поймали разведчика тушэту-хана. Галдан отдохнул, выпил чашу прохладного кумыса и приказал:

— Созываем совет!

Окружение хана сидело семью кругами, его родня, старые и молодые военачальники, люди, все уже испытанные в дальних походах от Керулена до ногайских степей. Разговор шел негромкий, спокойный. Первыми задавали вопросы те, кто сидел в ближайшем к хану кругу, справа от него. Спрашивали о результатах выезда на разведку, гадали между собой о предстоящем плане боя. Наконец, один старый военачальник не выдержал пустой беседы — не пристало воину тратить время на ненужные разговоры — и громко, даже с вызовом, спросил Галдана:

— Так как хан прикажет нам разгромить тушэту-хана?

Галдан улыбнулся,

И перед всеми блеснули зубы его,
Сердцеобразные красные губы его
Неожиданно вытянулись в тесьму.

— Как разгромим тушэту-хана? А как говорится: ''Землю покорим, ханство разорим, войско разгромим, народ поработим''. Привести пленного.

Привели пленного молодого халхасца. Он был без шапки, волосы растрепаны, на правой скуле багровый синяк, в редких тонких усах запеклась кровь, руки скручены за спиной тонким сыромятным ремнем.

— Зачем приходил?— спросил Галдан.
— Узнать, много ли у тебя, хан, войска!
— Ну и как, много?
— Много, хан. Наверное, нам не устоять.
— Так переходи служить ко мне?
— Нет, хан. Чужеземному хану я не буду рабом, собирающим кизяки!
— Тебя казнят.
— На то твоя ханская воля.
— Спрашивали ли его о войсках тушэту-хана?
Один из приведших пленного ответил:
— Спрашивали, он молчит. Может быть, плеть поговорит с ним?
Галдан молчал. Думал.
— Пока не надо. Принесите мой пестро-желтый стяг!
Принесли знамя Галдана Бошокту-хана.

Если на знамя Богдо надевали чехол,
То затмевало целое солнце оно.
Если же знамя реяло, обнажено,
Семь ослепительных солнц затмевало оно.

Вот какое это было знамя.
Галдан приказал подойти одному из нойонов и что-то прошептал ему. Потом, указывая на свое знамя, сказал пленному монголу, которого перед тем силой поставили на колени и крепко держали два молодых воина:
— Ты видел мое войско. Ты видишь мой стяг, величие и славу мою. Я дарую тебе жизнь. Иди и передай тушэту-хану: ''Ты, хан, со своим братом оскорбил посланца Далай-ламы, оскорбил меня. Ты убил моего брата, и я мщу тебе''.
Явился ойратский воин, судя по доспеху, военачальник, сел в круг. Шлем его был сдвинут к правому виску, как бы одет набекрень,— признак удальства богатыря.
— Даньцзила,— обратился к нему Галдан.— Утром после восхода солнца поведешь войска на лагерь тушэту-хана. Да смотри, не проспи!

Даньцзила, обиженно засопел, а потом вскипел гневом, в котором при желании нетрудно было угадать элемент притворства:

— Зачем такие слова! Ты же знаешь меня, хан. Кости вояк, что заспорят со мной, в расселинах скал тлеют потом, кровь забияк, что заспорят со мной, в речных потоках алеет потом. Завтра после восхода солнца и выступаем!

Даньцзила поднял пиалу с кумысом, злобно глянул на пленного халхасца и вдруг, похлопав себя по ляжкам, дико захохотал, как шулмус.

Галдан приказал воинам, все еще прижимавшим халхасца к земле:

— Выведите его за пределы наших караулов и отпустите подобру-поздорову!

Когда халхасца увели, Галдан, обращаясь к сидящим, негромко сказал:

— Атакуем ночью. А сейчас всем спать,— и жестом распустил совет.

Отборные воины Галдана ночью напали на передовой лагерь тушэту-хана, которым командовал Шанба-Эркэ-дайчин. Застигнутые врасплох, халхасцы были почти поголовно вырезаны. К утру часть тайчжи тушэту-хана, даже те, которые еще не испытали на себе ойратского удара, покинули его и бежали в сторону Китая, а то и просто куда глаза глядят. Тушэту-хану удалось удержать часть своего войска, образовать строй. Галдан лично выехал впереди войска.

Жилы надулись на мощном лбу,
Стали с нагайку величиной,
Сердце забилось в клетке грудной,
Десять кипело там отваг,
Готовых вырваться каждый миг,
Десять пальцев белых своих
Сжал он в грозные кулаки.
Страшно потрогать такого льва,
Каждый палец, что когти льва.

В лунках зрачки холодных глаз
Перевернулись двенадцать раз.
Сокол такими глазами глядит,
Сокол, когда за добычей следит!

И закипела битва, которая длилась почти три дня:

Луг закачался, красной рекой залитой,
И в мглу погрузился мир золотой,
Все перепуталось: пеший с конным
слился,
Возглас "ура!" с железным звоном
слился,
Конская кровь с человечьей кровью
слилась,
И до колен седоков она поднялась!

Вот нанесен жестокий удар и

Семьдесят пуговиц грозной брони
Разлетелись, и желтый меч
В тело вонзился пониже плеч,
Сердце чувствует сталь острия,
Шейные скорчились позвонки,
Крошевом стали ребра врага,
Разум иссяк недобрый врага,
Очи покрыла мутная тьма!

На четвертый день войска тушэту-хана дрогнули и обратились в бегство. Садилось солнце, окрашивая воду озера в цвет пролитой в эти дни крови. Луг был усеян трупами, по осклизлой от крови траве ходили ойратские воины и деловито снимали с убитых врагов доспехи. На следующий день тушэту-хан с остатками своей армии перевалил Хангай и тронулся в кочевья Чжэбдзун-Дамба-хутукты, к своей семье, под защиту пушек Канси. Цзасакту-хан был убит, цэцэн-хан умер, теперь ему, тушэту-хану Чихунь-Дорчжи, приходилось решать судьбу Халхи.

К зиме 1688 года Халха стала средоточием переплетения множества политических и личных интересов и

монгольской и ойратской землях. Галдан после конфликта с Чжэбдзун-Дамба-хутуктой, втянулся в войну в Халхе. Его вмешательство в халхаские дела, конечно, было не просто актом кровной мести за своего младшего брата. Галдан был против усиления в Халхе власти тушэту-хана, против объединения Халхи, а тем более под властью ханов, настроенных прокитайски.

Тушэту-хан, имея брата хутукту, опирался в своей политике и своем превосходстве над другими ханами Халхи на религиозную гегемонию в Халхе своей семьи и на связь с цинским двором, хотя и он субъективно не желал подчинения Халхи государству Цин. В критическую минуту, понимая, что самостоятельно ему не устоять, и боясь ойратов (а Галдан угрожал и жизни тушэту-хана, и жизни Чжэбдзун-Дамба-хутукты), он заколебался, кому подчиниться, России или Китаю, и, как увидим далее, выбрал Китай.

Цзасакту-хан Шара был убит тушэту-ханом. Цзасакту-ханы всегда боялись и тушэту-ханов, и ойратов, но первых больше и потому сотрудничали с ойратами.

Цэцэн-хан умер. Цэцэн-ханы, соседи маньчжур, имевшие с ними давние связи, не желали усиления тушэту-ханов, занимали антирусские позиции и были склонны стать подданными цинского Китая. Часть цэцэн-хановских тайчжи при приближении войск Галдана к Керулену ушла к границам Цин и приняла еще раньше тушэту-хана подданство богдыхана.

Тибетское правительство, как уже упоминалось, держало в тайне смерть Далай-ламы V, желая использовать во внешнеполитической деятельности его большой международный авторитет, в том числе и личный. Правительство Тибета, имевшее внутри страны осложнения от утверждения в Тибете ойратов Гуши-хана, извне боялось цинской угрозы. Оно, естественно, не желало подчинения Халхи Цин, а в ойратско-халхаском конфликте не желало открыто принять чью-либо сторону. Это, видимо, понял и Галдан во время свидания с

тибетским послом, призывавшим враждующие стороны к примирению.

Цинское правительство (его глава — богдыхан давно уже перестал быть только маньчжурским ханом, а стал императором Китая, представляющим великодержавные интересы империи), к 1688 году подчинив остров Тайвань, завершило объединение всех внутренних земель и было полно решимости уладить дела на севере. Прежде всего это были дела с Россией. Несколько слов об этом.

В 1682 году русскими в верхнем течении Амура был основан Албазинский острог. Русские землепроходцы активно двигались на восток, осваивая ничейные земли по Амуру. О том, что эти земли не принадлежали никакому государству, хорошо знали и цинские императоры. Они не раз устраивали походы на Амур, грабя местное население, угоняя тысячи пленных, особенно предков нанайцев, и обращая их в рабство или включая в свои восьмизнаменные войска. Русские не опустошали, а осваивали районы Приамурья, занимались там хлебопашеством и вызывали у цинского правительства желание вытеснить их из этого богатого края. В 1652 году маньчжуры напали в устье Сунгари на отряд казака Хабарова и вынудили его покинуть этот район. В 1658 году они атаковали между реками Сунгари и Хурха отряд Степанова.

В 1675—1678 годах Кан-си принял русского посла Николая Спафария (Минеску). Спафарий, как и прежние русские послы Федор Байков и Иван Перфильев, отказался встать на колени и трижды поклониться императору (за этот отказ Байков и Перфильев не были приняты Кан-си), разговаривал с Кан-си и принимал подарки стоя. Цинские власти потребовали, чтобы русские прекратили освоение Приамурья и чтобы русские послы исполняли унизительный церемониал приема. Постройка Албазинского острога очень обеспокоила цинское правительство. Сам Кан-си выехал в

Мукден, а в район Албазина направил сановника Лантаня якобы для охоты на оленей, а в действительности для военной разведки. Установив, что гарнизон русских казаков в Албазине невелик, Лантань сообщил Кан-си, что острог можно взять силой. В 1683 году, намереваясь штурмовать Албазин, цинские власти на правом берегу Амура сооружают крепость Сахалян-ула хотонь (Айхунь), а в Мукден перебрасывают войска из внутренних районов Китая. В июне 1683 года под Айхунем маньчжуры атаковали отряд Григория Меньшикова из 67 человек и разбили его. А через год, в июле 1684 года, они впервые напали на Албазин, подошли к нему на судах и захватили несколько десятков жителей Албазина, оказавшихся к моменту нападения за стенами укрепления.

Весной 1685 года цинские войска под командованием Пэн Чуня, имея в своем составе 10 тысяч солдат, 150 полевых и 50 осадных орудий, атаковали Албазин, гарнизон которого состоял из 450 человек и 3 пушек, к которым имелось 4 ядра. Не сумев взять крепость штурмом, цинские войска начали его осаду. Чтобы спасти женщин и детей, воевода Толбузин вступил в переговоры с Пэн Чунем. Стороны договорились, что цинские войска позволят осажденным покинуть крепость с семьями и оружием. В мае 1685 года Кан-си направил русскому царю Алексею Михайловичу письмо, в котором требовал, чтобы русские ушли с Амура. Однако, когда албазинцы добрались до Нерчинска, нерчинский воевода Власов отправил их обратно. Албазинцы, возвратившись, обнаружили, что крепость сожжена дотла, и стали строить новую, с земляным валом.

6 июня 1686 года цинские войска снова атаковали Албазин, на этот раз противопоставив 9 русским пушкам 400 своих. Тем не менее пять месяцев осады не дали результатов. Потеряв в боях 2500 человек, цинские военачальники прекратили активную осаду крепости,

но плотно блокировали Албазин. К маю 1687 года после боев из-за цинги в Албазине осталось только 70 человек.

В январе 1686 года русский посол Ф. А. Головин направился в Китай. Его посыльный, уведомивший цинские власти о прибытии посла из России, передал правительству Цин письмо с протестом против вторжения цинских войск на русскую территорию в районе Албазина. Цинские войска, сняв осаду, по-прежнему стояли лагерем в 5 верстах от Албазина. По прямому наущению цинских властей в январе 1688 года отряды тушэту-хана совершили нападение на русские города в Забайкалье — Селенгинск и Удинск, но были отбиты. Война тушэту-хана и Галдана и разгром ойратами тушэту-хана несколько изменили ситуацию. Кан-си, не завершив дел с Россией, не решался на открытое военное вмешательство в дела Халхи и в то же время стоял перед необходимостью защитить тушэту-хана, а точнее, вынудить его принять подданство Цин. Переход Халхи в подданство Цин укрепило бы позиции Кан-си и в переговорах с русским царем. Кан-си упорно добивался включения Халхи в состав Китая.

Россия в это время была озабочена конфликтом с Турцией и, учитывая огромные расстояния от центра до Амура, склонялась к урегулированию отношений с Цин. Халхаско-ойратские дела не представляли сколько-нибудь серьезного интереса для русской политики.

Наконец, существовала еще одна сила в лице племянника Галдана Цэван-Рабдана, человека, ненавидевшего своего дядю и используемого в Джунгарии теми, кто был настроен против Галдана. Антигалдановская политика неизбежно толкала Цэван-Рабдана и его союзников на связи с Цин. Целью Цэван-Рабдана было уничтожить Галдана и самому сесть на ханский престол Джунгарии.

В 9-м месяце (24 сентября — 23 октября) 1688 года оказавшиеся с остатками своих войск и людей у границ Цин тушэту-хан и Чжэбдзун-Дамба-хутукта гадали, как им быть. Подчинение Галдану было для них смерти

подобно. Высказывались мнения и за переход в русское подданство. Однако, памятуя неудачный поход в январе этого года на русские города в Забайкалье, тушэту-хан не считал подчинение России безопасным для себя. Тогда было принято решение подчиниться Цин. Этого и ждали от тушэту-хана и хутукты цинские власти. Нам важно отметить, что тушэту-хан и его брат пошли в подданство Цин отнюдь не без колебаний. Обстоятельства вынудили их сделать такой шаг.

1 октября 1688 года тушэту-хан и хутукта обратились к цинским властям с просьбой о принятии их в свое подданство вместе со всеми принадлежавшими им людьми. В их оправдание следует сказать и то, что не они первыми из халхаских монголов решились на такой шаг. Еще раньше подданство Цин приняли тайчжи цэцэн-хана Намчжил и другие. В письме цинским властям тушэту-хан и Чжэбдзун-Дамба-хутукта писали: ''Мы оба, недостойные, глубоко вникая в смысл полученных нами указов, не в состоянии скрыть своей радости. Почтительно извещаем, что управляемые нами с глубокой древности на протяжении многих поколений халхасцы левого крыла и присоединившиеся к нам нойоны правого крыла вместе с нами просят о том, чтобы всем нам позволено было подчиниться великому императорскому дому. Нижайше умоляем широко оказать нам щедрую милость и как можно скоре спасти нас''[50]. Этому письму предшествовало совещание тушэту-хана и его нойонов, проходившее под председательством Чжэбдзун-Дамба-хутукты. ''Здесь на сейме,— писал А. М. Позднеев,— ...и объявили о невозможности для Халхи продолжать свое существование самостоятельно и необходимости принять чье-либо подданство. Оставалось теперь решить вопрос, кому поддаться — русским ли, которые были известны у монголов в то время под именем Шара-Хитат, или маньчжурам — Хара-Хитат''[51]. Нойоны заявили, что о ''выборе, кому поддаться, пусть ведает нам лама, гэгэн'', и хутукта

выбрал Китай. По мнению М. Курана, хутукта только из-за религиозных соображений предпочел подданство Цин[52]. Посол хутукты, прибывший в Китай, дополнительно от имени хутукты заявил: ''Священномудрый император... указал мне заботиться о содержании в порядке священного учения... Неожиданно пришли ойраты и сожгли мои храмы и священные книги. И раньше у меня было намерение подчиниться Небесной империи... Священномудрый император из милости ко мне соблаговолит ли дать мне земли с хорошими пастбищами и водою? Кроме того, я прошу о восстановлении храмов. Все тайчжи восточного и западного крыла Халхи, почитая меня учителем, ламою, говорили, что если хутукта намерен подчиниться, то и мы тоже подчинимся... Я ответил, что... намерение мое твердо, а если у них есть искреннее желание подчиниться, то пусть поступают по своему желанию, мне же докладывать за них нет надобности''[53]. Естественно, что хутукта не имел реальных оснований говорить от имени всей Халхи. В его действиях прослеживалось стремление править Халхой так, как Далай-лама правил Тибетом, но сделать это самостоятельно, не попав в зависимость от Китая, он не мог.

Следует отметить, что не все халхаские правители сразу же последовали за тушэту-ханом и Чжэбдзун-Дамба-хутуктой. Некоторые из них подчинились Цин лишь через два-три года после этого, напуганные разорением Халхи. Часть халхасцев ушла на Кукунор к ойратам, управляемым потомками Гуши-хана, а часть — в Россию. По данным архивов Монгольской Народной Республики, с тушэту-ханом и хутуктой Китаю подчинилось не более 35 тысяч человек[54]. Причем многие из этих людей, как и часть подчинившихся позднее нойонов, были принуждены к этому. В летописи ''Эрдэнийн-Эрихэ'' прямо говорится, что хутукта и тушэту-хан, ''заставив последовать за собой халхасов, принесли девять белых и вошли в подданство''[55].

Китайское ведомство по связям с иноплеменниками (лифаньюань), исходя из того, что ''император десять тысяч государств рассматривает как единое тело и одинаково относится ко всем милостиво'', и учитывая, что тушэту-хан и хутукта ''искренне просят принять их в подданство'', высказалось за то, что ''следует принять их, дать им пропитание и создать для них условия безопасной жизни''[56]. Для свидания с хутуктой и тушэту-ханом был отправлен советник Арни.

Одновременно к Галдану прибыли послы Цин — Ациту и Байли. Галдан принял их почтительно и предложил прежде всего обсудить дела о пограничной торговле, ссылаясь на то, что ограничения, введенные Цин, непонятны его подданным. Они считают, что виной всему не приказ китайского двора, а его, Галданова, воля, из-за чего его ''старшие и младшие братья тайчжи'' находятся с ним не в мирных отношениях. Вместе с цинскими послами в Пекин поехал посол Галдана. Он повторил цинским властям старые обвинения в адрес тушэту-хана и Чжэбдзун-Дамба-хутукты, причем подтвердил, что тушэту-хан первым начал военные действия, ''напав на наших четырех ойратов''[57].

Из заявления Галдана следует два важных вывода: во-первых, его действия не встретили поддержки со стороны всех ойратских тайчжи и, во-вторых, он не хотел, чтобы война с тушэту-ханом после подчинения последнего Цин превратилась для него в войну с цинским Китаем. Цинский же двор вел переговоры с Галданом по двум основным причинам: прежде всего, цинское правительство получило пока не Халху, а лишь небольшую часть халхасцев, ибо Халха, по существу, находилась под контролем Галдана и там не имелось силы, которая могла бы противостоять ему; к тому же цинский Китай тогда еще не заключил мирный договор с Россией, который развязал бы руки маньчжурам для активизации их действий в Халхе.

В 11-м месяце (23 ноября — 22 декабря) 1688 года Галдан вновь заявил цинским властям, что он воюет

отнюдь не с Халхой, как таковой, а лишь с двумя людьми: тушэту-ханом и Чжэбдзун-Дамба: ''Семь знамен Халхи не являются моими врагами. Моими врагами являются только два человека — тушэту-хан и Чжэбдзун-Дамба-хутукта, губители веры Цзонхавы''. Далее Галдан утверждал, что тушэту-хан не только захватил владение цзасакту-хана, но и напал на пограничные районы Джунгарии. Он предлагал маньчжурскому императору не позволять тушэту-хану и хутукте переходить границы Цин[58].

Следует заметить, что в эти же дни, обсуждая дела, и цинский Государственный совет пришел к выводу, что тушэту-хан ''первый напал на ойратов''[59]. После обсуждения создавшегося положения совет и Кан-си избрали тактику выжидания, стремясь оттянуть время, снова предложив тушэту-хану и Галдану возобновить переговоры о мире, будучи уверенными, что стороны не примирятся. Тем более, что о себе активно заявила новая антигалдановская сила — его племянник Цэван-Рабдан.

* * *

Галдан охотился на дзеренов. Загонщики выгнали стадо козлов (с наступлением холодов они сбились в большие стада по 100—120 голов) на равнину, и охотники устремились к нему, торопливо вырывая из колчанов стрелы, натягивая тугую тетиву луков. Дзерены, охотники на конях, загонщики — вся эта живая масса металась и ревела, звенела тетива луков, свистели стрелы, падали окровавленные животные. Охота перешла в избиение, и Галдан отдал команду прекратить ее. Остатки стада обезумевших от страха животных умчались в сторону ближайшего холма.

На утоптанном гладком месте, где снег перемешался с песком, повара собирались готовить обед. Один из них, укладывая камни для тагана, громко приговаривал:

— Это хан-камень, это ханша-камень, это раб-камень.

Он навалил хворосту, быстро желтым стальным огнивом зажег бересту, и огонь весело запылал под котлом, полным свежего мяса. Рядом другой повар калил на огне камни, а третий вспарывал острым ножом горло козлу. Скоро козел будет зашит в собственную шкуру, наполненную раскаленными докрасна камнями, которые, отдавая свое тепло, сварят сочное мясо, а желудок козла наполнится жирным густым бульоном.

Когда сели в круг есть жирную сочную пищу и обогрелось крепким питьем нутро охотников, с западной стороны, из-за дальних холмов, на взмыленном коне прискакал гонец. Смята была шапка его, распахнут ярган, короткая шуба из конской шкуры шерстью наверх. Он спрыгнул с коня и зашатался от усталости. Постоял, ухватившись рукой за повод уздечки, и, отыскав глазами в кругу пирующих хана, пал на колени, прокричав:

— Великий хан, не вели казнить, вели миловать. Измена, хан.

Галдан побледнел. Он сразу протрезвел, в его темных глазах вспыхнули зарницы грозы, рука потянулась к мечу.

— Не вели казнить, хан, вестника печали. Если убьешь меня, прольется чаша крови и только, разобьются мои кости и только, а я еще могу служить тебе!

— Говори!

— Племянник твой Цэван-Рабдан выступил из долины Боро-Тала, пришел к Цаган-Обога и утвердился в качестве хана над твоими людьми, подданными твоими. Одна из супруг твоих, преданная тебе, передает:

О прирученный дикий мой балабан!
О украшенный гордый детеныш орла!
О припасенная мной для врага стрела!
Коршун мой, приносящий в клюве
гнездо,
Муж мой, спеши на помощь ко мне!

— Дерьмо! Я буду лично пытать его, буду альчик вертеть на его виске, овечью лодыжку ввинчивать в голову его через висок.

— Хан, Цэван-Рабдан захватил Турфан, разрушил Хами и перекрыл перевалы через Хангай.

Галдан вскочил с ширдыка — ослепительно белого прямоугольного ковра, обшитого по краям полосой мягкой кожи, пролилась чаша с дорогим виноградным вином из Яркенда, по белому полю ковра расползлось красное пятно.

— Я хан от рожденья и не терял своей державы, не терял своей земли-воды. Я был рожден для того, чтобы содрогнулись мои враги. Вот видите эту нагайку мою, сердцевина ее сплетена из шкуры трехлетнего быка, а снаружи покрыта она шкурою четырехлетнего быка, варили ее в слюне змей. Взгляните на оправу ее, стальные пуговки на ней и стальная на самом конце ладонь. Станешь бить — обожжет, как огонь. Этой нагайкой я сам подлого предателя запорю. Всех его дружков-приятелей велю казнить. Выступая в поход, сказал я, тому, кто выйдет из послушания у правившего от имени моего, я отрежу язык, отрублю уши его. Время пришло мне слово свое сдержать.

— Хан, Цэван-Рабдан, племянник твой, покорил хотохойтов.

Но безотчетная злоба уже утихла в груди Галдана. Нужно было действовать. Вот она цаган-ясу, белая кость, его нойоны — родовая знать, и зайсаны — знать, пожалованная им или Далай-ламой. Кто из них первым бросит его, кто уйдет первым домой в Джунгарию к Цэван-Рабдану? Страшная усталость навалилась на хана.

— Уберите его с глаз моих долой,— сказал он.

Гонца увели. Кончена охота, пора возвращаться домой. Злость снова закипела в груди Галдана. Он поднялся и пошел прямо через поставленную на войлоках еду, ступил ногой в деревянное корыто с мясом,

пнул чашу с кумысом, в гневе растоптал бурдюк и, изрыгая проклятия на голову недобитого когда-то племянника, скрылся за дверью своей походной юрты.

Отныне ставкой Галдана стала земля цзасакту-хана, долина реки Кобдо и долины рек, образующих верховья Селенги. По данным, полученным китайцами и сообщенными ими в Тибет, ''Галдан был разбит Цэван-Рабданом. Почти все его подданные разбежались. Кроме того, он находится в крайней нужде, дело дошло до того, что едят человеческое мясо''[60].

Сын покойного цзасакту-хана бежал от Галдана сначала в Южный Алтай, а затем летом 1690 года явился в Китай, подчинился и просил разрешить ему наследовать отцовский титул цзасакту-хана.

Такие вот произошли перемены. Наступали тяжелые времена. Охотник сам превратился в лань, на которую готовилась большая облава. Галдан лишился своей страны. Мы уже имели возможность убедиться в том, что ойратского единства не существовало, да оно и не было возможным, как отсутствовало и монгольское (халхаское) единство. И его в те времена нельзя было ожидать. Маньчжуры подтолкнули Галдана на войну с Халхой и не принимали против него активных мер до тех пор, пока он, борясь против тушэту-хана, довел его и принадлежавших ему людей до такого состояния, что они ''добровольно'' подчинились Цин. Уведя свои лучшие силы в разоренную войной Халху, Галдан вдруг увидел, что он и его политика не пользуются поддержкой большинства ойратов. Ойраты легко променяли его на Цэван-Рабдана, законного хана. Немаловажную роль при этом сыграла надежда на то, что торговля с цинским Китаем наладится. Подчинился Цин со своими 500 нойонами Огинчин-тайчжи — сын Чохур-Убаши. Галдан владел Халхой, а не халхасцами, которые в большинстве своем не хотели ни его самого, ни ойратской власти вообще.

В числе событий, определивших на ближайшие годы

положение Галдана и ход событий в Халхе, было и заключение Нерчинского договора между Китаем и Россией. 16 июля 1689 года цинские представители в сопровождении 8-тысячной армии и 76 военных судов прибыли в район Нерчинска, гарнизон которого состоял из 600 человек. В полуверсте от города был поставлен шатер, в котором и вел переговоры с цинскими дипломатами русский воевода Головин. Головин настаивал на том, что русские уже много лет владеют левым берегом Амура, а поэтому Амур является естественной границей между двумя государствами. Цинская сторона предлагала провести границу по Нерчинску. Поскольку Головин стоял на своем, то цины перешли к прямому военному давлению. Зная свое превосходство в силах, они блокировали Нерчинск. В Нерчинске начался падеж скота, поскольку блокированный город был отрезан от выпасов. Опасаясь эпидемий и учитывая сложность всей обстановки, русская сторона 23 августа решила отказаться от Албазина.

Нерчинский договор определял границу России с Цинской империей ''лишь в районе верхнего течения Амура, причем... довольно неточно. Земли к югу от реки Удь... были оставлены неразграниченными''[61]. Албазин был уничтожен, но с цинской стороны последовало клятвенное заверение, ''что на месте острога и в прилегающих землях никогда не будет никаких поселений''. Тем не менее в результате Нерчинского договора, практически навязанного России Китаем силой, Россия потеряла значительные территории, освоенные до этого в течение полувека русскими казаками и переселенцами. Следует еще указать, что пользуясь решением тушэту-хана перейти в цинское подданство, цины предъявили на переговорах претензии и на Забайкалье. Однако эти притязания получили отпор. Русская сторона напомнила цинским представителям, что вопросы размежевания в этом районе уже решены Россией с суверенными монгольскими ханами.

Но вернемся несколько назад, когда эти дела еще не были решены и цинские власти не имели точных сведений о действиях Цэван-Рабдана. Кан-си тянул время и, обратившись к Тибету за посредничеством, в который раз снова принялся за ''миротворство''. В конце весны 1689 года он направил Галдану письмо, в котором представлял действия тушэту-хана как ответные на выступление Галдана: ''...Из донесения тушэту-хана узнал, что ойраты наступают по двум дорогам, и поэтому тушэту-хан поднял войска, чтобы встретить врага''. Кан-си сообщал Галдану, что он упредил тушэту-хана: ''если ойраты не двинутся, а ты первый начнешь дело, то ты и будешь зачинщиком этой смуты''. Но тушэту-хан ослушался его и убил цзасакту-хана и т. д. ''Ты, поскольку он первый начал дело, поднял войска в поход и разгромил Халху, вина в этом халхасцев, а не твоя. Ты, человек, почитающий учение Будды, и хотя ты на территории Халхи сжег храмы и разрушил статуи Будды, я не слишком виню тебя. Ныне Халха разгромлена тобой. Ее ханы, джинонги, нойоны и тайчжи, возглавляя людей своей страны, первыми пришли и покорились мне''. ''Любое государство, которое, испытывая нужду, придет ко мне и покорится, я рассматриваю как часть единого тела и забочусь о его спокойствии и пропитании''[62]. Это был намек Галдану на переход в подданство. Взамен Галдану предлагали начать торговлю.

19 сентября 1689 года к Галдану прибыл посол Цин—Арни. Приведем его официальный отчет об этой поездке: ''7-го числа 8-го месяца (19 сентября) я прибыл в земли ойратского Галдана. После того как была закончена передача письма и подарков и я с Галданом выполнил весь положенный при встрече церемониал, мы сели и Галдан спросил меня, Арни: ''Князь прибыл как государственный секретарь для заключения клятвенного договора между мной и семью знаменами Халхи?'' Я ответил: ''Да''. Галдан еще спросил: ''Я

слышал, ты в прошлом году отправился на Селенгу. По какому делу? С войсками или без войска?'' Я ответил: ''Русский цаган-хан прислал доклад о делах на восточной границе. Следовало установить, где вести переговоры. И священномудрый император послал меня с приказом избрать земли на Селенге для переговоров. Со мной было только две тысячи солдат. В пути я столкнулся с тем, что твои ойраты затеяли с Халхой беспорядки. Священномудрый император узнал об этом. Я продолжал путь, памятуя о том, что ойраты и халхасцы воюют между собой. Но и ты и прочие, каждый из вас, сомневались, не веду ли я войска на помощь кому-либо. Поэтому было приказано расквартировать их на границе. В этом году вновь высланы послы для переговоров по этому делу''. На этом разговор закончился. И в честь меня и других был устроен пир. 18-го числа данного месяца (30 сентября) Галдан приглашал меня и прочих в свою юрту и, удалив посторонних людей, сказал: ''Беспредельно человеколюбие священномудрого императора. Он заботится обо всех живых существах и желает, чтобы все жили в мире, счастливо и равноправно. Я тоже согласен с этими целями его. Я за политику мира. Что же еще лучше этого? Я с мольбою прошу указаний от священномудрого императора и желаю по возможности следовать им. Однако Чжэбдзун-Дамба-хутукта и тушэту-хан первыми вызвали беспорядки, не имея на то никаких причин, начали войну, убили цзасакту-хана и Дэкдэки-Мэргэн-Ахая. Ведь тем самым они пошли наперекор стремлениям и приказам священномудрого императора! Разве до этого я уже два или три раза не посылал вам донесений об этих людях? Я ответил ему на это: ''Чжэбдзун-Дамба и тушэту-хан, жизнь которых висела на волоске, пришли и подчинились нам. Священномудрый император — государь Китая, правит Поднебесной. И забота о жизни этих одного-двух людей разве не является заботой о жизни всех живущих? Ты не раз присылал доклады, и священ-

номудрый император изучил их. Но столь же давно он хорошо осведомлен и о твоих поступках и догадывается о твоих истинных намерениях. С самого начала он посылал тебе письма и указывал прекратить войну, вернуться к прежнему миру. Сколько же раз надо говорить тебе об этом деле?" 22 числа (4 октября) Галдан прислал Даньцзила и Гэлэйгуина, и они снова вручили мне послание Галдана. Я порицал их, заявив: "Далай-лама прислал человека, и Илагуксан-хутукта также занят этим делом!" И этими словами ответил им, спросив: "Может быть, сверх этого вы скажете еще что-нибудь другое?" Даньцзила со слов своего хана ответил: "Истолкование дела, данное Далай-лама, одинаково с тем, на что указал нам священномудрый император. Ничего другого я сказать не могу". 24-го числа (6 октября) Галдан откочевал в западном направлении, а я, возвратившись к месту постоя, на следующий день отправился в путь и вернулся обратно"[63].

Прибывший из Тибета в Пекин посланник Далай-ламы Шамбалин-хамбо предложил Кан-си выдать Галдану тушэту-хана и Чжэбдзун-Дамба-хутукту. Кан-си не только отказал, указав, что он "обязан оберегать их", но и предложил тибетцам повлиять на Галдана с тем, чтобы тот "пришел и вступил в мое подданство", поскольку "я также смогу принять его и прокормить", "разве я схвачу его и выдам его врагам?"[64].

В начале 1690 года в Халху был послан сановник Вэньда с заданием тайно разведать положение дел у Галдана. Судя по собранным цинскими властями данным, в январе—феврале 1690 года Галдан лично или один из его отрядов совершил поход на восток в район рек Керулен и Ульдза и разграбил подданных цэцэн-хана. Тибетский посол Талай-кяньбу, опрошенный у заставы Цзяюйгуань, сообщил, что в 3-й день 12-го месяца (12 января 1690 года) Илагуксан-хутукта, Шаньнань-Дорчжи и посол Далай-ламы Чжирун-хутукта встречались с Галданом, а в настоящий момент (весной

1690 года) Галдан находится в Кобдо и собирает войска для похода на Халху. Цэван-Рабдан и бывшая жена Галдана Ану-хатун, принявшая сторону Цэван-Рабдана, постепенно переселились в старые земли Галдана, в его ''родовое гнездо''. Многие подданные Галдана бегут от него к Цэван-Рабдану. А в войсках Галдана, хотя и насчитывается несколько тысяч воинов, но очень мало лошадей. Лазутчики, подтверждая сведения тибетца, доносили, что у Галдана два человека садятся на одну лошадь, а те, кому не хватает оружия, рубят деревья, чтобы вооружиться.

Положение Галдана явно осложнилось. Цинские власти укрепляли свои границы и готовили войска, привлекая для этого прежде всего подчиненных им монголов, готовя их для походов в Халху. Они понимали, что на встрече с хутуктами Галдан дал понять, что решился на поход в юго-восточные районы Халхи. Отныне он вынужден был разрешить грабить халхасцев, чтобы удержать своих людей.

Кан-си в это время уже не настаивает на мире. Он заявляет, что отныне не принуждает враждующие стороны примириться. Достаточно того, что им будут известны его намерения позаботиться об этом[65]. На деле же Кан-си уже готовился к войне с Галданом. В мае 1690 года было решено, что в авангарде выступят южные монголы — чахары, а за ними восьмизнаменные войска с артиллерией, причем военачальники получили распоряжение увеличить в отрядах число пушек по сравнению с обычными нормами. Кан-си разрешил выступавшим на его стороне халхасцам заказать для себя оружие в Китае.

Цинские власти спешно стараются узнать подлинное состояние дел у Цэван-Рабдана, истинные причины государственного переворота, лишившего Галдана власти в своей стране, и довести до Цэван-Рабдана и Ану свое обещание ''увеличить им милости''. Из Цзяюйгуань, крайней пограничной точки цинских владений на

западе, в Джунгарию срочно поскакал гонец с письмом к Цэван-Рабдану. Кан-си, в частности, писал Цэван-Рабдану: ''Ныне я узнал, что ты находишься не в мирных отношениях с Галданом, поступают сообщения о поводах к ссоре. Твои ойраты исправно платили дань и слушались с исключительным почтением. Поскольку теперь вы сами затеяли между собой вражду, то этому обязательно есть какая-то причина? Мы крайне огорчены этим. В известиях, поступающих издалека, трудно отличить правду от лжи. Поэтому я специально и послал Даху, чтобы он привез и подарил Цэван-Рабдану и Ану 20 кусков разноцветных шелковых тканей, используемых императорами, а вы объяснили бы ему истинные причины вашей взаимной вражды, не утаивая ничего''[66].

Ответ китайская сторона получила со слов посольства Цэван-Рабдана, следовавшего в Тибет. Цэван-Рабдан обвинял Галдана ''в преступлениях'' и уведомлял Далай-ламу, что он поднял войска, чтобы покарать Галдана за это[67]. Во 2-м месяце (28 февраля — 30 марта) 1691 года Цэван-Рабдан и Ану, уже знавшие о поражении Галдана при Улан-Будуне, писали Кан-си: ''Мы находимся с Галданом во вражде''. ''В моем государстве,— писал Цэван-Рабдан,— смута. Причина ее в том, что Найчун-Омбо узурпировал власть и отравил моего младшего брата (Соном-Рабдана). Со мной он также в не согласии. Люди в моем государстве враждуют друг с другом и разбегаются исключительно только по этой причине''. Таким образом, через год после переворота Цэван-Рабдан считал Джунгарию уже ''своим государством''.

Как известно из других источников, Цэван-Рабдан полагал, что Найчун-Омбо, отравивший его брата, действовал по поручению Галдана. Ану, жена Галдана, которая, по некоторым сведениям, когда-то была просватана за Цэван-Рабдана и теперь активно приняла его сторону (ее все же, очевидно, не следует путать с

дочерью Очирту-хана, которая была предана Галдану до конца своих дней), в отдельном письме писала Кан-си: ''Мы получили приказ от Далай-ламы выделиться, Бошокту-хан пошел против учения Далай-ламы и сделал много несправедливостей, убил Соном-Рабдана. Кроме того, он отвернулся и от Цэван-Рабдана, и от меня. Поэтому каждый выделился и сам кочует отдельно''[68].

Борьба за власть, кровная месть между братьями от разных матерей, но от одного отца, вероятное несогласие с внешней политикой Галдана, рискованной в глазах многих ойратских тайчжи, лежали в основе государственного переворота в Джунгарии, лишившего Галдана не только ханского престола, но и родины и фактически отдавшего его во власть Кан-си.

* * *

По данным цинской разведки, Галдан к лету 1690 года еще имел сильную армию из ойратов и подчинившихся халхасов, в которой насчитывалось не менее 30 тысяч человек. Цинские власти располагали сведениями о том, что Галдан искал союза с русскими в войне в Халхе. Известно, что в Тобольске побывал ойратский посол Ирки-Дархан, который известил русских, что войска Галдана заняли Халху и находятся вблизи русских границ. Одновременно посол должен был выяснить возможность союза с Россией, исходя из событий последних лет под Албазином и Нерчинском. В Иркутск к воеводе Кислянскому и русскому послу Головину доставили письмо, в котором Галдан прямо просил направить русские войска на реку Керулен, чтобы соединиться с ними. Русская сторона в тот момент этой просьбы реально не могла выполнить. К Галдану был послан казак Кибирев, который прибыл в ставку Галдана одновременно с посланниками Тибета, как раз накануне нападения на ставку цинских войск.

Галдан просил у Кибирева прислать ему на помощь 20 тысяч человек. Кибирев никакого определенного ответа не дал, да и не мог этого сделать. Находившемуся в Пекине русскому представителю Лощанинову было заявлено, что, если Россия окажет помощь Галдану, это будет рассматриваться как нарушение мирного договора 1689 года. То же самое объявил в Нерчинске и посланный туда с этой целью цинский посол Сонготу. Поэтому, когда к местному воеводе Скрипицыну прибыл Аюка-Дархан-Хашка с письмом от Галдана, тот ответил, что не имеет прав на то, чтобы дать ратных людей в помощь ойратам Галдана.

Галдан, явно рассчитывая на русскую помощь, двигался в то время вниз по течению реки Керулен. Цинским властям доносили, что продовольствия у него мало, а поэтому ойраты, чтобы прокормиться, вынуждены убивать лошадей. Указывали также, что у Галдана войска 10 тысяч с лишним человек. Однако по другим сведениям, армия Галдана насчитывала в своем составе 40 тысяч человек и направлялась к реке Ульдза. Опасаясь вторжения Галдана в Маньчжурию, цинские власти срочно готовили ее западные границы к обороне, одновременно решив нанести контрудар по Галдану.

Пожалуй, можно думать, что именно к лету 1690 года Галдан как-то осознал, что он вступил в войну уже не только с тушэту-ханом, но и с цинским Китаем. Как раз в это время впервые появляются заявления его людей о какой-то идее общемонгольской общности. 19 июля ойратский авангард столкнулся с учжумуциньским монголом Мэргэном. Тот рассказал, что его тайчжи Баранчун-Нохэ, узнав о приближении ойратского отряда, выступил ему навстречу с вооруженными людьми числом более 100 человек. Ойраты не вступили с ним в сражение, а заявили:

— Вначале ты был халхасцем, а теперь ты солдат китайского императора. Мы же одного племени. Зачем же ты вооружился и поджидаешь нас? Ведь наши враги только халхасцы. Укажи нам, где они находятся?

Баранчун-Нохэ ответил:

— Все халхасцы бежали на юг. Где они теперь, не знаю.

— Мы с тобой друзья, мы не причиним тебе вреда,— сказали ойраты.— Просим, взяв мечи и пики, назначить день для заключения клятвенного договора. С нами находится Илагуксан-хутукта. Если не веришь, можешь поехать вместе с нами.

Забрав Баранчун-Нохэ с собой, они уехали. На следующий день ойраты забрали жену и сына Баранчуна-Нохэ и 60 его людей. Среди них был и рассказчик, который бежал в степь и наткнулся там на цинскую разведку[69].

Люди Галдана, таким образом, пытались внушить учжумуциньцам (восточным монголам), давно связанным с маньчжурами, что они с ними люди одного племени и воюют не с ними, а только с халхасцами. Речь шла о халхасцах тушэту-хана, что совершенно очевидно. По данным, приводимым монгольским историком Д. Гонгором, Галдан в это же время направил своих послов к южным монголам. Он писал им: ''Не смиряйтесь с вечным рабством, позорящим имена наших древних предков, поднимайтесь навстречу моему войску, чтобы единством сил отстоять родину. Вы знаете, что мы, монголы, народ могущественный и сильный с древних времен''[70]. Гонцы Галдана с этими письмами попали в руки цинских властей. В китайской хронике событий этот факт не отмечается.

Для цинского Китая война с Галданом за Халху была уже делом решенным. Государственный совет назначил дату начала похода — 8 августа. Поход должен был возглавить лично Кан-си. Заметим, что все это происходит на фоне явно не агрессивных действий Галдана, который через своего младшего брата Ханьду-тайчжи сделал заявление, доведенное до сведения цинских властей: ''Я напал только на моих врагов халхасцев и не осмелюсь нарушить границы Китая. Шаншу Арни

выступил с войсками и движется на север. На каком основании? Где находятся Чжэбдзун-Дамба, тушэту-хан и цэцэн-хан?''[71]. В ответ он получил письмо Кан-си, в котором, в частности, говорилось: ''Нынче учжумуциньцы послали к тебе людей. Ты им сказал: ''Я иду одним путем с Китаем, и я не осмелюсь нарушить границ внутренних земель'', но снова нарушаешь границы, ограбил учжумуциньцев. Не это ли отказ от только что перед тем сказанного и нарушение прежних дружественных отношений? Посланный мною ранее к тебе Илагуксан-хутукта до сих пор не вернулся. Каковы же твои подлинные намерения? Сейчас я послал к тебе с этим письмом Арбатэгу-Далая. У тебя еще есть возможность изменить свои намерения. Но если ты нарушишь границы, то лично я, все ваны, бэйлэ и тайчжи выступим в поход и разобьем тебя. Поэтому я и послал посла, чтобы остановить тебя из жалости к тебе. Скорее верни награбленное и подчинись мне!''[72].

С позиции, которую отныне занял в отношении Галдана Кан-си, положение ойратского хана стало безвыходным. Его предупредили, что в случае нарушения им границ, его уничтожат. Но не сделать этого Галдан не мог, ибо с момента подачи просьбы тушэту-ханом и Чжэбдзун-Дамба-хутуктой о вхождении в состав Цинской империи цинские власти считали Халху своей и пребывание там Галдана являлось нарушением границ Цин. А Галдану в то время некуда было деться, он лишился своего ''родового гнезда''. Не мог он отказаться и от грабежа, так как другого источника средств на содержание армии не имел. Добившись того, что халхаские ханы подчинились цинскому Китаю, и заключив мир с Россией, Кан-си твердо решил уничтожить Галдана. Это хорошо видно из тех инструкций, которые получил Арбатэгу-Далай перед своим отъездом к Галдану.

Арни и Арбатэгу-Далай прогуливались за пределами походного лагеря Арни. Где-то неподалеку суетились

люди, ржали кони, куда-то волокли медные пушки, а здесь, в лощине, у маленького степного озерца, было тихо. Арни шагал медленно, но твердо впечатывал каждый шаг в землю и в такт своим шагам столь же размеренно, негромко, но четко инструктировал Арбатэгу-Далая вдали от чужих ушей:

— Ты скажешь, что он прежде платил дань и не нарушал церемониала, а теперь нарушил границы и ограбил принадлежащее нам государство.

Арбатэгу-Далай взглянул на Арни, не ослышался ли он, уж слишком быстро Халха стала китайской. Где-то даже шевельнулась мысль: ''За нее ведь еще надо повоевать!''— и попросил:

— Повторите, господин государственный секретарь.

Арни спокойно, но медленнее прежнего сказал:

— Запомни, ограбил принадлежащее нам государство. Далее спросишь, каковы его теперь последующие намерения? Ведь богдыхан прислал тебя, Арбатэгу, своего посла, сделать ему порицание. Если он будет держаться почтительно, напомни ему, что он ранее считался послушным и стоит ему таковым остаться впредь, как войска, предназначенные для того, чтобы разгромить его, не будут отправлены. Он еще пока может изменить свои планы. Постарайся подчеркнуть: ''Пока еще может!''

— Если хан будет гневаться?

— Ты не гневайся, сдерживай себя, но сам держи хана в волнении.

— Галдан, наверное, знает о готовности наших войск к походу?

— Если он спросит тебя, почему китайские войска отправляются в поход, ты скажи ему, что слышал об этом. Поясни ему, что виноват в этом он сам. Это он без всякой на то причины нарушил границы, а наши войска высланы для охраны наших границ.

— А если он спросит, выступит ли с войсками богдыхан или кто из великих князей?

— Отвечай: об этом не следует никому знать. И еще добивайся, чтобы он послал посла. Если он заявит, что он не может послать посла, ты скажи, что ты сам берешься срочно передать его доклад богдыхану.

— Слушаюсь.

А теперь слушай главное,— Арни остановился, пристально посмотрел на Арбатэгу-Далая и сурово произнес:— Тайный приказ богдыхана: твоя задача состоит в том, чтобы задержать Галдана и помешать ему выступить первым. Наша великая армия будет двигаться только ночами, строго соблюдая меры предосторожности. Поэтому, если Галдан захочет отвести свой войска, твоя задача задержать его и не позволить ему уйти из-под удара![73]

Арбатэгу-Далай, как и мы с вами, читатель, должен был понять, что отныне любые переговоры с Галданом — это лишь ширма, прикрытие для более успешного осуществления основной цели — разгрома армии Галдана и физического уничтожения его самого. Арбатэгу не нашел Галдана. Проблуждав по степи и израсходовав продовольствие, он вернулся ни с чем.

В 6-м месяце (6 июля — 4 августа) 1690 года две цинские армии (одна из Маньчжурии в направлении реки Керулен под командованием Арни, вторая с юга, из района городов Калгана и Хух-Хото в направлении реки Толы) выступили в поход на Галдана. В походе участвовали маньчжуро-китайские войска, а также отряды южных монголов и халха-монголов.

Галдан со своими войсками в это время находился на реке Ульдзе, в северо-восточных районах Халхи. Корпус Арни атаковал его лагерь 26 июля 1690 года. Ойраты, используя огнестрельное оружие, отразили атаку цинских войск, а затем ударили по ним с флангов и нанесли Арни поражение. Арни отступил, а Галдан двинулся на юг, в район реки Шара-Мурэн, к границам Цин. Здесь он ограбил кочевья учжумуциньцев (северо-восточные районы нынешнего автономного района Внутренняя Монголия, КНР).

Навстречу Галдану Кан-си отправил две армии: левого крыла из Губэйкоу и правого крыла из Сифынкоу. Левым крылом командовал циньван Фу Цюань, его заместителем был назначен старший сын Кан-си Юнь Ти. Войска имели предельно четкую задачу: ''уничтожить ойратов и очистить от них территорию''[74]. Кроме того, было обещано ''тем, кто окажется способен пленить или убить Галдана и затем покориться'', дать высокую награду. Сам Кан-си выехал в расположение войск. Галдан в тот момент, по данным цинской разведки, находился в кочевьях Учжумуцинь, в местности Чирса-Булак.

Галдан понимал нависшую над ним опасность и не желал прямой скорой конфронтации с основными силами цинских войск. От него прибыл посол Дархан-Галдан с заявлением: ''Мои враги — халхасцы. Только преследуя их, я пересек границу. Следуя законам и пути китайского императора, я не осмелюсь на безрассудные действия''. Кан-си в ответном письме, перечислив Галдану все его прегрешения, заявлял, что его армии выступили в поход не для того, чтобы покарать Галдана, ''а только из желания обсудить с ним дела''[75].

18 августа чахары, посланные в разведку, доносили, что ойраты находятся в верхнем течении реки Чжахэрхун, в двух днях пути от цинских войск, расквартированных у реки Цзиэрхэ. К одному из командующих цинских войск прибыл гонец Галдана с заявлением: ''Я сам прибыл к границам, но совсем не намерен нарушать их осенью... Ныне я узнал, что сконцентрированы войска всех дорог. ...Но пусть подходит хоть стотысячная армия, зачем же нам бояться ее?''

Это послание положило начало еще одному туру переговоров перед решающим боем. Галдан, оттягивая столкновение, заявил: ''Священномудрый император — государь юга. Я — правитель севера. Я иду с Китаем по одному пути, в одном направлении. Хотя я и подошел к границам, но я только ищу своих врагов и все и не

намерен нарушать их и на волос. Сейчас я узнал, что послан шивэй Ананьда, который с войсками дошел до реки Хулугур и соединился там с двумя шаншу. Ананьда несколько раз посылал ко мне послов, и я постоянно принимал их. Теперь время поговорить о верности и восстановлении мира!''[76]

А тем временем армии Цин все продвигались и продвигались на север. К Кан-си поступали донесения о том, что ''войска постепенно сближаются с противником''. Галдан снова послал в один из отрядов цинских войск своего представителя, все еще надеясь уйти от прямого столкновения. Гулугэ — посланец находившегося в войсках Галдана тибетского представителя Джирон-хутукты, и Хатань-Хошици — посланец лично Галдана, заявили: ''Наш хутукта до этого посылал посланца в армию военачальника Амида и сообщил ему указания, данные Далай-ламой Галдану: ''Ты замирись с императором Китая!'' Теперь ты преследуешь и ищешь тушэту-хана и Чжэбдзун-Дамба и только. Если по этой причине возникнет вражда, то это непременно повлечет за собой причинение вреда живым существам, которые не найдут для себя спокойного места. Галдан с исключительным почтением отнесся к этим указаниям. Поэтому он приказал нам прибыть к китайским военачальникам и сообщить им об этом''[77].

Командующий войсками Цин, докладывая об этом визите послов Галдана Кан-си, выразил лишь одно опасение: ''Боюсь, что он уйдет на запад''. Поэтому Фу Цюань срочно посылает Галдану 100 баранов и 20 коров и быков и пишет: ''Император специально послал нас обсудить и решить это дело, установить долгий и прочный мир... В каком месте мы встретимся и проведем переговоры? Определим место и решим большое дело!''[78]. Заверяя Галдана в стремлении установить долгий и прочный мир, Фу Цюань и старший сын Кан-си между тем одновременно отдают приказ войскам выстроиться в боевые порядки для предстоящего сражения с Галданом.

В это время (31 августа) Кан-си заболел и вынужден был из расположения армии возвратиться в Пекин. Пока Кан-си ехал в Китай, посланный им Арбатэгу-Далай наконец нашел Галдана и снова высказал заверения, что священномудрый император желает только мира. Галдан же твердил ему в ответ свое: ''Скоро ли вы выдадите мне тушэту-хана и Чжэбдзун-Дамба-хутукту?''

Между тем цинские войска и армия Галдана уже сошлись в Улан-Бутуне. Здесь они начали свои первые подлинные ''переговоры'', в ходе которых стороны высказывались гулом артиллерийских и ружейных залпов, а протоколы писались кровью ойратских, халха-монгольских, чахарских, маньчжурских и китайских солдат.

Утром 3 сентября 1690 года кончил заседать военный совет, созванный Галданом. На нем было принято решение самим не атаковать противника, а строить ''верблюжью крепость'' и ждать наступления противника. Галдан встал и, отпуская своих военачальников, сказал им на прощанье:

— Об отправившемся на охоту говорят ''стрелок'', об отправившемся в поход говорят ''удача''. От судьбы не уйдешь. Будем сражаться, готовьте войска тщательно.

Воины надевали куяки — ватные куртки с нашитыми на них железными пластинами шириной в ладонь, кто был побогаче, надевали панцири и латы, ойратские и трофейные, а головы покрывали железными шишаками. Точили сабли и копья, проверяли луки и стрелы, туги ясеневые луки и луки-киверы, из которых стреляли стрелами с лопатообразными наконечниками. Такой стрелой можно было даже обезглавить врага.

Галдан ходил по лагерю и с горечью думал о том, что мало у него ружей и практически нет пушек. Он поднялся на гору и оглядел позиции. Горный склон порос лесом, деревья подступали прямо к берегу реки, местами высокому. Мелкая и неширокая река с топки-

ми берегами с правого фланга отделяла войска Галдана от цинского лагеря. Солдаты вязали верблюдам передние и задние ноги и, уложив их, клали им на спины грубо сколоченные щиты, прикрытые мокрым войлоком. Между щитами оставляли щели-амбразуры. Щиты хорошо укрывали от стрел, но не от ядер и пуль. Из-за них было удобно стрелять, удерживая натиск наступавшего противника. В укрытии за горой сосредоточивалась конница. Горели костры, кипели котлы, солдаты опускали в кипящую воду узкие полоски сушеного мяса (несмотря на осень, свежего мяса уже давно на всех не хватало), доставали хурусун — сухие сыры, изготовленные из смеси кумыса с коровьим молоком.

Галдан вглядывался в громадный китайский лагерь. Угрожающе сверкала на солнце медь пушек, а на флангах сосредоточивались монгольская и маньчжурская конницы. Они-то и будут главной ударной силой. Ничего, подождите, гибельной станет война для вас, еще многих не досчитаетесь вы, когда наступит грозный час битвы.

Галдан спустился с горного склона. У одного костра старый седой воин пел окружавшим его солдатам слова клятвы воинов из старинного сказания:

Жизни свои острию копия предадим,
Страсти свои державе родной посвятим,
Да отрешимся от зависти, от похвальбы,
От затаенной вражды, от измен, от алчбы.
Да никогда богатырь не кинется вспять,
Вражью завидев неисчислимую рать!
Да никогда никому бы страшна не была
Сила железа, каленного добела!
И да пребудем бойцами правдивыми мы,
И да пребудем всегда справедливыми мы!

''Джангар'',— определил Галдан, сам очень любивший слушать сказание о Джангар-хане и его богатырях. Он посмотрел на воина: ''Не знал я его, верно, хороший джангарчи, жаль, убьют!'' Радовал Галдана боевой дух

войска. Воины кричали из-за щитов гарцевавшим по ту сторону реки солдатам:

— Пусть я подвергнусь в этой жизни гневу богдо если не возьму тебя в плен!

— Мы будем биться с вами до последнего. Нет ужасней греха, чем быть побежденным. Пусть в будущей жизни попадем в ад к Эрлик-хану, не страшны муки, вам-то не уйти отсюда живыми!

Галдан остановил одного воина, спешившего к верблюжьей крепости, и спросил:

— Не боишься, что погибнешь в бою?

Воин, глядя в глаза хану, спокойно ответил:

— Такова наша судьба, твоих воинов, хан! Буду ранен и кровь пролью, обогатится земля лишь глотком одним, погибну здесь, в далеком краю, высохнут кости мои, горстью праха обогатится земля!

Отвечал воин согласно обычаю. Но готовность умереть — это еще не готовность победить. Если б не эти пушки!

Цинские пушки не заставили себя ждать. В полдень гром их потряс небо и землю. Две пушки Галдана, которые начали вести ответный огонь по цинским позициям, вскоре замолкли. Артподготовка длилась до вечера, и не прикажи Галдан отвести лучшие свои части за гору и в глубь леса, ему не с кем было бы вступать в сражение. Верблюжья крепость была разрушена. Обезумевшие от страха верблюды рвали путы, некоторым удалось бежать, а большая часть их погибла. Когда солнце уже садилось, в атаку пошли монгольская и маньчжурская конницы, а вслед за ними китайская пехота. Галдан срочно приказал выводить своих людей из укрытий к крутому берегу реки. С молитвою ''Ом мани падме хум'' быстрее ветра бросились его желтые львы навстречу врагу. И засверкали желтых мечей закаленные острия, пики с мечами стали ручьями дождя, падшие поднимались и падали вновь, потоками полилась черная кровь. Цинские войска опрокинули

левый фланг Галдана, в чем им очень помог обходный маневр группы цинских войск, которая, скрытно перейдя реку, обошла гору и ударила в тыл. Как будто налетела злая ведьма-шулмус с медным клювом и сайгачьими рогами. Ойраты поздно заметили врага. Левый фланг был смят и разгромлен:

Самые славные рати богатырей,
Самые стойкие — в беспорядке бегут,
Самые храбрые — без оглядки бегут.

Но Галдан, следивший с горы за ходом боя, увидел, что не все воины бегут в панике с поля боя. Часть их отходила, сохраняя порядок, отбиваясь от врага, некоторые даже уводили с собой вражьих коней, подвязав им седла под живот. ''Сохранить армию! В ней мое спасение!''— пронеслось в голове у Галдана. Ведь устоял же центр, устоял правый фланг, защищенный с фронта болотистым низким берегом реки. ''Сохранить армию!''— с этой мыслью Галдан направился к центру, в самое пекло боя.

С наступлением ночи сражение прекратилось. Фу Цюань, не имея возможности продолжить и закрепить успех, дал приказ отвести войска в лагерь.

Галдан тоже тотчас же отдал приказ об отходе. За ночь ойраты не смогли уйти далеко. Спешно, насколько это было возможно, они заняли новые позиции. ''Спасти армию!— эта мысль раскаленным гвоздем сверлила мозг Галдана.— Если я останусь в Халхе без войска, я стану добычей любого халхаского тайчжи''. К утру Галдану показалось, что он нашел выход. Он кликнул караульного:

— Срочно пригласите его преосвященство Илагуксан-хутукту!

Сонный и испуганный хутукта через четверть часа вошел в юрту Галдана.

— Хутукта, давней моей любовью к Тибету и Далай-

ламе прошу, поезжайте к князю-командующему и принцу и передайте: "Саблю я в ножны вложу, помирюсь я! Искать вражды не стану я! Мир, мир между нами!" Пусть только отдадут мне тушэту-хана и Чжэбдзун-Дамба-хутукту.

Хутукта с тревогой всматривался в бледное лицо Галдана, вслушивался в его сбивчивые слова. Зачем мир, когда еще нет поражения? Отступление есть, а поражения нет?

— Хутукта, поезжай немедленно, пока ты ведешь переговоры, я спасу армию.

Хутукта понял:

— Я выполню указание хана!

Галдан вслед тронувшемуся к двери хутукте сказал:

— Передай, что за тобой я пришлю еще Чжирун-хутукту с учениками!

Илагуксан-хутукта молча вышел, и Галдан услышал, как он прямо у его юрты стал отдавать распоряжения сопровождающим его ламам.

Фу Цюань ночью послал в Пекин гонца с извещением об одержанной победе и гадал, погиб Галдан в битве или нет? Когда утром Фу Цюань собирался отдать приказ войскам о новом наступлении, он обнаружил, что Галдан отошел на новые позиции, а от него прибыл для переговоров Илагуксан-хутукта, Фу Цюань начал переговоры. Это было его ошибкой. Пока Илагуксан-хутукта просил мира и выдачи тушэту-хана и его брата, Галдан спешно готовил своих людей к организованному отходу. 5 сентября вечером он пригласил к себе Чжирун-хутукту.

— Хутукта, помоги мне. Поезжай для переговоров и тяни время. Я обещал, что ты приедешь. Скажи, что я больше не требую выдачи тушэту-хана, а Чжэбдзун-Дамба-хутукту пусть они отправят в Тибет.

— Хан, позволь мне взять с собой моих учеников.

— Возьми, но не всех, оставь мне солдат. Давай простимся.

Галдан подошел к хутукте, обнял его и носом приник к его щеке.

— Мне нечего тебе подарить. Возьми вот мешочек эзге, я знаю, ты любишь есть с маслом эти маленькие овечьи сыры.

— Спасибо, хан.

6 сентября в ставку Фу Цюаня прибыл и Чжирун-хутукта с 70 учениками. Фу Цюань не пустил это посольство в лагерь, а поставил для хутукты и его учеников юрты за его пределами.

Переговоры происходили в шатре командующего. Хутукта вручил Фу Цюаню хадаки, а потом заявил:

— Бошокту-хан доверился наущениям Илагуксана и Шанань-Дорчжи и поэтому нарушил границы. Крайне прискорбно, что он совершал грабежи.

— Илагуксан-хутукта подучал его?— Фу Цюань ушам своим не верил. Фактически Галдан выдавал ему Илагуксан-хутукту с головой.

— Священномудрый император,— продолжал Чжирун-хутукта,— государь, управляющий вселенной. А Бошокту-хан только старшина маленького племени. Как он осмелился бы совершать столь недостойные поступки.

И снова удивился Фу Цюань. Посол ругал хана, от которого был послан.

— Ловить своих врагов,— хутукта потупил взор,— тушэту-хана и Чжэбдзун-Дамба-хутукту — это большая ошибка со стороны Бошокту-хана!

Выжидающе смотрел хутукта. Молчал, ожидая, и Фу Цюань.

— Теперь,— хутукта сделал паузу,— теперь Бошокту-хан уже не желает ловить тушэту-хана. Он только просит священномудрого императора передать Чжэбдзун-Дамба его учителю Далай-ламе.

— Я извещу об этом императора.

Хутукта пригубил пиалу с ароматным китайским чаем.

— Я и раньше уговаривал Галдана просить мира. Не следовало доводить дело до крайности. Откочуй подальше и жди,— говорил я ему,— вернись туда, где есть вода и трава, и ожидай.

— Тушэту-хан и Чжэбдзун-Дамба действительно совершили кое-какие проступки. Но наш священно-мудрый император сам награждает отличившихся и наказывает виновных. Как может Галдан-хан просить, чтобы Чжэбдзун-Дамба-хутукта был отправлен к Далай-ламе?

— Я вернусь и приложу все силы к тому, чтобы убедить Галдана не доискиваться Чжэбдзун-Дамба и покинуть пределы интересов Цин.

— А ты, хутукта, можешь помочь нам в том, чтобы удержать Галдана, чтобы он не убежал от нас?

Хутукта похолодел.

— Ну что вы, Галдан обязательно будет ждать меня и не уйдет далеко.

— Если моя армия сойдется с ойратами, она непременно разгромит их. Но я уважу вашу просьбу.

Хутукта был доволен. Шли переговоры, и уходило время. Фу Цюань подарил хутукте халат и золото. Два его ближайших ученика были отправлены оповестить о ходе переговоров Галдана. Скакали гонцы и к Кан-си с известием о ходе переговоров.

Галдан между тем не дремал. Видя, что его план удался, он собрал свои войска, людей и скот, переправился через реку Шара-Мурэн, перевалил через горы Дацзишань-Алинь и ускоренным маршем двинулся на запад. Вся надежда теперь была на коней:

Больше, чем собственной женой,
Милой женой, разделяющей ложе со мной,
Священногривый мой, дорожил я тобой.
Больше, чем сердцем, воинственным сердцем
своим,
Больше, чем сыном, единственным сыном
своим,

Жемчужнохвостый, дорожил я тобой.
Так полети, быстроног и зорок, теперь,
Голод и жажду, холод и зной претерпи!

К этому времени Государственный совет Цин понял, что Галдан ушел. В решении совета говорилось: ''Совершенно очевидно, что переговоры с прибывшим Чжирун-хутуктой — это ошибка. Разве наша армия из-за того, что слушала его, не виновна в том, что упустила случай? Просим императора отдать приказ командующим срочно преследовать Галдана и по возможности уничтожить его''[79]. Кан-си признал действия Фу Цюаня и своего сына ошибочными. Приказ ''начать наступление и уничтожить'' явно запоздал, Кан-си отозвал своего сына из армии, а всех пойманных ойратов приказал казнить.

Галдан, стремясь предупредить преследование, еще раз прислал клятвенное письмо с обещанием, что если ''император удостоит его мира, то он с этого момента не осмелится нападать на Халху''[80]. У цинских властей в свою очередь созрел план вести переговоры с Галданом через Чжирун-хутукту и тем самым заставить его приблизиться к расположению своих войск. Но это были благие пожелания. Галдан спешно уходил в Кобдо. Итог был таков: Галдан ушел, он сохранил армию, одна часть Халхи осталась в его руках, а другая постоянно находилась под угрозой его вторжения. Цин, чтобы закрепить за собой Халху, нужно было уничтожить армию Галдана и желательно его самого.

Поскольку цинское правительство стремилось довести дело до конца и в военном столкновении с Галданом покончить с ним, Кан-си снова пошел на обман. В письме к ойратскому хану он отрицал намерение цинского правительства воевать с ним. Он утверждал, что войска были высланы им ''для ведения совместно с тобой переговоров и не имели приказа покарать тебя. Твои войска первыми пришли в движение, и только тогда мы начали поднимать войска. После

этого сражения князь и сановники просили моего позволения снова начать сражение, но я запретил им делать это. (Какова, читатель, уверенность в своей силе и правоте! Ведь и приказ о принятии всех мер для поимки и уничтожения Галдана, и цитируемое письмо к Галдану были опубликованы еще при жизни Кан-си в одной книге, почти рядом!) ...Теперь ты прислал клятвенные заверения, что просишь простить содеянные тобой преступления и хочешь мира. ...Твои войска должны покинуть мои пределы и жить вне их, ты не должен захватывать ни одного человека из принадлежащих мне племен халхасцев, ни одной их скотины''[81]. В то же время войскам предписывалось быть в боевой готовности и не верить клятвам Галдана.

В декабре — январе 1690—1691 годов Галдан находился на Ононе. Чтобы успокоить его, в январе 1691 года Кан-си распоряжается подарить ему 1000 лан золота. В феврале Галдан зимовал в Хан-Ула, недалеко от нынешнего Улан-Батора. В Халхе, по словам китайцев, в это время и грабить было нечего. К Галдану прибыл гонец от Кан-си. Кан-си писал: ''Теперь я слышал, что у твоих ойратов кончился скот и вам нечего есть. Вы находитесь в крайне затруднительном положении, люди непрерывно один за другим мрут от болезней. ...До этого я писал Далай-ламе, что если Галдан будет не в силах ничего предпринять и придет и покорится мне, то я тоже приму его и возьму на содержание. ...Ныне ты действительно в трудном положении, лишен продовольствия и не можешь вернуться в свои старые земли. Перекочевывайте поближе к границам Цин! Я щедро награжу вас. А если вы решитесь принять подданство Цин, то в изобилии обеспечу продовольствием и ни в чем не упрекну тебя... Ты тоже клялся ранее не нападать на халхасцев. К тому же моя армия на месте и находится в состоянии боевой готовности. ...С этого момента и в дальнейшем твоим людям нечего будет грабить, они не могут вернуться на старые земли,

народ все больше и больше будет гибнуть и, хотя раскается, но будет уже поздно. Ты должен все это хорошо осознать!"[82].

Надо отдать должное информированности Кан-си. Он правильно обрисовал положение Галдана, и то, что ожидает его в будущем.

Из района Улан-Батора Галдан постепенно продвигался на запад в Кобдо, куда прибыл летом 1691 года. Все это время Кан-си готовил съезд халхаских ханов и знати в Долон-Норе, призванный юридически оформить включение Халхи в состав империи Цин. Съезд собрался в мае 1691 года.

На берегу озера за оградой в четыре ряда была установлена императорская юрта, а рядом две просторные юрты для заседаний. Полы в юртах устилали громадные белые войлоки и циновки из Вьетнама, стены юрт покрывал голубой и желтый шелк с нарисованными на нем или вышитыми знаменами и драконами. Вокруг располагалась личная гвардия Кан-си, состоявшая исключительно из маньчжур. Сам Кан-си предстал перед монгольскими ханами и тайчжи в латах и шлеме. Он лично произвел смотр цинских войск и объяснил халхасцам маньчжурский и китайский военный устав. Кан-си принял 35 правителей Халхи, каждого в отдельности, представлял их императору Чжэбдзун-Дамба-хутукта.

В семь рядов сидели халхаские ханы и тайчжи перед Кан-си на съезде, и тушэту-хан Чихунь-Дорчжи сидел первым. Основным итогом совещания было административное включение Халхи в состав цинского Китая на тех же условиях, на каких входили 49 знамен южных монголов, покоренных 45 лет тому назад Абахаем. Тушэту-хан, Чжэбдзун-Дамба-хутукта и малолетний сын покойного цзасакту-хана Цэван-Чжаб получили титулы циньванов, принцев крови. Тушэту-хан заявил:

— Наши рабские, стоявшие на краю гибели существа по бесконечной милости священномудрого императора

снова получили силу. Отныне и впредь мы желаем жить спокойно и находить радости в мире и согласии. Жалею, что со всем своим народом не подчинился священно-мудрому императору ранее!

Чжэбдзун-Дамба-хутукта получил титул Великого ламы и был признан главой буддистом Монголии.

Кан-си в большом письме извещал Далай-ламу (правительство Тибета) о результатах работы Долон-Норского съезда и просил вернуть на место прежнего жительства тех монголов, которые во время прошедших войн бежали в Тибет. О Галдане Кан-си писал: ''Известно, что Галдан находится в крайне трудном положении, лишен пищи и голодает. Из этого можно видеть, что Галдан совершил преступление против самого Неба. Не исключено, что он придет и покорится тебе, лама. Если он действительно придет и покорится, то как ты его разместишь? Только ты, лама, можешь решить это. Уходя, Галдан дал клятву. Если он нарушит эту клятву и хоть где-то нападет на подчинившихся мне халхасцев, я немедленно отправлю в поход войска по нескольким направлениям и обязательно уничтожу его''[83]. Собственно, это письмо можно понять как намек тибетскому правительству пригласить к себе Галдана с его армией. Это был умный ход. Если Галдан сумел бы пройти в Тибет, он освобождал Халху, а если по пути его перехватили бы цинские войска и уничтожили, то это было бы еще лучше. Кан-си постоянно стремился заманить Галдана поближе к границам Цин. В июле 1691 года он призывает его ''переселиться поближе к пограничным крепостям. Я увеличу тебе награды, чтобы ты смог жить там, а если ты примешь мое подданство, то я щедро и милостиво стану содержать тебя''. Галдану было послано 500 лан золота. Он ответил: ''Ранее я столкнулся с большими трудностями, теперь же дела мои обстоят лучше''[84]. Галдан понимал, что идти ему к границам Цин нельзя. Он осваивался в Западной Монголии и копил силы для каких-то действий, которые

позволили бы ему или прочно завладеть Халхой (либо частью ее), или возвратиться к власти в Джунгарии.

* * *

Можно не сомневаться, что Галдан делал все возможное для упрочения своего экономического положения, укрепления армии и поисков выхода из того тяжелого политического кризиса, в котором он оказался. После Долон-Норского съезда Халха вошла в состав Цин, и он фактически жил на территории Цин лишь временно вне пределов досягаемости цинских войск. В 5-м месяце 1692 года (15 мая — 13 июня) Кан-си отдал приказ разделить Халху на три дороги: владения тушэту-хана были объявлены северной дорогой, цэцэн-хана — восточной и цзасакту-хана — западной.

В 9-м месяце (10 октября — 7 ноября) Галдан послал письмо Кан-си и просил его вернуть халхасцев в Халху — ''вернуть 7 знамен на их прежнюю землю''. Кан-си в длинном письме Галдану, повторив всю свою версию происшедших событий и подчеркнув, что он спас халхасцев, спрашивал Галдана: ''Халхасцы не имеют скота и продовольствия. Если они вернутся на старые земли, то кто будет кормить их? Ясно, что они будут голодать и погибнут''. Далее Кан-си писал, что он известил Далай-ламу о спасении халхасцев от голодной смерти, и Далай-лама одобрил его действия. ''Теперь я посылаю тебе это письмо. Ты прочти его. А если Далай-лама пришлет тебе письмо и будет говорить иное, то ты можешь доложить об этом. Еще ранее я слышал, что Цэван-Рабдан живет не в согласии с тобой. О слухах трудно судить, достоверны они или нет, и я послал... Даху расспросить его. Цэван-Рабдан просил меня увеличить милости, и поэтому я послал... Мади передать подарки. При этом, посылая его, я не желал вмешиваться в твои дела, однако мой посыльный Мади подвергся нападению твоих людей''.

Галдан прервал чтение. Значит, богдыхан не доверяет Далай-ламе. Намекает, чтобы я сообщал ему все, что пишут из Тибета. Он, конечно, в сговоре с Цэван-Рабданом, но делает вид, что не лезет в наши дела. Мои люди перехватили Мади у Хами. Но не убили его. Все правильно, следовало напугать, чтобы часто не ездили из Китая к Цэван-Рабдану, а с другой стороны, не следует слишком злить богдыхана. Галдан взял письмо и стал читать дальше: ''Ты сообщая, чтобы я разрешил выдать Чжэбдзун-Дамба и тушэту-хана. Это только ничтожные люди желают сами содрать кожу с их тела. Разве об этом стоит говорить? ...Порядочно ли это, выдавать подчинившихся тебе людей их врагу? ...Ты ведь ныне нарушаешь данную тобой ранее клятву, требуя подчинившихся мне людей. ...Разве Далай-лама учил тебя нападать на моих послов и требовать выдачи подчинившахся мне людей? ...Если ты и впредь будешь так нарушать клятву, то я не стану принимать твоих послов и буду отсылать их обратно''[85].

Галдан отшвырнул письмо и выругался. Требовалось что-то предпринять, чтобы вернуть людей, заставить их пасти скот, снабжать армию, повести эти армии в поход. Куда? На Цэван-Рабдана? Пойдут ли туда его ойраты? В Халху? Халха разорена. На границы Цин? Но это верная гибель. Что делать? С этими думами Галдан просидел весь долгий вечер, пока не заснул беспокойным сном.

Всю осень 1692 года Галдан пытался привлечь на свою сторону кого-либо из правителей Халхи. Он даже писал тушэту-хану и знати Южной Монголии. Мы не знаем этих писем. Может быть, именно в них Галдан высказывал идеи о необходимости общих действий всех монголоязычных народов против агрессивных действий Цин. Одно можно утверждать. Все его попытки оказались безуспешными. В 1691—1692 годах ойратские посольства Зорикта-Хашки, Сунита и другие приезжали в Иркутск, Нерчинск и Тобольск. Посольство,

возглавляемое Ачин-Хашки, побывало в Москве. Однако никаких практических для Галдана результатов эти посольства не имели.

Кан-си приказал Фянгу организовать в районе Хух-Хото обучение военному делу монгольских войск. Поскольку Галдан не выходил за пределы Западной Монголии, жил в урочище Хугун-Хотаин, а его люди кочевали лишь до реки Орхон, часть халхасцев вернулась в центральные и восточные районы страны. Цэцэн-хан разместил свою ставку у озера Буир-Нор.

В 5-м месяце (4 июня — 2 июля) 1693 года Кан-си снова предлагает Галдану принять цинское подданство, поселиться вблизи границ Цин, обещая помощь продовольствием и призывая его ''не сомневаться и не бояться'', и посылает ему 10 кусков шелка. Положение Галдана продолжало оставаться трудным: у него было мало скота и много совершенно обедневших людей, живших в основном рыбной ловлей. Галдан принимал меры к развитию скотоводства и земледелия как в Кобдо, так и в подчиненных ему районах Халхи.

Цинский полководец Ланьтань предлагал послать экспедиционные корпуса вдоль реки Эдзин-Гол и в Хами, чтобы лишить Галдана последних внешних источников пополнения продовольствия и пресечь все возможные его связи с куконорскими тайчжи и Тибетом. Этот план не был принят, хотя в конце 1693 года у границ Цин появились первые перебежчики от Галдана, заявившие: ''Галдан живет у истоков реки Кобдо, в местности именуемой Сохэкэсали. Мы жили вместе с ним, теперь из-за того, что нам нечем жить, пришли и покорились''[86].

Весной 1694 года Галдана оставил тайчжи Бабай. По его словам, он и его люди кочевали вместе с Галданом. После сражения при Улан-Будуне у них возникло намерение оставить Галдана. Теперь они осуществили его. Другие перебежчики доносили: ''Галдан живет в Куньгуйцидахунь, пашет земли в Уланькунь, но собран-

ный урожай удовлетворяет лишь половину потребностей. У него свыше 1000 человек лучников, но мало верблюдов и коней и совсем почти нет коров, быков и овец. Кормятся тем, что выкопают из земли''[87].

Из этого ясно, что Галдан по-прежнему бедствовал. Тяжкими были не только голод и лишения его людей, не столь уж многочисленных, а полная изоляция в монголоязычном мире, потеря собственного государства (хотя к апрелю 1694 года относятся сведения о возможном военном столкновении между Галданом и Цэван-Рабданом, на поход против которого он так и не решился) и невозможность получить действенную поддержку извне. Тибет и Россия в конфликте Галдана с Цин могли поддержать его только морально. Уйти в Тибет Галдан не имел возможности, его непременно перехватили бы цинские войска. Когда летом 1695 года в Китай просочились сведения, что Галдан от Цзяюйгуань через южные районы Хами, по долинам рек Кунделен-Гол и Эдзин-Гол думает прорваться в Тибет, цинские власти немедленно подняли войска Ганьсу для его перехвата с целью полного уничтожения его армии и людей.

1694 — 1696 годы прошли для Галдана, с одной стороны, по-прежнему в усилиях по консолидации своих внутренних сил и мобилизации всех ресурсов для поиска выхода из создавшегося положения. Об этой стороне деятельности Галдана мы, к сожалению, ничего не знаем. С другой стороны, это были годы активной дипломатической переписки Галдана и Кан-си, стремление обеих сторон перехитрить друг друга, добиться наиболее благоприятного для себя положения перед решающей схваткой.

5-й дополнительный месяц
(22 июня — 21 июля) 1694 года
Галдан — Кан-си

''Позволь выдать мне двух человек — Чжэбдзун-

Дамба и тушэту-хана. ...Верни на старые земли семь знамен Халхи. Прошу пролить ливнем обширное, как море, человеколюбие и дать мне 50—60 тыс. лан серебра''[88].

Кан-си — Галдану

''Тебе, Галдан, в местности Улан-Будун был нанесен моими войсками удар. Ты был разбит и ушел. ...Перед Буддой ты поклялся крепко придерживаться данной тобой клятвы и обещал, что вечно не осмелишься совершать преступлений. Текст твоей клятвы, заверенный печатью, налицо. ...Теперь ты просишь выдать тебе Чжэбдзун-Дамба и тушэту-хана... вернуть 7 знамен Халхи на их прежние земли. ...Разве можно выдать врагу покорившихся тебе и принятых тобою людей? Разоренные халхасцы вынуждены были прийти и принять наше подданство. Я пожаловал им серебро, зерно, скот. ...Далай-лама, узнав об этом, очень обрадовался. Он сообщил мне, что мои милости халхасцам равны милосердию и состраданию Будды. Что касается Галдана, то ты, государь, должен потребовать с него ответа и казнить его. ...Если бы ты, Галдан, был разбит халхасцами, пришел и подчинился, я бы тоже принял тебя и содержал. И уж ни в коем случае не выдал бы халхасцам... Ты просишь пожаловать тебе 50—60 тыс. лан серебра. В давних приказах тебе было сказано: предстань передо мной и попроси, тогда я увеличу свои милости и награды и разрешу взаимную торговлю. Если ты все время не выполнял моих указов, то разве есть за что жаловать тебе серебро? ...Бесполезно присылать других людей. Надо, чтобы ты прибыл лично и обсудил дела со мной... Как можно скорее сообщи день возможной встречи и ее предполагаемое место''[89].

Конец 1694 года
Галдан — Кан-си

''Беспредельно человеколюбивый император при-

слал письмо и подарил вещи. В момент, когда все это было пожаловано мне, я был не в состоянии сдержать своей радости. Текст письма преисполнен глубокого смысла, хотя я и не понял его до конца, ...я уже сообщил, что я не знаю подробностей о деле с нападением на посла Мади и трудно дать ответ. ...Что касается дела об установлении места и времени для заключения мирного договора, то их трудно определить. ...Как два человека, Чжэбдзун-Дамба и тушэту-хан, нарушив приказ беспредельно человеколюбивого императора, покусились на престол Цзонхавы и учение Далай-ламы и довели всех монголов до крайности и разоренья? Как и раньше, я прошу вернуть 7 знамен Халхи на старые земли, а дело о двух человеках — Чжэбдзун-Дамба и тушэту-хане решить!''[90]

2-й месяц (15 марта — 12 апреля) 1695 года
Кан-си — Галдану

''Ты, Галдан, относишься к моим словам без уважения и сам окончательно теряешь устои твоей жизни. Кто и как довел до полного разорения 49 знамен монголов? ...О моем прошлом письме ты лживо уверяешь, что не понял его! ...Я возвращаю твоих послов и не допускаю их до границы!''[91]

Галдан — Кан-си (первая половина 1695 года)

''Что касается встречи и заключения договора, то это не является нежелательным. Я только считаю, что из этих мест трудно принять какое-то определенное решение. ...Дело с Чжэбдзун-Дамба-хутуктой, тушэту-ханом и семью знаменами Халхи и теперь прошу решить в соответствии с теми требованиями, которые были заявлены мною ранее''[92].

7-й месяц (10 августа — 7 сентября) 1695 года
Кан-си — Галдану

''Ты по-прежнему нарушаешь мои приказы. ...Твой

посол Мэйсайсан сказал, что ты перекочевал на Тамир и движешься на восток. ...Поскольку ты ныне движешься на восток, то следует договориться о встрече. ...Можешь приказать явиться двум человекам — Даньцзиле и Даньцзинь-Гомбо. ...Если ты не последуешь моим словам, то с этого времени ты навечно будешь лишен права подавать мне доклады и присылать мне послов''[93].

8-й месяц (8 сентября — 7 октября) 1695 года
Кан-си — Галдану

''Ты с войсками приблизился к территории Шибтуй-Хатань-Батура и Нами-Цзасак-Тойна и разграбил эти районы... и тем самым нарушил данную тобой клятву''[94].

Требуется небольшой комментарий. Еще в конце лета 1694 года цинские власти захватили в плен одного ойрата, который заявил, что Галдан движется к Толе и оттуда начнет наступление на Хух-Хото. Фянгу получил приказ быть готовым выступить на Толу. Одновременно маньчжуры начали пропагандистскую кампанию против Галдана среди монголов и прочих верующих буддистов, уверяя, что ''Галдан нарушил законы Цзонхавы и принял мусульманство''. В начале сентября 1695 года разведка Фянгу у Тамира столкнулась с разъездом Галдана и завязала с ним перестрелку. Цинские власти выслали войска, чтобы отрезать Галдану путь к югу, и выжгли пастбища по Кундэлен-Голу и Эдзин-Голу. К октябрю 1695 года Галдан достиг верховий Керулена, пошел на Толу и двинулся вниз по ее течению. Здесь с Галданом виделся русский представитель, селенгинский толмач Гурий Уразов, который искал табуны, отогнанные на Толу из русских пограничных городов. Уразов сообщил Галдану, что часть халхаских тайчжи, ушедших ранее в русские пределы, теперь двинулась обратно на свои земли. Встреча Уразова с Галданом явилась причиной слухов о том, что русские дали Галдану до 60 тысяч ружей и обещали ему иную

военную помощь. Эти слухи, распространяемые пленными и перебежчиками (не исключено, что они действовали по наущению самого Галдана), тревожили Цин. Желая скорее покончить с Галданом, Кан-си в 10-м месяце (7 ноября — 5 декабря) 1695 года отдал своим войскам приказ двинуться в Халху по двум направлениям: западному — из Сиань и Нинся, и центральному — из столицы.

Галдан послал Кан-си письмо с послом. Посла не приняли, письмо вернули обратно.

Галдан в это время находился в Баян-Улане и имел, по данным цинской разведки, не более 5—6 тысяч человек[95]. Из-за необыкновенно снежной зимы цинские войска были вынуждены приостановить движение вперед. Им поступил приказ блокировать Галдана. В 11-м месяце (6 декабря 1695 года — 5 января 1696 года) 1695 года четверо ойратов, бежавших от Галдана из Баян-Улана и подчинившихся Цин, доложили, что Галдан имеет 6 тысяч солдат. Цэван-Рабдан, разместивший свою ханскую ставку в местности Элунь-Хабирха, как и прежде, был настроен враждебно к Галдану и категорически не принимал его послов. Из числа подданных Галдана многие перешли к Цэван-Рабдану.

А Кан-си активно готовился к войне, лично проводил смотры и решил сам возглавить поход против Галдана в следующем 1696 году. Арбатэгу-Далай, посланный к Галдану, вернулся и привез от него письмо.

Галдан — Кан-си (конец 1695 года)

''Богдохан намеревается приблизиться к монгольским границам. Боюсь, что это ошибочный поступок. ...Меня обвиняют в том, что я на границе ограбил людей. Я ничего не знаю об этом. ...Прошу беспредельно гуманного императора увеличить милости согласно ранее достигнутой договоренности. Если за мной и имеются какие-то проступки, то прошу их великодушно простить. Если к этому имеются основания, то в

мягкой форме прошу указать мне на необходимость подать просьбу о подчинении''[96].

2-й месяц (3 марта — 1 апреля) 1696 года
Кан-си — Цэван-Рабдану

''Ныне Галдан изменил данной мне клятве, напал на моего посла, ограбил халхасцев, мешает приезду Панчен-хутукты. Теперь он находится в Баян-Улане и оттуда возмущает моих людей. ...Я выслал армию по трем направлениям в карательный поход против него, вся вина за это ложится только на самого Галдана. ...Однако высланная по трем дорогам великая армия очень многочисленна, производимый ею шум, ее блеск и великолепие устрашающи. Опасаюсь, как бы люди, проживающие за границей, не испугались. Ты доведи до сведения своих подданных это письмо, а также сообщи, обо всем в Турфан, пусть все остаются спокойными''[97].

Кан-си решил нанести удар по трем направлениям, но в одну точку. Западная колонна войск, которой командовал Фянгу, двигалась из Нинся — Хух-Хото, центральная, под командованием лично Кан-си,— из Дашикоу, восточная, под предводительством Субусу,— из Маньчжурии. Все три армии должны были сойтись к северу от Хангая.

В конце марта ''великая армия, возглавляемая императором, выступила из столицы, чтобы покарать Галдана''. Одновременно Кан-си направил в Харбин тушэту-хану Шалюю тайный приказ: ''Ты можешь послать человека к Галдану, сказать, чтобы он подошел поближе''[98]. Галдан разумно перекочевал с Керулена на Толу. В это время в 4-м месяце (20 мая — 18 июня) некий Очир, посланный ранее заманить Галдана поближе, и привез цинским войскам сведения о том, что у Галдана 20-тысячная армия, да при нем 60 тысяч русских с огнестрельным оружием. Сановники предложили Кан-си вернуться. Кан-си слухам не поверил и, зная, что Россия соблюдает Нерчинский договор, ответил: ''У

меня одно намерение — двигаться вперед, и думаю я только об одном, как уничтожить Галдана''[99]. Войскам был отдан приказ: ''Разговоры о том, что здесь 60 тысяч русских — ложь!''[100].

В третьей декаде июня цинские войска приблизились к кочевьям Галдана, и Кан-си с пленными ойратами снова послал Галдану письмо:

Кан-си — Галдану

''...Войска западного направления дошли до реки Толы. Войска восточного направления двигаются вверх по течению реки Керулен. Прибыл лично я сам. ...Разве, командуя войсками всех направлений, я не могу уничтожить тебя? ...Давай встретимся с тобой лично и договоримся... ты же знающий человек, неужели ты не можешь понять до чего дошло дело? ...Я отдал приказ не вступать в сражение. Это не обман. Если ты не веришь, пришли посла проверить. Если не веришь и этому, оставь посланного мною человека у себя. Если хоть где-то войска двинутся и нападут на тебя, ты пошли оставленного тобою у себя моего человека и он остановит их''[101].

Галдан — Кан-си
(ответил устно, через посла Кан-си Абида)

''Поскольку ты пришел теснить меня, я должен уклоняться и избегать встречи. Но если ты будешь преследовать меня, то я тоже способен оказать сопротивление''[102].

Кан-си — Галдану

''Или союз, или какое-то иное решение. Спешно пошли посла с донесением. А если не так, то учти, что твои подданные совсем не обязательно придерживаются того же мнения, что и ты. И вряд ли ты сможешь спать спокойно! Ты должен обдумать все до мелочей и прислать посла с ответом''[103].

Одновременно, как это и было не раз, Кан-си отдал ''особый приказ'': ''Галдан убежал. Это достоверно. Войска Фянгу должны, продвигаясь вперед, преградить ему путь, мои войска станут преследовать его с тыла''[104].

Кан-си — Галдану

''Если ты не желаешь разгрома и гибели живых существ, приди и подчинись. Можешь побыстрее прислать кого-нибудь из троих: Даньцзила, Даньцзинь-Гомбо или Арабтана''[105].

Галдан, избегая лобового столкновения с двумя цинскими армиями, уклонялся от встречи с ними. По цинской версии событий, его отступление походило на бегство: он оставлял старых и слабых, имущество, военное снаряжение и даже предметы буддийского культа.

Воточная армия была готова отрезать путь Галдану на север. Центр цинских войск теснил Галдана в направлении от верховьев Керулена к Толе. В задачу западного крыла цинских войск, которые вышли к Толе, входило отрезать ему отход на запад в Кобдо. 2 июня авангард этой группы цинских войск численностью в 14 тысяч человек форсировал Толу и, по заключению лично самого Кан-си, преградил Галдану путь к отступлению. Переписке и дипломатическим уловкам пришел конец. Наступил решающий час!

Глава девятая

Ах, как красиво умирают листья!
Словно раскрытые восковые
ладони
Того, кто уходит в мир иной!
— Глядите, мы ничего не
взяли с собой,
Ничего!

Овсей Дриз

Дамба-Хашка еще издали увидел ставку Кан-си-хана, как его иногда называли ойраты. На просторной равнине огромным кольцом стоял палисад, сооруженный из переносных деревянных щитов и жердей, высокий, неприступный даже для всадника, имевший четверо ворот, строго сориентированных по сторонам света. С внешней стороны изгороди на равном расстоянии, в 7—10 шагах друг от друга, стояли часовые маньчжуры-гвардейцы, личная охрана богдыхана. Южные ворота походной ставки были открыты. По краям их сверкали медью жерла пушек, а прямо от ворот двумя рядами, как бы обозначая дорогу, ведущую в ворота, стояли по 15 гвардейцев с каждой стороны, вооруженные луками, саблями и новенькими ружьями.

Дамба-Хашка и сопровождавшие его маньчжуры и китайцы вошли в ворота и оказались на территории богдыханской ставки. Дамба-Хашка с любопытством огляделся. Изнутри палисада, тоже кольцом, стояли ряды палаток, в которых размещалась гвардия. Большой шатер из желтого шелка, входом обращенный на юг, находился в центре. Перед шатром было довольно большое пустое пространство, а за шатром и по бокам его шли густые ряды палаток и монгольских юрт.

Хотя Дамба-Хашка заведомо не имел оружия, перед входом в шатер его обыскали, и один из сопровождавших его маньчжурских сановников пошел доложить о

нем. Второй, старший среди прочих, еще раз сказал Дамба-Хашке через переводчика монгола:

— Священномудрый император оказал тебе честь лично расспросить тебя о Галдане и ходе битвы, в которой его великая армия разгромила Галдана. Войдешь, встанешь перед государем на колени, и, совершив поклонение, не вставая с колен, станешь отвечать на его вопросы. Говори четко и все без утайки. Ты добровольно покорился нам, и император будет щедр к тебе.

Из шатра подали знак, и старший, подтолкнув Дамба-Хашку вперед, шагнул вместе с ним в шатер. Оба они, как по команде, упали на колени, а затем распростерлись перед тем, что, сверкая золотом и шелком, находилось в центре шатра. Маньчжур отполз в сторону, а Дамба, троекратно коснувшись лбом войлока, приподнялся на колени и огляделся. На дворе стоял солнечный летний день. В шатер через его шелковую крышу, с которой явно убрали все лишнее, лился золотисто-желтый свет, поэтому не было обычного для юрты полумрака. Дамба-Хашка, осмелившись поднять глаза, увидел перед собой богдыхана. Он сидел в кресле из дорогого дерева, крытого черным лаком, с широкими сиденьем, спинкой и подлокотниками. Обутые в матерчатые темные сапоги с белой толстой прошивной подошвой ноги хана покоились на скамеечке изысканной работы, с гнутыми резными ножками, выложенными пластинками нефрита и кораллов. Дамба-Хашка поднял глаза выше: по расшитому серебряными и золотыми нитями подолу синего халата хана вились желтые драконы, самый большой, хищно протянувший свои когтистые лапы, украшал ханскую грудь. Наконец, Дамба-Хашка осмелел и взглянул в лицо хана. Перед ним сидел маньчжур 40—45 лет. Лицо у него было не круглое, как у монголов, а вытянутое, без следов ожирения, с правильными чертами, живыми, широко открытыми и даже округлыми глазами, что Дамба-Хашку удивило. Нос слегка с горбинкой к кончику закруглен, тронут оспой, но рябинки едва заметны.

Волевой, гладко выбритый подбородок, небольшой рот прикрыт черными, довольно пышными усами с проседью.

Кан-си только что упражнялся в стрельбе из лука и был доволен своей меткой стрельбой. Император хорошо знал, что среди его сановников мало кто мог натянуть такой же тугой лук, как он, кто бы так же ловко и метко стрелял, мог одинаково успешно, натягивая лук и правой и левой рукой, пешим или с коня, с места или на полном скаку, поражать неподвижную или движущуюся мишень. Да и огнестрельным оружием он владел не хуже, чем луком. Возбужденный скачкой, сознавая силу и ловкость своего крепкого тренированного тела, Кан-си поймал себя на том, что у него нет желания принимать привычную надменную позу величия и презрительно-безразличного отношения к приглашенному на аудиенцию лицу. Он с любопытством посмотрел на добровольно сдавшегося ему ойрата, на его красные кожаные сапоги, темный халат, черную, спускавшуюся на спину косу и попросил:

— Расскажи о Галдане. Мне говорили, что это человек надменный, с характером злобным и свирепым, склонный к коварству и обману, погубивший своих братьев, поглотивший четыре племени ойратов, как червь, пожиравший чужие владения. Так ли это?

— Нет, не так, священномудрый государь. Бошокту-хан человек способный, он сумел привлечь на свою сторону сердца людей, многие любят его.— И, испугавшись своей дерзкой смелости, добавил: — Я сам слышал, как он сожалел о том, что случилось сражение при Улан-Будуне.

— Я тоже сожалею об этом. Где в последнее время кочевал Галдан?

— Вблизи Керулена и Толы. Он надеялся привлечь на свою сторону халхасцев и монголов из внутренних земель священномудрого, да голова и хвост не стали заботиться друг о друге.

— На что же он рассчитывал?

— Бошокту-хан, обдумывая свои великие дела, знал,

что вы, маньчжуры, узнав о них, обязательно пошлете против него войска. Но он считал так, если твоих войск, священномудрый, мало, то мы дадим им сражение, а если армия будет большой, то покинем эту местность и отступим. Если же маньчжурские войска станут гоняться за нами, мы сможем скрытно подкрасться к ним с тыла и атаковать их. А как только у них кончатся запасы фуража и продовольствия, это уже будет не боеспособная, а изнуренная, измученная голодом и долгими переходами армия.

— Так вот каковы были его планы. Неглупо, хотя и не очень вязалось с реальным положением дел.

— Да, планы его оказались не очень жизненными. Он, например, не предполагал, что священномудрый император сумеет провести большую армию через труднопроходимую Гоби и появится достаточно неожиданно в столь неблагоприятное время года. А когда ваша армия пришла, ойраты с 7-го дня сего месяца (с 6 июня) стали разбегаться, бросив все свое имущество. Бежали несколько ночей, и Галдан не мог остановить людей.

— Он бежал, как мышь от кошки. Отчего же он сразу не дал сражение?

— Люди бежали. Галдан хотел дать тебе, священномудрый император, бой у горы Тоно, но не смог остановить людей. Затем он думал сразиться с тобой в Эхэймубурхасутае, там хороший лес. В лесу положить верблюдов, сделать верблюжью крепость и дать тебе бой. Но как раз разведка принесла известие об армии Фянгу. И Бошокту-хан изменил свой приказ. Он сказал: ''Центральная армия слишком сильна для нас. Не будем пока давать ей сражения. Пойдем-ка лучше быстро на Толу и атакуем западную армию. Говорят, Фянгу по-маньчжурски значит младший сын. Атакуем-ка пока младшего и разобьем его или хотя бы ограбим''.

— Значит, он все-таки боялся меня! Мы преследовали его, и он в страхе бежал!

— Да, священномудрый. Ваши войска шли за нами. Но Бошокту-хан не боялся тебя, богдыхан.

Стоявшие подле трона сановники испуганно пере-

глянулись. Кан-си промолчал. Дамба-Хашка выдержал паузу и продолжал:

— На 13-й день сего месяца (12 июня) мы дошли до речки Тэрэлжин. И здесь внезапно столкнулись с большой западной армией. К этому времени в нашей армии насчитывалось 5 с лишним тысяч человек и не более 2 тысяч ружей, лошади все отощали или были больные, без мозга в кости, без жира в груди.

— Отчего?

— На Керулене и в Баян-Улане нас встретили неслыханные суховеи, и не стало травинки зубам, росинки губам. Пять дней и ночей наша армия поспешно преодолевала территории, совершенно лишенные травы. Бедствия, которые выпали на нашу долю, чрезмерно велики. Многие остались в пути, и мало тех, кто дошел до Толы. Сколько было солдат у Фянгу?

— Более 13 тысяч.

— Когда мы увидели войска Фянгу, он уже успел занять господствующее над местностью высоты и получить позиционное преимущество. Нам, ойратам, достались только невысокий холмы. Да и что нам оставалось? Пешими отражать врага?

— Ну и что же?

Дамба-Хашка как будто даже не слышал вопроса Кан-си. Он снова переживал весь ужас этой кровопролитной битвы. Что пешие? И пеший ойрат не боится конного китайца. Но ведь не бой был, а избиение небольшого ойратского отряда, занявшего оборону на низких холмах. С господствующих над местностью высот ударили пушки Фянгу. Они били методично, через равные промежутки времени. И люди падали и падали один за другим. Густой едкий дым заволок позиции ойратов. Ослепленные огнем и дымом, не видя, что впереди, они ринулись на врага. Стрелы посыпались на них дождем. Галдан дрогнул первым. За ним обратились в бегство Даньцзила и Даньцзинь-Гомбо. Устоял лишь отряд Арабдана, но тут ударила маньчжурская конница, окружила и атаковала его. Обоз, женщины,

дети, скот — все перемешалось. Что рассказать богды-хану? Это надо видеть самому.

— На моих глазах были убиты ружейными пулями жена Галдана Анука, Дайбатур-Вайсан и вместе с ними еще четыре человека. У тех, кто добрался до солдат Фянгу и вступил с ними в рукопашный бой, не было ни ружей, ни мечей. Этих тоже погибло без счета.

— Галдан знает, что я здесь?

— Есть такие, кто говорит: ''Галдан не верит, что император прибыл лично и командует войсками''. Но это не так. Император переписывался с Галданом. Галдан знает, что император здесь. Он не проводил целые дни в молитвах перед Буддою. Это не так, те, кто говорит это, хотят унизить своего хана. Он готовился к сражению.

— Как ты думаешь, куда побежит Галдан?

— По моему мнению, поскольку Галдану некуда податься, он обязательно пойдет и сдастся Далай-ламе.

— Не пойдет ли он к Цэван-Рабдану?

— Нет. Они давно во вражде. Из-за женщины. У Гартан-Гомбо, сына Очирту-цэцэн-хана, была дочь Ахай. Она была сосватана за Цэван-Рабдана. Но Галдан счел, что она не пара Цэван-Рабдану, и взял ее за себя. Это первое. Во-вторых, Галдан убил брата Цэван-Рабдана Соном-Рабдана. Тогда Цэван-Рабдан покинул Галдана с 5 тысячами воинов. Галдан с 2 тысячами воинов преследовал его. Когда Галдан догнал Цэван-Рабдана и спросил, в чем причина вражды, почему он уходит, Цэван-Рабдан ответил: ''Я хотел взять в жены Ахай, а ты забрал ее, ты убил моего родного брата Соном-Рабдана. Боюсь, что ты убьешь и меня''. Когда Галдан достиг Улан-Будуна, Цэван-Рабдан захватил жен, детей и людей Галдана и ушел. Так между ними возникла непримиримая вражда. Он не пойдет к Цэван-Рабдану.

— Так где сейчас Галдан?

— Бежал с 40—50 людьми.

— А не пойдет ли он к Аюке-хану?

— Нет, дорога очень дальняя. А потом, у Аюки его

враг, младший брат Очирту-цэцэн-хана, а дочь Аюки замужем за Цэван-Рабданом.

— Может, он уйдет в Россию?

— Галдан торговал с русскими и только. Туда нелегкая дорога, и путь смогут преградить враги Галдана теленгуты. Галдан не пойдет в Россию.

— Так куда же он денется?

— Может быть, пойдет в Тибет. По дороге в Тибет у него тоже есть враги. В Хами. Но там есть подданные Галдана, мусульмане. Кроме того, ойратские тайчжи Кукунора, конечно, не оставят Галдана у себя, но уж и не станут мешать ему уйти в Тибет. А в Тибете у Галдана хорошие отношения с Санчжай-Джамцо.

— А как его друзья Даньцзила и Даньцзинь-Гомбо?

— Они с ним, и, думаю, не оставят его. Как уже знает священномудрый император, я с Чаган-Сидали-Хашка покинул Галдана, послал Арашаня и объявил, что перехожу в твое подданство с сотнею наших людей. Меня встретили и приняли люди Фянгу, и вот я здесь. Ничего не поделаешь. Ныне у маньчжуров нет достойных врагов в Поднебесной. Ойраты гибнут.

— Ты поступил правильно. Будешь награжден. А теперь иди.

Хашка задом пополз к выходу из шатра[1].

Он все рассказал правдиво, этот предавший, но не оболгавший Галдана человек. Ошибся он только в одном. Галдан не бежал. Когда строй его пеших и безоружных воинов буквально сметал артиллерийский огонь, он отдал приказ отходить, чтобы спасти людей и занять более удобные позиции. Но это ему не удалось. Он метался на своем скакуне в толпе охваченных паникой воинов, кричал, ругался, бил бегущих плетью, но тщетно. Воины бежали, бросая скот, женщин, детей, стариков, последнее оружие. Все попало к маньчжурам.

И ни сирот, ни грудных детей не
щадя,
В цепь заковали, в кучу согнали они,
И, словно мулов, женщин погнали они,

Предали народ позору они.
Предали добро разору они.
Ни сиротинки нет, ни щенка на пути,
Нет ни звериной, ни человечьей молвы.

Может быть, впервые со времен далекого полузабытого детства крупные слезы потекли из глаз Галдана.

Кан-си был доволен быстрой победой, но не исходом сражения, так как Галдан снова ускользнул от него, а хорошо продуманный план его поимки провалился. Галдан к тому же сохранил кое-какие силы. Фянгу доложил, что убито более 2 тысяч ойратов и более 100 взято в плен. Сколько было солдат у Галдана? Дамба-Хашка сказал — 5 тысяч. Его генералы хором утверждают — 10 тысяч. Кто прав? Допустим, даже если было 5 тысяч. Значит, еще осталось 2,5—3 тысячи. Это хорошие кости, которые могут обрасти мясом. Злило Кан-си и то, что поражение Галдану нанесла колонна войск Фянгу, а не он сам. Правда, генералы хором твердили, что Галдан, как только увидел его шатры и войска, бежал и натолкнулся на Фянгу. Жаль, опять упустили Галдана.

А пока Кан-си праздновал победу, благодарил небо, землю и предков за помощь, Галдан уходил все дальше и дальше на запад.

И чем больше упивались победой, тем значительнее она представлялась. Кан-си уже через несколько дней писал в своем указе, что он ''разгромил армию разбойников, убитых и взятых в плен и не сосчитаешь, он захватил всех людей и весь скот''. Цинская империя ликовала, официально было объявлено, что ''в течение семи декад было уничтожено большое государство''.

Кан-си принял все меры к изоляции Галдана. Он знал, что тот не может возвратиться в Джунгарию, не пройти ему и в Тибет. Да и кто даст гарантии, что тибетцы примут его? Была у Галдана, с точки зрения Кан-си, одна возможность: уйти на Кукунор. Поэтому поскакали гонцы с приказом всем кукунорским тайчжи поймать и выдать, если объявится, самого Галдана, а также ловить и выдавать цинским властям его сторон-

ников. Всем кукунорским ойратам предписывалось: ''Каждый из вас совместно с другими должен подготовиться к обороне, производить разведку и собирать нужные сведения. Если вам встретится ойратский Галдан, то вы тотчас же должны схватить его и переслать нам. Если же кто-то встретит его и не задержит или задержит, но не перешлет, то... после этого навечно будет рассматриваться в качестве бандита''[2].

В июне 1696 года цинские войска получили приказ трогаться в обратный путь. Подчинившихся цинскому Китаю ойратов велено было расселить в районе Калгана. Всем монгольским владетелям поступил приказ передать цинским властям письма, полученные когда-либо от ойратов или из Тибета. Все эти письма без промедления предписывалось доставить в ставку императора. От кукунорских тайчжи потребовали выдачи дочери Галдана, которая была замужем за одним из кукунорских правителей, и всех Галдановых людей, бывших при ней. В письме к кукунорским ойратам против Галдана выдвигались вздорные обвинения в том, что он якобы хотел напасть на Китай вместе с Россией и кукунорскими ойратами при поддержке китайских мусульман с целью посадить на китайский престол мусульманина[3].

От перебежчиков ойратов Кан-си наконец узнал о давней смерти Далай-ламы V. Это не помешало ему в письме к кукунорским ойратам заодно обвинить Галдана и в намерении убить Далай-ламу. Китайские войска получили приказ перекрыть пути к Наньшаню по долине реки Эдзин-Гол и следить за действиями Галдана, а если он появится, ''поймать его и казнить''. Хами к этому времени считался твердо захваченным Цэван-Рабданом. Правитель Турфана Абдул-Рашид вступил в контакт с Цэван-Рабданом против Галдана. Поймать Галдана, если он попытается уйти в Тибет, было поручено Ананьда. В результате этих мер Галдан оказался в блокированной Халхе, хотя точное его местопребывание цинским властям было неизвестно.

В 6-м месяце (29 июня — 28 июля) 1696 года

искавший его Абида докладывал: ''Я не знаю, по какой дороге ушел Галдан''[4]. Искать бесследно исчезнувшего Галдана, у которого, по трезвым расчетам, могло быть до 3 тысяч солдат, Кан-си великодушно поручил халхасцам. Трем сдавшимся Цин ойратам и одному цинскому чиновнику было велено добраться до Галдана.

Как сообщали на допросах новые перебежчики, Галдан и его сторонники — Арабтан, Даньцзила, Даньцзинь-Гомбо и Сайсан-лама — уходили в глубь Халхи каждый отдельно. Галдан вначале остановился в местности Тайкула на реке Тамир. Отсюда он разослал гонцов к своим людям с указанием собраться всем ойратам в одном месте. У ойратов, связанных с Галданом, совокупно насчитывалось до 5 тысяч солдат, но сохранилось очень мало скота, люди остались без юрт, и всем было ''трудно прожить''.

После пышных торжеств по случаю великой победы Кан-си не мог спокойно слушать, что враг его жив, что у него снова 5 тысяч солдат и с ним почти все его сторонники, и что он фактически так и не изгнан из мест, где пребывал раньше. Впору было думать о новом походе. Пожалуй, именно теперь Кан-си принял самое верное и самое страшное для Галдана решение: не посылать больших армий, а блокировать Галдана, пользуясь сложившейся тяжелой для него ситуацией, в западной части Халхи и ждать естественного хода событий. С наступлением зимы обстановка могла стать для ойратского хана гибельной.

В один из жарких летних дней 1696 года на реке Тамир собрался совет сторонников Галдана. Лето выдалось засушливым. По склонам гор желтела рано пожухшая трава. Немногочисленный скот, утомленный спешными переходами, не нагулял мяса и жира. Очень ослабли и немногие оставшиеся кони. Да и ханская ставка не имела уже прежнего праздничного вида. Устало бродили голодные ослабевшие люди. Почти не видно было женщин и детей.

Сел Галдан на белый ханский войлок. Слева от него

разместился Даньцзила, справа — Арабдан. Подали слуги арзу, мясо, начался совет.

— Где теперь родина наша, верные нойоны мои, где наш тринадцатиглавый белоснежный Алтай, где наш двадцатитрехвершинный Хангай? Что будем делать, куда путь держать? Я предлагаю идти на реку Онгин и добыть там продовольствие, ограбить пограничных жителей и цинские склады, а затем двинуться на Хами. Лишь набравшись сил, накормив людей и коней, сможем мы вернуться на родной Алтай или не пустить в Халху се ханов-предателей!

Первым отозвался по праву старшего и самого близкого Даньцзила:

— Великий хан! Я считаю, что у нас недостаточно сил, чтобы идти на реку Онгин, давай пойдем на Алтай, померяемся силами с этой бабой, с этой вонючей коровой Цэван-Рабданом!

Затем сказал свое слово Арабдан:

— Не надо идти на Алтай. Последние люди убегут от нас к Цэван-Рабдану, лишь только завидят родные кочевья или славный тринадцативершинный Алтай. Мы витязи, и наши родные кочевья там, где мы, от этой горы до излучины той реки. Нас не достанут здесь войска богдыхана, мы можем отбиться от халхасцев и быть победителями и с добычей, если, как верно сказал хан, голод не погонит нас, куда глаза глядят. Хами у Цэван-Рабдана. Онгин близко от цинских войск. Я предлагаю напасть на русские границы, ограбить бурят и там добыть продовольствие.

Даньцзинь-Гомбо сказал:

— Я согласен с Арабданом, верные его слова!

Не пили больше арзы, вели длинные разговоры. Не было у Галдана сил подчинить своей воле несогласных, не было единства среди его людей.

Кончился совет, и откочевали Арабдан и Даньцзинь-Гомбо отдельно, не захотели пойти с Галданом на Онгин. Увели они от Галдана не менее 2 тысяч воинов. А в августе Даньцзинь-Гомбо вообще ушел на запад сдаваться Цэван-Рабдану. Арабдан, у которого еще

оставались лошади, стал кочевать отдельно. Галдан пустился было в погоню за Даньцзинь-Гомбо и Арабданом, но вскоре прекратил преследование. И остался он на Тамире с Даньцзилой, турботским* Цэрэном и Илагуксан-хутуктой. Бедняками стали его люди, охотились, ловили рыбу, как говорят, "пожили бы они, да негде, поносили бы они, да нечего, оделись бы они, да не во что", а потому роптали, а некоторые потихонечку убегали, кто на родной Алтай, кто поближе к Калгану, к Дамбе-Хашке, на цинские хлеба.

Галдан надеялся, что после ухода цинской армии халхасцы вернутся на родные земли и будет кого пограбить, но этого не случилось.

В сентябре Кан-си отправил письмо Цэван-Рабдану: "Галдан столь коварен и злобен, что не должен оставаться в мире людей. Каждый лишний миг, который он существует, оборачивается бедами для живых людей. Его необходимо уничтожить, чтобы обеспечить спокойную жизнь ойратам и монголам. Ныне, если он или прикочует на земли подданных тебе ойратов, или бежит в Хами, то, когда можно его схватить живым, пусть схватят и предоставят живым, а если убьют его, то пусть предоставят его голову. Если будет так, то явно обозначится, что твои стремления следовать моим указаниям искренни, и я, видя это, беспредельно увеличу милости"[5].

Наступила зима. Положение Галдана было крайне тяжелым. Он собрал 1500 солдат во главе с Даньцзилой, послал их на юг Халхи в надежде, что они хоть что-то раздобудут. Однако вплоть до границ Цин все опустошила война, люди ушли, а на цинских границах ойратов ожидали хорошо вооруженные гарнизоны. Даньцзила отдал приказ возвратиться назад.

4 октября 1696 года Кан-си отправил Галдану написанное на маньчжурском и монгольском языках письмо с призывом подчиниться: "Я управляю вселенной, и

---

* Возможно, имеется в виду д э р б э т с к и м.— **Примеч. ред.**

внутренние, и внешние для меня как одно тело. Тех, кто старается быть послушным, я привечаю и умиротворяю, чтобы они имели возможность жить. Противящихся изменениям в их образе жизни и приобщению к жизни нашей непременно наказываю и истребляю. ...Ныне я вновь становлюсь во главе армии и выступаю в поход. Повсюду войска приведены в порядок и готовы к обороне. Ты же потерял жену, детей, коней, скот, имущество, лишен одежды и пищи, находишься в крайней нужде и вновь лишен пристанища. Наступили холода, и со дня на день ты погибнешь. Мне тяжко смотреть на твоих людей... Я специально высылаю тебе указ с призывом подчиниться. Может быть, ты действительно раскаешься в своих прегрешениях и сможешь подчиниться приказу. ...Я обязательно сделаю тебя знатным и богатым''[6].

Письмо это, размноженное до трехсот экземпляров, предназначалось не столько для Галдана лично, сколько для его измученных, голодающих подданных, которым и предписывалось его раздавать.

1 октября какие-то монголы на реке Онгин атаковали цинский обоз с продовольствием, но были отбиты. Это был один из отрядов людей Даньцзилы. Кан-си уверился в крайней нужде Галдана и помимо рассылки процитированного письма потребовал от своих командиров ''посылать людей к подданным Галдана и призывать их подчиниться. ...Даже если сам Галдан и не подчинится нам, то его люди обязательно разбегутся и самостоятельно перейдут в подчинение к нам''[7].

Галдан и Даньцзила зимовали в Болоунагань — старой ставке цзасакту-ханов, там, куда, по признанию самого Кан-си, его ''армия не была в состоянии дойти''. Тактика прельщения подданных Галдана временно была признана цинскими властями основной. В ноябре 1696 года Кан-си приказал казне выкупить у хозяев всех ойратов, попавших в плен в сражении у реки Терелжин, у Цзун-Модо, и обращенных в рабство. Обещать блага земные родственникам тех, кого содержал в Цин на положении рабов, было все же неудобно. За каждого

раба ойрата казна выплатила их хозяевам по 30 лан серебра[8].

13 ноября Кан-си снова отправил письма Галдану и Даньцзиле с одним пленным ойратом. Подробно смакуя бедствия, претерпеваемые ойратами, Кан-си, в частности, писал: ''Ведь среди твоих людей есть такие, чьи родители, жены и дети были захвачены в плен моей армией. Они все еще живут с тобой, и нестерпимо видеть эти семьи в разлуке. Я награжу желающих вернуться на старые земли, дам им верховых коней и продовольствие и прикажу им вернуться домой, с тем чтобы кости и плоть могли соединиться. Тех из них, кто пожелает принять цинское подданство и не захочет вернуться домой, я всех сделаю знатными и богатыми и каждому дам средства к существованию. ...Галдан Бошокту-хан, Даньцзила! Вы можете еще, возглавив оставшихся у вас людей, срочно прийти и принять мое подданство. Я обязательно сделаю ваши семьи богатыми и процветающими. ...Не сомневайтесь и не бойтесь!''[9].

Письма с призывом принять цинское подданство были направлены также Арабдану и Даньцзинь-Гомбо, покинувшим Галдана. Кан-си писал им: ''Вы, Арабдан и Даньцзинь-Гомбо, хотя прежде и служили Галдану, но не являетесь мятежниками. Теперь ... вы живете отдельно от Галдана. Я хвалю вас. ...Получив это письмо-указ, возглавьте ваших людей и приходите принять подданство. ...Послы Цэван-Рабдана... говорили, что вы находитесь с Цэван-Рабданом в добрых отношениях, и просили, чтобы император, уничтожая Галдана, не карал Арабдана. ...Поэтому я одобряю и то, если вы... отправитесь и подчинитесь Цэван-Рабдану''[10].

Зимой 1696 года цинские власти уже имели сведения о том, что Цэван-Рабдан выслал на Алтай отряды для блокады и поимки Галдана.

Вернувшийся из экспедиции на Онгин Даньцзила доложил Галдану, что все пути блокированы цинскими войсками, тот вспыхнул и сказал:

— Я так надеялся на тебя. Чем мы теперь будем жить?

Кругом блокада, и оставаться здесь нельзя. Надо идти на Хами и там добыть продовольствие!

— Пойдем. Но что из этого выйдет?

— А чего мы добьемся, сидя здесь? Я приказываю идти!

15 ноября отряд ойратов Галдана выступил на Хами. Но до Хами Галдан не дошел, а кружил вокруг старых мест перекочевок. Ему стало ясно, что бежавшие от него люди выдали его замысел цинам и те готовы встретить его. В этом он не ошибался.

18 декабря 1696 года от Галдана прибыл посол Гэлэйгуин в сопровождении 20 человек, с 20 верблюдами и 20 лошадьми, для переговоров о мире. Одновременно Ананьда поймал племянника Галдана Гумэн-Дорчжи, который ехал в качестве посла Галдана в Тибет вместе с возвращавшимися от Галдана тибетским послом и послом кукунорских ойратов, которые 30 октября покинули ставку Галдана в Курень-Бельчире. На допросе и послы, и люди Галдана единодушно твердили о трудностях ойратского хана. У Галдана 1000 с лишним солдат и 1000 солдат у Арабдана, который кочует отдельно. Нет у людей зимней одежды, нет совершенно быков, коров и овец, трудно будет Галдану пережить эту зиму. Люди разбегаются, поэтому Галдан и послал Гэлэйгуина для переговоров о мире. Кан-си, который в это время находился в пути из Пекина к границе, лично принял Гэлэйгуина.

Гэлэйгуина ввели в походную ставку Кан-си, позволили сесть поблизости от императора и подали чай. Затем послу Галдана зачитали длинный указ с изложением позиции Кан-си в отношении ойратов Галдана и истории их взаимоотношений с Цин. Было констатировано: ''твои ойраты ныне являются враждебным государством'', но если окажутся такие, кто придет и примет подданство, все они будут облагодетельствованы. Виновник создавшейся ситуации Галдан.

Выслушав текст указа, Гэлэйгуин с достоинством ответил, что ойраты ничего не нарушали, а что касается халхасцев, то недавно двое из них, Шакчжулю и Норбу,

добровольно подчинились Галдану и были милостиво приняты его государством. А тех, кто не желает подчиняться, Галдан и не считает халхасцами.

Кан-си засмеялся, подарил Гэлэйгуину шапку и на этом закончил аудиенцию[11].

Решено было вместе с Гэлэйгуином послать к Галдану двух людей с письмом к нему и Даньцзиле. ''Галдан-Бошокту-хан, Даньцзила! ...я решительно не стану помнить содеянного вами зла, если вы с оставшимися при вас ойратами быстро придете ко мне и подчинитесь! ...Ничего другого, кроме того, чтобы вы, следуя данным вам ранее указаниям, пришли и приняли мое подданство, я сказать вам не имею''[12].

Перед отъездом Гэлэйгуина Кан-си сказал ему, что отныне все дела он будет обсуждать только лично с Галданом. Если Галдан не явится, он, Кан-си, снова лично пойдет на него войной. Пока же Кан-си собирался охотиться в Ордосе и 70 дней ждать ответа. По истечении этого срока он двинет армии в поход. Робкие голоса придворных чиновников, прозрачно намекавших на то, что с провиантом и так туго, а армия зря ест хлеб и лучше бы ее возвратить в Китай, были с гневом отвергнуты Кан-си. Он твердил одно: ''Галдан обязательно придет и примет мое подданство, покорится мне!''

* * *

А Галдан давно решил для себя, что лучше умереть, чем сдаться Кан-си. В марте 1697 года он принял чиновника Кан-си, прибывшего с Гэлэйгуином. Вот официальный отчет посла Кан-си об этой аудиенции:

Галдан: Каковы войска у императора?

Посол: Я не знаю их числа. Войск очень много.

Галдан: Зачем же эти войска пришли туда?

Посол: Поскольку подходили войска Даньцзилы, они и заняли там оборонительные позиции.

Галдан: Каковы планы у императора?

Посол: Подчинить тебя, но не отбирать у тебя ханский титул.

Галдан: А где я могу лично встретиться с ним?

Посол: В Ордосе.

Галдан: Где у вас склады продовольствия?

Посол: Склады есть вдоль всей границы. Продовольствие есть у нас в изобилии.

Галдан: Встречал ли ты Дамба-Хашка и Чагань-Сидали-Хашка?

Посол: Они обласканы милостями государя и живут в столице.

Галдан: Как пристроили прочих подчинившихся вам ойратов?

Посол: Они обласканы милостями государя и живут в довольстве. Разлученные ищут друг друга, и император лично следит за тем, чтобы они могли соединиться.

Галдан промолчал[13].

В апреле 1697 года посланные Кан-си чиновники доложили ему, что Галдан скорее всего не согласится подчиниться. Могут подчиниться Даньцзила, Урчжань-Чжаб, Ноян-гэлюн, а Галдан — нет. Люди Галдана живут только охотой на диких зверей. Если не бывает добычи, убивают оставшихся коней. Кан-си припомнился недавний разговор с взятым в плен сыном Галдана Сэбтэн-Балчжуром:

Кан-си: Твой отец Галдан находится в крайне тяжелом положении, подчинится он мне или нет?

Сэбтэн-Балчжур: Я сын и не знаю, что будет делать отец. Думаю, что ты, император, и сам все-таки так силен, что в конце концов подчинишь его.

Кан-си: Можно ли дойти до Галдана? Каков к нему путь и долог ли он?

Сэбтэн-Балчжур: Путь долог, а на пути мало воды и травы. Большое войско не сможет пройти туда.

А Галдан в эти же дни вспоминал свой разговор с Ардар-Хашкой, человеком честным, преданным Галдану, который пришел и прямо заявил ему:

— Я так обеднел, что не могу существовать!

Галдан глядел на его рваный халат, изможденное

голодом лицо. Что он теперь способен дать или обещать ему? Смерть от голода здесь или смерть от руки палача в Пекине. Стоит ли вот так силою удерживать и губить преданных тебе людей? И он ответил:

— Если ты уходишь, то не задерживаю тебя, поскольку ты находишься в числе стоящих от меня справа и слева, а я не в состоянии прокормить тебя![14]

А недавно Галдан был у Ноян-гэлюна. Сидели несколько человек, пили вино. Урчжань-Чжаб сказал:

— В прошлом году зимой много зверя было здесь, в Саксатэхулик. Теперь зверь разбежался. Трава же появится только в середине весны. Уж если идти сдаваться богдыхану, то надо идти в ближайшее время. А если не сдаваться, то следует составить какой-то особый план действий. А то глядим в разные стороны, как крысы из норы, и ждем смерти. Ты еще тщишься что-то делать и поддерживать веру предков, а четыре племени ойратов и семь знамен Халхи на краю гибели. Твое государство уже рухнуло. Отцы и сыновья, мужья и жены разбежались или рассеяны. Мы-то последуем за тобой, как и прежде, от начала и до конца. И желаем только одного — исполнить твою волю, но разве мы помогаем вере предков? Теперь уж и терпеть стало невмоготу. Грех-то прежде всего падет на тебя, и ты попадешь в ад. А мы за тобой!

Ноян-гэлюн стал упрекать Урчжань-Чжаба. Галдан смолчал[15]. Да и что он мог сказать своим голодным, раздетым и разутым, измотанным постоянной охотой ради пропитания людям.

Галдан лежал на медвежьей шкуре. В юрте горел огонь, пахло смолой (он днем приказал людям поехать в горы и нарубить дров) и кизяками. Запахи, знакомые с детства, милые знаки тепла и уюта. Сам он не голодал, ему всегда доставался кусок мяса из добытого на охоте. Вот и сейчас в котле кипела нога косули. Не выводилась в его юрте и арза.

Но если люди Галдана умирали от голода и от холода, то сам он таял на глазах от одолевших дум. Мало того, что он заперт здесь, как в ловушке, его всю зиму

преследовали беды. В разгар зимы уехал на охоту сын Сэбтэн-Балчжур. Говорил ведь ему: ''Не увлекайся облавной охотой, не ходи далеко на юг''. Видно, не послушалась горячая молодость убеленной сединами мудрости. Эта хамийская собака Эбэйдула Дархан-бек, который раньше пятки ему лизал, решил выслужиться перед богдыханом. Узнав, что Сэбтэн-Балчжур охотится в местности Барсыкур, он послал с войском своего щенка Кола-бека и захватил сына в плен. И сразу же, конечно, выдал маньчжурам. Говорят, богдыхан не скрывал своей радости: ''Теперь, когда Галдан, хотя еще и не пойман, но пойман сын Галдана, разбойничий корень уже пресечен! Он дарован нам небом, я очень рад. Теперь у Галдана нет семьи, к которой он мог бы вернуться, нет государства, которое он мог бы оставить!''[16]. Он прав, этот маньчжурский шулмус на китайском троне, уверяющий, что он правит волею неба. Давно ли его предки гоняли по маньчжурским лесам оленей. Они с Кан-си враги, враги непримиримые, и один из них умрет. Говорят, Кан-си-хан сказал: ''Один день, который еще существует Галдан, является и тем днем, когда внешние иноземцы все еще неспокойны!''[17] Умрет он, Галдан, ''шулмус из Гоби'', как зовут его маньчжуры. Но умрет непокоренным. Кан-си-хан! Ты не поймал меня и не разбил лично в открытом бою. Я скорблю о потере сына. Много людей ушло от меня к Цэван-Рабдану, в родную Джунгарию. Твои тьмы и мои 600—700 обессиленных и безоружных воинов, из которых половина всегда на охоте. Но ты не победил. Подлость и коварство одолели меня. Халхаские ханы, как покорные псы, приползли к твоим ногам в надежде есть объедки с твоего богдыханского стола. Племянничек Цэван-Рабдан лишил меня родины. Посчитался бы я с тобой, да сила не та, и жалко родину нашу, Джунгарию. Начни я воевать с тобой, живо вмешается этот шулмус богдыхан, будет и Джунгарии тогда уготована судьба Халхи. Хорош и белый хан со своими воеводами. Замирился с богдыханом и доволен. А ведь мог бы подкинуть мне и ружей, и пороху, и пушек.

Хлопнула тяжелая деревянная крышки котла. Старуха, прислуживавшая Галдану, деревянной спицей колола мясо, проверяла готово ли?

— Тюк-Тюмэн-Солонго! Пока варится мясо, расскажи-ка мне сказку!

— Какую? Хочешь о Беломордом бычке?

— Давай!

Старуха села подле Галдана и начала: ''Слушай, великий хан! В давние времена на большой реке жил бедный человек. Была у него только одна корова. Настало время случки, а быка нигде не найти. Загоревал бедный человек. ''Если у моей коровы не будет теленка, то останусь без айрана и масла и умру от голода и жажды. Так как теперь нет другого исхода, то придется мне самому случиться с коровою!''— подумал он так и случился со своей скотиной.

Отелилась корова теленком, у которого было тело человека, голова быка и длинный хвост. Хотел бедняк от страха убить новорожденного, но тот убежал в лес и стал зваться Беломордым бычком. Вскоре появились у него друзья: Дельгер, рожденный лесом, Дельгер, рожденный травой, и Дельгер, рожденный деревом. Стали они бродить вчетвером и однажды нашли дом без хозяина, полный еды, напитков, с двором, в котором было заперто много домашних животных. Они остались жить в этом доме. Каждый день трое из них отправлялись на охоту, а один оставался стеречь дом.

Однажды стерег дом Дельгер, рожденный лесом. Вдруг пришла старуха, величиной с ноготок, и говорит: ''Дай мне попробовать кислого молока и мяса!'' Он дал. А старуха съела все, что было в доме, и исчезла. Дельгер испугался, что не устерег доверенного ему, двумя старыми лошадиными копытами наставил следов вокруг дома, разбросал в ограде стрелы, а когда прибыли друзья, сказал им: ''Сегодня приезжали сто всадников, которые окружили наш дом и ограбили!''

Следующие два дня то же повторилось с Дельгером, рожденным травой, и Дельгером, рожденным деревом.

На четвертый день остался дома Беломордый бычок.

Он сидел и мешал масло, когда пришла старуха с ноготок и попросила: ''Дай мне попробовать кислого молока и мяса!'' Беломордый бычок подумал: ''С моими друзьями случилось, наверное, то же самое''.— И не дав старухе ничего, сказал ей: ''Ты принеси прежде воды!''— и отправил ее по воду с дырявым ведром. Старуха вышла, и тут он увидел, что превратилась она в шулмуса с медными зубами, ростом почти до неба. Пока шулмус черпал воду дырявым ведром, Беломордый бычок достал из его узла веревку, свитую из человечьих жил, железные щипцы и железный молот, а вместо них сунул в мешок веревку из шерсти яка, деревянный молот и деревянные щипцы. Старуха-шулмус, не набрав воды, а поэтому не получив пищи и питья, разозлилась и говорит: ''А ну-ка, давай поиграем!''— и связала Беломордого бычка веревкой из шерсти яка. Беломордый бычок веревку порвал, да и связал старуху веревкой из человечьих жил. Старуха, как ни старалась, веревку порвать не смогла. ''Ты победил,— сказала старуха.— Давай теперь щипаться'',— и защемила грудь Беломордого бычка деревянными щипцами. Бычок стерпел. А когда пришла его очередь, ухватил он старуху-шулмуса за грудь железными щипцами и вырвал мясо. ''Ой-ой!— завопила старуха,— ты сильнее! Но давай еще побьем друг друга!''— И она ударила Беломордого бычка по голове и по груди деревянным молотком. Бычок стерпел. А когда пришла его очередь, он ударил старуху по голове железным молотом, хлынула у нее кровь, и старуха-шулмус с воплями убежала.

Пришли друзья Беломордого бычка. ''Несчастные, зачем вы обманывали меня?— сказал он им.— Я убил старуху-шулмуса, хозяйку этого дома. Пойдите, посмотрите!'' Пошли друзья и видят: в глубоком ущелье лежит громадный труп старухи, а рядом — груды золота и всякого имущества. Друзья и говорят Беломордому бычку: ''Ты храбрый, не боишься старухи-шулмуса, полезай вниз и подавай наверх золото и драгоценности''. Беломордый бычок так и сделал. А когда он все

подал наверх, трое друзей решили не делиться с ним, не вытаскивать его из глубокого ущелья.

Нашел Беломордый бычок в ущелье три абрикосовые косточки и сказал: ''Если я действительно Беломордый бычок, то пусть вырастут три дерева''. Положил он под голову труп старухи и заснул. А когда проснулся, увидел, что абрикосовые деревья выросли вровень с краем ущелья. По ним он и вылез. Разыскал друзей, которые жили в довольстве, хотел их наказать за подлость, убить, да раздумал. Пожалел. Пошел к отцу. По дороге сразился он с черными быками-шулмусами и поразил одного из них стрелой в лоб. Остальные разбежались. Владыка небожителей Хормуста сказал ему: ''Когда ты пойдешь дальше, то попадешь в город шулмусов. Скажи, что ты врач. Тебе покажут шулмуса, раненного твоей стрелой. Ты сделай вид, что собираешься вынуть стрелу из раны, а сам вонзи стрелу в мозг шулмусу!''

Беломордый бычок так и сделал. Когда он сильно толкнул стрелой в мозг шулмусу, упала с неба железная цепь. Беломордый бычок, спасаясь от шулмусов, начал было взбираться вверх по той цепи, но жена царя шулмусов ударила его железной палкой по спине, отчего Беломордый бычок, разорвался на части и превратился в семь звезд-братьев, которые и взошли на небе''.

Старуха пошла к котлу и, мешая мясо, проворчала:

— Ты, хан, как этот Беломордый бычок, силен, да не всегда умен, всем служил, всем помогал, и все предали тебя!

— Молчи, старуха,— обиделся Галдан.— Твои слова — теперь пустые слова. Мудрости твоей миновали года, старости твоей теперь наступили года. Давай мясо!

Выкладывая мясо в корыто, старуха буркнула:

— А тебе, Беломордому бычку, до старости и не дожить!

Но Галдан не слышал ее слов. Засыпая под теплыми овчинами, он беспокойно ворочался и думал о последней беде, которая пришла на днях. Его охотники,

встречавшиеся с халхасцами, сказали, что, как стало недавно известно, Далай-лама умер 12 лет тому назад, а его новое перерождение (преемник) еще молодо и не ведет дел. Рухнула последняя опора. Не устоять теперь ему. Пришла весна, солнце уже согнало снег, скоро появится трава, но нет у него скота, который бы ел ее, нет боевых коней, которые могли бы, нагуляв тело на весенней зеленой мураве, пойти в трудный поход. Беда, беда! Всю ночь Галдана знобило, спал он плохо, старуха из своего угла слышала, как он бредил, бессвязно выкрикивая слова команды.

Утром Галдан проснулся совсем больным. Он отказался от еды и приказал срочно послать за Даньцзилой, который жил со своими людьми примерно в одном дне пути от Галдана. Пришел врач, долго в разных местах прослушивал пульс, внимательно разглядывал мочу хана, а потом ушел готовить лекарство. Галдан велел вынести себя из юрты.

Стоял солнечный майский день. На проталинах зелеными ниточками пробивалась первая трава. Хан пригрелся на солнце и уснул спокойно и безмятежно, как это бывало в детстве, в родительской юрте. Проснулся он от ощущения какой-то тревоги. С востока из-за горы выползали две черные тучи, полыхнула молния, загремел гром. Надвигалась гроза. Галдан смотрел на тучи, и ему вдруг показалось, что они превращаются в огромных желтокрылых ос. Молнии сверкали, как острые отточенные жала. Галдан испугался. По юрте и по овчинам, которыми был укрыт Галдан, забарабанили первые капли весенней грозы, и он велел внести себя в юрту. К вечеру Галдану стало совсем плохо. Ему казалось, что перед ним на коленях стояли предавшие его Дамба-Хашка, Даньцзинь-Гомбо, Арабдан, и он говорил им, укоряя:

Есть ли, богатыри, между вами такой,
Чьи не хрустели бы кости в пальцах
моих?
Есть ли, богатыри, между вами такой,
Кто на коне моем не был сюда привезен?

Он угрожал им казнью, а они не оправдывались, а лишь показывали куда-то назад, за свои спины. Там, за мутной снежной пеленой, лежали умершие от голода, жажды, жары и холода люди — его ойраты. Галдан испугался, хотел закричать и не смог.

Когда поздно ночью приехал Даньцзила, Галдан уже был мертв.

Даньцзила хорошо сознавал, что маньчжуры непременно захотят получить труп Галдана, чтобы надругаться над ним. Поэтому, желая пресечь всякие попытки со стороны тех, кто захотел бы теперь сдаться Кан-си с трупом его врага, он приказал немедленно сложить костер. Был призван гадатель — зурухайчи, который назвал буянчи, человека, избранного проводить Галдана в новое перерождение. При свете факелов буянчи омыл покойного, прикрыл бумагой с изображением двух очиров полуоткрытый рот хана, черной повязкой завязал его открытые остекленевшие глаза. Решено было, что труп Галдан будет предан стихии огня.

На высокий костер положили труп Галдана. Майская ночь дышала холодом, и немногие, кто провожал хана в последний путь, жались к костру. К тому времени, когда заалел восток и серый предрассветный туман стал отступать из долины в горные ущелья, все было кончено. Даньцзила железными щипцами доставал из догоравшего костра обгоревшие кости того, кто еще недавно был грозным и непоколебимым Бошокту-ханом. Когда взошло солнце, груда костей и горстка пепла остывали в стороне от костра. Даньцзила собрал их потом в кожаный мешок. Завязывая его сыромятным ремнем, он произнес те же слова, которые некогда сказал Далай-лама V над прахом великого Зая Пандита:

— Огонь поспешил!

И он был прав.

Итак, Галдан Бошокту-хан скончался 13 числа 3-го дополнительного месяца 1697 года (3 мая) в местности Ачаамутай, в Западной Монголии. 28 мая весть о гибели Галдана достигла пределов Цин. По официальным китайским данным тех лет, Галдан "ранним утром

почувствовал себя больным, а к вечеру умер. От какой болезни — неизвестно''[18]. Цицир-зайсан, привезший по поручению Даньцзила его известие в Китай, объявил: ''13 дня третьего месяца Галдан умер от болезни. Этой же ночью труп был предан сожжению''[19].

Позднее появилась версия, что Галдан покончил с собой, приняв яд[20]. Его внезапная смерть давала повод к этому. Однако изданные в 1708 году, еще при жизни Кан-си, документы тех лет ничего не сообщают о том, что Галдан отравился. Объявив причиной его гибели самоубийство, китайские историки просто-напросто задним числом старались унизить непримиримого врага своего императора.

Даньцзила, его зять Ласылунь и Ноян-гэлюн с останками Галдана и дочерью Бошокту-хана Чжунцихай направились в Китай.

Цэван-Рабдан, узнав о гибели Галдана и почувствовав себя спокойно и уверенно на джунгарском престоле, потребовал, чтобы ему выдали дочь Галдана и останки самого хана, мотивируя свою просьбу тем, что по ойратским обычаям останки врага не могут быть объектом мести. Цинские власти отвечали на эти неоднократные просьбы решительным отказом: ''У всякого большого мятежника не сохраняют потомства, не оставляют его трупа — все должно быть уничтожено до конца!'' Лично Кан-си заявил: ''По нашим обычаям и никому ненужная дочь, и обгорелые кости — тоже враги, и следует непременно предать их позору и осмеянию''[21]. Предлагали много проектов осквернения праха Галдана, казни его сына. Однако, по здравому размышлению, лично осмотрев прах Галдана, Кан-си сдержал свои чувства и отказался от дальнейшей мести. С ойратами предстояло еще иметь дело. Достаточно уже того, что Цэван-Рабдан, внешне соблюдая дружеские отношения, сразу взял курс на укрепление независимой Джунгарии. ''Перед моими глазами,— заявил он,—земля Галдана. Все тайчжи, которые подчинились Китаю,— мои враги, и должны быть выданы мне. И я требую возврата моих людей, которые и должны быть переданы мне!''[22]

Поэтому, чтобы уверить в безопасности бывших сторонников Галдана, предавших его, Кан-си определил на службу сына Галдана, который мог теперь пригодиться против Цэван-Рабдана, а дочь ойратского Бошокту-хана выгодно выдал замуж.

Так закончилась эпопея Галдана — одного из видных исторических деятелей Центральной Азии, славного сына ойратского народа. Следствием тех событий, о которых мы рассказали, было включение территории Халхи в состав Цинской империи (Китая). Время необратимо. Историю нельзя переделать, хотя можно много раз переписывать заново.

Противоборство Галдана и Кан-си имело глубокую историческую подоплеку. С XVI века — времени великих географических открытий, роста капитализма и начала колониальных захватов, на разных экономических и политических основах происходит формирование крупных государств, в числе которых, помимо чисто колониальных держав, в известной мере и как реакция на их действия, были и Оттоманская империя, и Иран Шах-ин-шахов, и цинский Китай. В этих условиях судьбы Халхи, Джунгарии и даже Тибета в известной мере были предрешены, независимо от того, в чьих бы руках они ни оказались.

Именно при Кан-си маньчжуры, наконец, полностью овладели Китаем. Кан-си, возможно, первый из маньчжурских ханов уже не был просто маньчжурским богдыханом. К этому времени занявшие китайский престол маньчжурские ханы, усвоив весь арсенал традиционной китайской идеологии, в том числе политику в отношении соседей, стали не маньчжурскими императорами, покорителями Китая, а маньчжурами на китайском престоле, проводившими великодержавную захватническую политику в отношении соседей уже в интересах Китая, его господствующего класса, отныне принявшего в свои ряды маньчжурскую знать. Территориальная экспансия тех лет, проводить которую маньчжурская знать оказалась более способной, чем со-

бственно китайская, велась в великодержавных интересах Китая.

Джунгарские ханы объективно мешали цинской политике в отношении Халхи, ибо, как справедливо отмечал С. Л. Тихвинский, ''стремление ойратских феодалов сохранить политическую самостоятельность своего государства диктовало им антицинскую внешнюю политику''[23]. Галдан не действовал исключительно по указке Далай-ламы и правительства Тибета, на чем акцентирует внимание И. Я. Златкин[24], не был он и агрессором, как представлял Галдана в свое время А. М. Позднеев[25]. Галдан, особенно на первых этапах своей деятельности, стремился к созданию сильного государства ойратов и защищал интересы Джунгарии. Кстати, Галдан потому и не начал, по нашему мнению, войны с Цэван-Рабданом, как и Цэван-Рабдан с Галданом, ибо оба понимали, что в обстановке тех лет такая война угрожала бы существованию Джунгарского ханства вообще.

Не сумев удержать Халху, Галдан в известной мере, думается, сознательно принес себя в жертву и не удерживал всеми ему доступными средствами тех своих сторонников, которые уходили не в Китай, а ближе к границам Джунгарии. Объединение всех ойратских племен в то время было объективно невозможным, как и неосуществимым подчинение Халхи Джунгарии. Не являлся Галдан и сознательным, последовательным организатором борьбы всех монголоязычных народов против подчинения их власти Цин. Но объективно он выступал как возможное знамя такой борьбы, как пример ее для тех, кто не хотел цинского господства. Именно поэтому он и был особо ненавистен цинским властям и лично Кан-си, которого выводила из себя эта непокорность. С нашей точки зрения, пожалуй, самую верную оценку деятельности Галдана Бошокту-хана дал современный монгольский историк Д. Гонгор: ''В историю Монголии Галдан бошиг вошел как непоколебимый борец против иноземных захватчиков. Став правителем Ойратского ханства, он вел политику, отвечав-

шую интересам класса феодалов. Но в отличие от многих представителей своего сословия, готовых ради корыстных целей предать интересы родины, хан Галдан до конца отстаивал свободу и независимость Монголии''[26].

В этой неравной борьбе, в которой военное превосходство было целиком на стороне Цин, а большинство ойратов и халхаской правящей верхушки пошли на соглашение с Кан-си, он мужественно и стойко сражался до конца. Возможно, в глазах части его современников упорство и непоколебимость Бошокту-хана выглядели безумством. Но Галдан был одним из немногих представителей своего класса, кто даже если и не осознал, то интуитивно угадал необходимость для исторических судеб монголоязычных народов их борьбы с иноземным господством. Именно поэтому Галдан был и остается национальным героем ойратского народа, человеком, чья несгибаемая воля и смелость вошли в легенду.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Вступление

[1] *Монголо-ойратский* героический эпос. Пг.—М., 1923, с. 55—57. Перевод, вступительная статья и примечания Б. Я. Владимирцова.

[2] *Из путевых* заметок А. М. Позднеева. 9 июня 1879 г.—Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 37, с. 8 б.

Глава первая

[1] *Pelliot P.* Notes critigues d'histoir Kalmouke.—Oeuvre posthume dep Pelliot, Paris, 1960, v. VI, p. 23.

[2] *История* Габан Шараба. Перевод Ю. Лыткина.— Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 10, с. 7а.

[3] *Ханэда Акира.* Гардан дэн косё.— ''Тохо гаку ропсо'', 1962, с. 212.

[4] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюэ. Пекин, 1708, гл. 1, с. 33б.

Глава вторая

[1] *Бурдуков А. В.* Предание о происхождении дербэтских князей кости Цорос.— Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамур. отдела ИРГО, Кяхта, 1911, т. XIV, вып. 1—2, с. 56—58.

[2] *История* Габан Шараба, с. 6а—6б.

[3] *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб., 1881, вып. II, с. 161.

[4] Там же, с. 173.

[5] *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Перевод Л. А. Хетагурова. М.—Л., 1952, т. I, кн. 1, с. 118—119.

[6] Там же, с. 174—175.

[7] *Лубсан Данзан.* Алтан-Тобчи. Перевод с монголького, введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. М., 1973, с. 156—158.

[8] *Материалы* по истории киргизов и Киргизии. М., 1967, с. 54—55.

[9] *Котвич В. Л.* Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв.— Изв. Рос. Академии Наук, 1919. Т. 2. Азиатский сборник, с. 791, прим. 1.

[10] *Описание* истории калмыцкого народа.— Красный архив, 1939, № 3 (94), с. 194.

[11] *Поппе Н. Н.* Роль Зая-Пандиты в истории.— Kalmyk-Oirat Symposium, Kalmyk Monograph Series, Philadelphia, 1966, № 2, p. 59—60.

Глава третья

[1] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства. М., 1964, с. 103.

[2] *Козин С. А.* Ойратская историческая песня о поражении халхаского Шолой-Убаши-хунтайджи в 1587 г. войсками ойратского четырехцарствования.— Науч. бюл. Ленингр. ун-та, 1946, № 6, с. 10—12.

[3] *Лубсан Данзан.* Алтан-Тобчи, с. 277.

[4] *Позднеев А. М.* Астраханские калмыки и их отношение к России до начала нашего столетия.— Журнал Мин. народ. просв., 1884, т. CCXIV, отд. 2, с. 146.

[5] *Вэй Юань.* Суйфу элутэ мэнгу цзи.— В кн.: Сяофанхучжай нэйди цунчао, 1892, чжи 2, бэнь 7, с. 17б.

[6] *Путешествие* русского посланника Федора Исаковича Байкова в Китай в 7162 (1654) году, июня 25 дня. М., 1788, с. 126.

[7] *Кара Д. И.* Книги монгольских кочевников. М., 1972, с. 8.

[8] *Поппе Н. Н.* Роль Зая-пандиты в истории, с. 70.

[9] *Алексеев М. П.* Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII веке.— Ист. архив, М., 1936, т. 1, с. 172.

[10] *Вернадский Г. В.* Историческая основа русско-калмыцких отношений.— Kalmyk-Oirat Symposium, p. 22, 38.

Глава четвертая

[1] *Heissig W.* Ein Mongolisches Textfragment uber den Olotenfursten Galdan.— Sinologische Arbeiten, 1941, Bd II, S. 113.

[2] *Ahmad Z.* Sino-Tibetan relations in seventeen century, Serie Oriental Roma, 1970, t. XL, p. 232.

[3] *Лунный свет* — история Рабджам Зая-пандиты. Перевод с калмыцкого Г. Н. Румянцева.— Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 1, оп. 3, № 44, с. 4.

Глава пятая

[1] *Лыткин Ю.* Материалы для истории ойратов. Хошоутовский нойон Галдама. СПб., 1860, с. 8.

[2] *Лунный свет,* с. 39.

[3] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 206.

[4] *Внешняя* политика государства Цин в XVII в. М., 1977, с. 173.

[5] *Ханэда Акира.* Гардан дэн косё, с. 232.

[6] Цит. по: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 220.

[7] *Жамцарано Ц. Ж.* История Монголии по лекциям проф. В. Л. Котвича.— Архив востоковедов Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 112, с. 34.

[8] *История Кукунора,* называемая "Прекрасные ноты из песни Брахмы". Сочинение Сумба-Хамбо. Перевод с тибетского Б. Д. Дандорона. М., 1972, с. 103.

[9] Heissig W. Ein Mongolisches Textfragment, S. 113.

[10] Цит. по: *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 220.

[11] *История Кукунора*, с. 82.

[12] *Басин В. Я.* Россия и казахские ханства в XVI—XVII вв. Алма-Ата, 1971, с. 102.

[13] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюэ, гл. 1, с. 10б—11а.

[14] *Чимитдорджиев Ш. Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа (XVII—XVIII вв.). Улан-Удэ, 1974, с. 25.

[15] *Позднеев А. М.* Монгольская летопись "Эрдэний-Эрихэ". Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. СПб., 1883, с. 175.

[16] *Courant M.* L'Asie central aux XVII et XVIII Siecles. Empire Kalmouks ou Empire Mandchou. Lyon—Paris, 1912, p. 48.

[17] *Внешняя* политика государства Цин в XVII веке, с. 131.

[18] Там же, с. 141.

[19] Там же, с. 149.

[20] Там же, с. 150.

[21] *Жамцарано Ц.* Монгольские летописи XVII в.— Труды Ин-та востоковедения, М.—Л., 1936, т. XVI, с. 10.

[22] *Шастина Н. П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII веке.— Сов. востоковедение, 1949, т. VI, с. 393.

[23] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 246.

[24] *Чимитдорджиев Ш. Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа, с. 27.

Глава шестая

[1] *Heissig W.* Ein Mongolisches Textfragment, S. 114.

[2] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, предисловие, с. 2б.

[3] *Heissig W.* Ein Mongolisches Textfragment, S. 131.

[4] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 1, с. 14а—14б.

[5] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 248.

[6] *Внешняя* политика государства Цин в XVII в., с. 176.

[7] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 1, с. 25а—25б.

[8] *Ханэда Акира.* Гардан дэн косё, с. 226, 233.

[9] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 1, с. 26а.

[10] *Архив* востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 112, с. 34.

Глава седьмая

[1] *Shaw R. B.* The history of the Khoja of Eastern Turkestan.—Journal of the Asiatic Society Bengal, Calcutta, 1897, v. LXIV, p. 1, p. 9.

[2] *Материалы* по истории киргизов и Киргизии, с. 186.

[3] *Akimushkin O. F.* Le Turkestan Oriental et les Oirats,—Etudes mongoles, Paris, 1974, v. 5, p. 161—163.

[4] *Архив* востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 112, с. 34.

[5] *Игумнов А. В.* Обозрение Монголии.— Сиб. вест., СПб., 1819, ч. 6, с. 60—61.

[6] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 91.

[7] *Чимитдорджиев Ш. Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа, с. 27.

[8] *Илетхель* шастир, гл. 94. Перевод Ю. Лыткина.— Архив востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 60, оп. 1, ед. хр. 12, с. 1.

[9] *Heissig W.* Ein Mongolisches Textfragment, S. 113.

[10] *Илетхель* шастир, гл. 95, с. 1б.

[11] *Ханэда Акира.* Гардан дэн косё, с. 234.

[12] *Чимитдорджиев Ш. Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа, с. 26.

[13] *Архив* востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 169, с. 3а—3б.

[14] *Бичурин И.* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, с. 67.

[15] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 1, с. 35а—35б.

[16] Там же, с. 35б.

[17] *Zahiruddin A.* Sino—Tibetan relations..., p. 52.

[18] *Courant M.* L'Asie central aux XVIII et XVIII siecles..., p. 52.

[19] *Архив* востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН, ф. 62, оп. 1, ед. хр. 112, с. 34.

[20] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 63.

[21] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 260.

[22] *Шастина Н. П.* Алтын-ханы Западной Монголии в XVII в., с. 393—394.

[23] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 2, с. 2б—3б.

[24] Там же, гл. 1, с. 37б; гл. 2, с. 2а.

Глава восьмая

[1] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 316.

[2] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 188.

[3] *Гонгор Д.* Ойратский князь Галдан-Бошигт.— Современная Монголия, 1967, № 3, с. 19; *Чимитдорджиев Ш. Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа, с. 45.

[4] *Чимитдорджиев Ш. Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа, с. 27—28.

[5] *Howorth H.* History of the Mongols. London, 1876, t. 1, p. 629—630.

[6] *Рукописный* фонд Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Монгольский фонд, д. 68. Автор благодарит канд. фил. наук А. Г. Сазыкина за прочтение для него этого текста.

[7] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 1, с. 1а—2а.

[8] *Courant M.* L'Asie centrale aux XVII et XVIII siecle..., p. 52.

[9] *Да Цин* личао шилу. Токио, 1937—1938, гл. 71, с. 41б.

[10] *Courant M.* L'Asie centrale aux XVII et XVIII siecle..., p. 52.

[11] *Чимитдорджиев Ш. Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа, с. 28.

[12] *Голстунский К. А.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук Даши. Калмыцкий текст с переводом и примечания. СПб., 1880, с. 58—59.

[13] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 180—181.

[14] Там же, с. 181—182.

[15] *История Кукунора,* называемая "Прекрасные ноты из песни Брахмы", с. 104.

[16] *Легенды* и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Бенингсеном. СПб., 1912, с. 126—127.

[17] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 2, с. 34б.

[18] Там же, гл. 3, с. 8б.

[19] Там же, гл. 4, с. 4б—5а.

[20] *Внешняя* политика государства Цин в XVII в., с. 183.

[21] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 62—63.

[22] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 3, с. 6б.

[23] Там же, гл. 3, с. 18б.

[24] Там же, гл. 3, с. 19б.

[25] Там же, гл. 3, с. 20а—20б.

[26] Там же, гл. 3, с. 23б—24а.

[27] Там же, гл. 3, с. 24б—25б.

[28] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 189.

[29] Там же, с. 72—73.

[30] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 4, с. 5а—5б.

[31] Там же, гл. 4, с. 6а—7б.

[32] Там же, гл. 4, с. 7б.

[33] Там же, гл. 4, с. 7б—9а.

[34] Там же, гл. 4, с. 10а—11а.

[35] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 71.

[36] *Heissig W.* Ein Mongolisches Textfragment, S. 115.

[37] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 4, с. 15б.

[38] Там же.

[39] *Чимитдорджиев Ш. Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа, с. 28—29.

[40] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 5, с. 17б—18а.

[41] *Потанин Г. Н.* Монгольские легенды о монастыре Эрдэни-Цзу.— Живая старина, 1890, вып. 2, с. 240.

[42] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 4, с. 17а—17б.

[43] Там же, гл. 4, с. 22б—23а.

[44] Там же, с. 28а—30а.

[45] Там же, с. 35а—35б.

[46] Там же, с. 32б—33а.

[47] Там же, с. 33а—33б.

[48] Там же, с. 33б.
[49] *Да Цин* личао шилу. Токио, 1937—1938, гл. 71, с. 7а.
[50] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 5, с. 5б—6а.
[51] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 198.
[52] *Courant M.* L'Asie centrale aux XVII et XVIII siecle..., p. 55.
[53] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 75.
[54] *Чимитдорджиев Ш. Б.* Антиманьчжурская освободительная борьба монгольского народа, с. 36.
[55] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 76.
[56] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 5, с. 7б.
[57] Там же, гл. 5, с. 8а—9б.
[58] Там же, с. 13б—14б.
[59] Там же, с. 15а.
[60] Там же, с. 44а.
[61] *Новая* история Китая. М., 1972, с. 60.
[62] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 5, с. 23б.
[63] Там же, гл. 5, с. 37а—39б.
[64] Там же, с. 44а.
[65] *Хуанчао* фаньбу яолюе, Б. м., 1884, гл. 3, с. 15а—15б.
[66] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 6, с. 12б.
[67] Там же, гл. 6, с. 22а.
[68] Там же, гл. 9, с. 8а—8б.
[69] Там же, гл. 6, с. 31б—32а.
[70] *Гонгор Д.* Ойратский князь Галдан-Бошигт, с. 19.
[71] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 6, с. 35а—35б.
[72] Там же, гл. 6, с. 40б—41а.
[73] Там же, с. 39а—39б.
[74] Там же, гл. 7, с. 13а.
[75] Там же, с. 20б—22а.
[76] Там же, с. 34б—35а.
[77] Там же, с. 37б—38а.
[78] Там же, с. 38б—39а.
[79] Там же, с. 7б—8а.
[80] Там же, с. 12а.
[81] Там же, с. 17а—18б.
[82] Там же, гл. 9, с, 11а—12а.
[83] Там же, гл. 10, с. 29а.
[84] Там же, с. 31а—32а.
[85] Там же, гл. 12, с. 25а—29б.
[86] Там же, гл. 13, с. 30а—30б.
[87] Там же, гл. 15, с. 13б—14а.
[88] Там же, гл. 14, с. 11б—12а.
[89] Там же, с. 12б—17а.
[90] Там же, гл. 15, с. 7а—7б.
[91] Там же, с. 8а—8б.
[92] Там же, с. 19а—20б.
[93] Там же, с. 22а—23а.
[94] Там же, гл. 16, с. 14б—15а.

[95] Там же, с. 33а.
[96] Там же, гл. 17, с. 32а—32б.
[97] Там же, гл. 20, с. 13б—14а.
[98] Там же, с. 42а—42б.
[99] Там же, гл. 22, с. 22а.
[100] Там же, гл. 23, с. 37б.
[101] Там же, гл. 23, с. 17б—21а.
[102] Там же, с. 33а—34б.
[103] Там же, с. 51б.
[104] Там же, с. 53б.
[105] Там же, с. 56б.

Глава девятая

[1] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 24, с. 39а—43а.
[2] Там же, гл. 25, с. 22а.
[3] Там же, гл. 26, с. 4б—5а.
[4] Там же, гл. 27, с. 51б.
[5] Там же, гл. 28, с. 39а—39б.
[6] Там же, гл. 30, с. 12б—14а.
[7] Там же, с. 23б.
[8] Там же, гл. 31, с. 13б.
[9] Там же, гл. 32, с. 2а—4а.
[10] Там же, с. 22а—25а.
[11] Там же, с. 46а—49а.
[12] Там же, с. 53а—53б.
[13] Там же, гл. 39, с. 45б—46б.
[14] Там же, гл. 38, с. 37б.
[15] Там же, гл. 39, с. 46а—47а.
[16] Там же, гл. 36, с. 33а—36б.
[17] Там же, с. 7б.
[18] Там же, гл. 43, с. 30а.
[19] Там же, с. 41б.
[20] *Да Цин* личао шилу, гл. 183, с. 7б.
[21] *Цинь чжэн* пиндин Шамо фанлюе, гл. 46, с. 32б—33а.
[22] Там же, гл. 46, с. 33а.
[23] *Тихвинский С. Л.* Маньчжурское владычество в Китае,— В кн.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966, с. 42.
[24] *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, с. 316.
[25] *Позднеев А. М.* Эрдэнийн-Эрихэ, с. 189.
[26] *Гонгор Д.* Ойратский князь Галдан-Бошигт, с. 19.

Глоссарий

Альчик — кость коленного сустава задней ноги овцы, игральная кость

Аргал — сухой скотский помет

Баатур — багатур, богатырь

Бадмарак — украшение в виде цветка лотоса

Баньди — пандит, ученый, ученый монах

Белогорцы — одна из мусульманских религиозных сект в Кашгарии в Восточном Туркестане в XVII—XIX вв.

Бодисатва — в буддизме существа, достигшие совершенного знания, которые могли бы уйти в нирвану и стать буддами, но отказываются от этого ради оказания помощи в спасении другим живым существам.

Богдыхан — великий хан, император

Бурхан — скульптурное изображение буддийского божества

Бумбулва — ханская ставка

Бэйлэ — маньчжурский князь 3-й степени

Бэсэ — маньчжурский князь 4-й степени

Ваджрадара — женское божество в буддизме

Восьмизнаменные войска — наименование цинских войск

Ганджур — буддийский канон на тибетском и монгольском языках

Гаруда — мифическая птица в буддизме

Гелугпа — желтые шапки, желтая вера, школа буддизма, господствующая в Тибете с XV века

Гонбо-гуру — Белый Махакала, наименование буддийского божества

Гэгэн-хутукта — глава буддийской церкви в Монголии

Гэлюн — буддийский монах

Гэр — юрта

Данджур — комментарии на Ганджур

Дара-Эке — Великая Тара, божество в буддизме, женская ипостась бодисатвы Авалокитешвары

Даруга, дарга — начальник, правитель

Джинонг — титул цесаревича, князя-соправителя

Докшин — дхармапала, защитник веры, мифические существа устрашающего облика, защитники веры у буддистов

Желтая вера — буддизм, см. также Гелугпа

Зайсан — жалованная знать у ойратов

Зункава — см. Цзонхава

Зурухайчи — гадатель

Кэшиктэны — гвардия, охрана хана

Майдари — Майтрея, будда будущего

Маньчжушри — имя одного из бодисатв

Махакала — один из докшитов

Найманы — племена, занимавшие в эпоху Чингис-хана западные районы современной МНР и Алтай. Этническая принадлеж-

ность спорна, одни считают их монголоязычными, другие — тюркоязычными.

Нойон — знатный человек, представитель родовой знати

"Ом мани падме хум" — одна из самых употребительных и коротких молитвенных формул у буддистов. Переводы не однозначны.

Очир-вани-Ваджрапани — имя одного из бодисатв.

Сайн-нойон — титул одного из удельных правителей Халхи

Сангха — община верующих буддистов

Сумеру — мифическая священная гора буддистов

Сумэ — монастырь

Сутра — основной вид канонических сочинений в буддизме, по преданию, изложение какого-либо из вопросов учения самим Буддой

Тайчжи — наследственный титул монгольской и ойратской знати, нечто вроде "потомственного дворянства"

Тантра — тексты из разряда тайных, сокровенных в буддизме

Тумэн — отряд в десять тысяч воинов

Тушэту-хан — титул ханов, управлявших центральной частью Халхи

Тэнгрии — небесные божества в мифологии монголов

Улус — владение, удел, государство

Урун — наименование птицы (сова?)

Хадак — кусок ткани, напоминающий шарф. Хадаками как ценными дарами-символами обмениваются верующие буддисты Тибета и Монголии.

Хит — храм, монастырь

Хоншим-бодисатва — Арьябала, Авалокитешвара, имя одного из бодисатв

Хунтайчжи — титул наследника ханского престола

Хутукта — наименование высших иерархов буддийского духовенства в Монголии

Цаган-хан — белый царь, наименование русского царя у монголов и бурят

Цзамба — вид пищи, приготовляемой из ячменной муки с водой в виде тестообразной массы или шариков из теста

Цзасак — правитель

Цзасакту-хан — титул ханов, управлявших западной частью Халхи

Цзонхава — реформатор тибетского буддизма на рубеже XIV—XV вв., основоположник школы Гелугпа

Цзу — от тибетского "Чжу", наименование статуи Будды в главном храме Лхасы Джакан

Циньван — принц крови, князь 1-й степени

Цэцэн-хан — титул ханов, управлявших восточной частью Халхи

Чжамуха — один из соперников Чингис-хана в борьбе за власть в Монголии

Черногорцы — одна из мусульманских религиозных сект в Кашгарии в Восточном Туркестане в XVII—XIX вв.

Чойджял — тибетское, "царь веры"

Шабинары — крепостные при монастырях и буддийских храмах

Шаншу — глава ведомства, министерства

Шастра — трактат, рассуждение на определенную тему, вид сочинений в буддийской литературе

Шивэй — офицер гвардии, должность военачальника

Шулмус — черт, ведьма, нечистая сила у ойрат

Элюты — элеты, ойраты, калмыки

Эрлик-хан — глава царства мертвых, судья умерших и повелитель ада

Юрт — ставка, место кочевья, место жительства

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научно-популярное издание

Кычанов Евгений Иванович

ПОВЕСТВОВАНИЕ ОБ ОЙРАТСКОМ ГАЛДАНЕ БОШОКТУ-ХАНЕ

Редактор *А. Б. Лиджиев*
Технический редактор *Л. Е. Германиева*

ЛР № 010037
ИБ № 1626

Сдано в набор 08.12.98. Подписано в печать 21.04. 99. Формат 84x108/32.
Бумага типографская № 2. Гарнитура Harmonica. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,92. Усл.-кр. отт. 11,18. Уч.-изд. л. 9,82.
Тираж 2000 экз. Заказ 779. 015 "С".

Калмыцкое книжное издательство,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 243.

АПП "Джангар" Республики Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. Ленина, 245.

Элиста
Калмыцкое книжное издательство
1999